

ПОД ТЕНЬЮ ВЕКОВОГО КЕДРА

Сборник работ победителей и участников международного литературного конкурса малой прозы “ЭтноПеро”

Министерство культуры Свердловской области
Свердловская областная межнациональная библиотека

ПОД ТЕНЬЮ ВЕКОВОГО КЕДРА

Сборник работ победителей и участников
Международного литературного конкурса малой прозы
«ЭтноПеро»

Екатеринбург 2017

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

П44

Под тенью векового кедра : сб. работ победителей и участников Международного литературного конкурса малой прозы «ЭтноПеро» / Министерство культуры Свердловской области, Свердловская областная меж-национальная библиотека; сост. Ю. Б. Феденева. - Екатеринбург: СОМБ, 2017. - 217 с.

В сборнике представлены работы, вошедшие в шорт-лист Международного литературного конкурса малой прозы «ЭтноПеро», в том числе три работы победителей.

Рассказы печатаются в авторской редакции.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

СОДЕРЖАНИЕ

- От составителя.....	5
- Рецензия на рассказ «Эльга».....	10
- Луконина О.Б. «Эльга».....	12
- Рецензия на рассказ «Умятские народные сказки».....	35
- Гарифуллина М.А. «Умятские народные сказки».....	36
- Рецензия на рассказ «Мантия волшебника»...44	
- Маматова А.М. «Мантия волшебника».....	46
- Рецензия на рассказ «Разоблачение».....	59
- Пичура Г.Б. «Разоблачение».....	61
- Ариткулова Г.Р. «Уникумы».....	75
- Брусницин А.Н. «Под тенью векового кедра».....	86
- Гордиенко П.В. «Танг и учара».....	99
- Иохвидович И.Г. «От Белгорода до Харькова».....	107
- Кузьмина С.Г. «Необычайный урок самобытности».....	117
- Мальчевская Г.В. «Сказки о Севере и девочке Бусинке».....	146
- Томилов А.А. «Годы среди удэгейцев».....	168
- Томилов А.А. «Соленая степь».....	194

От составителя

Литература всегда есть продукт авторского опыта - религиозного, социального, духовного, телесного... Важнейшей составляющей художественной личности, которая творит «всем в себе», «всею своей целостностью», является опыт осознания своего этнического своеобразия и осмысление взаимосвязей и взаимодействий с другими народами. Именно этот опыт широко представлен в работах, участвующих в конкурсе малой прозы «Этноперо 2017».

Энопоэтика большинства конкурсных произведений позволяет не делить её на фольклорную, языческую, христианскую и т.д. Все авторы так или иначе опираются на единый культурный фундамент, на котором традиционно воздвигается здание отечественной литературы, в основе которого заложено внимательное и уважительное отношение как к своим корням, так и к своеобразию человека «другой крови», обществу, устроенному по-другому.

Осознание своей национальной природы может служить дополнительным мощным источником силы для человека, живущего не в своем родном мире. Так, например, героиня рассказа Олеси Лукониной, Эльга, попавшая под автоматную очередь бандитской «разборки», в буквальном смысле слова выживает в чужом ей городе благодаря чудесному дару Сангия-мамы, создательницы и владычицы таежного Озера. И в дальнейшем внутреннем противостоянии с «хозяином» города Ситниковым она сохраняет цельность личности, не изменяя ни себе, ни своим корням, благодаря неразрывной связи с тайгой, сопками, Озером.

Природа в произведениях этнотематики оказывается включенной в реальность как явление сверхъестествен-

ного, необычного, причем она выступает как мощный союзник своих детей в борьбе с таинственными злыми силами. Например, в рассказе А. Брусницина «Под тенью векового кедра» молодой охотник Юма побеждает страшное, темное начало, захватившее тело и душу одного из охотников, прижавшись к вековому кедру, спрятавшись в светлых детских воспоминаниях. Почерпнув природной силы от великана, Юма одолел зло, воплощенное в теле «угрюмого», а затем и спас того от нападения волка. Убив зверя, юноша испытывает жалость, ведь охота для него не развлечение, как для цивилизованного человека, а часть его внутреннего мира, и убивать «просто так» для него невыносимо.

Природа зачастую выступает как движущая сила сюжета. Так происходит в мифологических историях, объясняющих тот или иной фрагмент мироустройства, как, например, в серии сказок Галины Емельяновой о девочке с чудесным именем Бусинка. Её и бабушку спасают от голодной смерти звездные псы, она общается с духами моря и огня, едет в гости к Снежной волчице, переживает множество приключений вместе с верным другом - могучим и смелым псом Норче. В этой авторской сказке органично переплетаются описания человеческих чувств, природы, быта, что придает ей яркий национальный колорит Севера.

К чужакам, да и к своим природа может быть жестокой. Так произошло с героями рассказа А. Томилова «Соленая степь». У Кайрата в степи погибает лучший друг - конь, а затем и его университетский приятель, Жангир, оказывается в плену у солончаков на грани жизни и смерти. Природа степи удивительна и прекрасна, но губельна для людей. Колорит этого произведения яркий, однако совсем не сказочный.

Полностью лишены сказочного начала и произведения,

в которых говорится о сложных, порой наполненных самыми неприглядными чувствами взаимоотношениях народов. Горькие уроки дала в этом смысле война. Геноцид еврейского народа в рассказе «Волшебная мантия» показан глазами ребенка в воспоминаниях старого профессора Якова Моисеевича. Мир его детства оказывается разрушенным, а желание сотворить чудо оборачивается гибелью маленького приятеля. Рикошетом бьет из прошлого ненависть и презрение, разрушая жизнь сегодняшнюю. В рассказе Галины Пичуры «Разоблачение» Фима, разбирая вещи умершей тети и вспоминая её светлый образ, находит письмо своей жены, отправленное в годы войны не по адресу, - и ему открывается подлинный облик той, которую он всю боготворил. Оказалось, это женщина, которая презирала свою еврейскую родню и позволяла себя любить только из прагматических соображений. Герой, оказываясь не в силах пережить это открытие, уходит в другую реальность, в той, где нет боли от разоблаченного предательства.

Лишившись своих корней, человек в полной мере ощущает свою заброшенность, чувствует себя одиноким во всем мире. Таково настроение героини рассказа И. Иохвидович Мариц Яковлевны. В названии произведения - «От Белгорода до Харькова» - отражена эпическая история еврейской семьи, чудом выжившей в страшное время войны благодаря нужной профессии мамы маленькой Маши, и пережившей советскую действительность, полную антисемитской несправедливости, и оказавшейся в итоге в самостоятельной Украине. Горький парадокс жизни Мариц Яковлевны в том, что в крахе её семьи, в смерти отца и мужа, по существу, виновато русофобство, охватившее украинское общество, где им не оказалось места. Вспоминая свою жизнь в грустном одиночестве на чужбине, она, интеллигентный человек, не терпящий

матерщины, бросает грубое слово в пространство, совершая тем самым акт протеста против бессмысленной и беспощадной ненависти к людям иной крови, языка, культуры, против тех, кто эти чувства тщательно взращивает.

Сегодня, именно в эпоху глобализации, национальная самобытность, её поиск и обретение приобретают особый смысл. Ведь для любого человека это возможность ощутить свою неповторимость. Так, героиня рассказа С. Кузьминой «Необычайный урок самобытности» молодая певица Кристина оказывается на месте сверстницы из Хакасии. Известный сюжетный прием обмена телами помогает девушке осознать другую реальность, принять её и даже стать её частью буквально за один день. Множество открытий позволяют ей шире и глубже взглянуть на мир, на свою профессию и приблизиться к пониманию того, что такое самобытность - это прежде всего почитание культуры предков.

Подобные уроки дает и мудрый дед своему внуку в рассказе «Уникумы» из серии «Медовый край» (автор Г. Ариткулова). Из «сократовской» беседы, через серию загадок и последующих умозаключений маленький Салават узнает об удивительном прошлом башкирской земли: о том, как комбинат «съел» гору, как общаются между собой пчелы-башкирки, чем кура́й похож на саксофон. Вместе с героями мы приходим к выводу: красота родного края, его история, традиции уникальны. Так же особенны и неповторимы культура и традиции других народов - была бы добрая воля понять это. Осознание этого и делает мир и нас самих по-настоящему уникальными.

Победитель
Международного
литературного конкурса
малой прозы «Этноперо»
I место

Рецензия на рассказ Олеси Лукониной

«Эльга»

Любой художник пишет, исходя из своего опыта: национального, религиозного, социального, духовного, телесного.... Порой этот опыт дает самые удивительные результаты.

Героиня рассказа Олеси Лукониной, Эльга, - молодая девушка из народа удэге. Мир девичества - это царство грез о будущем принце, который придет, спасет и будет любить свою принцессу до конца жизни. Как же далек образ Эльги от общепринятых стереотипов! Её мир детства - это тайга, где она чувствовала себя хозяйкой, добытчицей: то с корзиной ягод вернется, то с кедровыми шишками, то с уловом карасей. Олеся Луконина создала невероятно сильный образ героини, сотканный из красноречивых деталей, - чего стоит только стойкая преданность своему непривычному для многих имени. Её имя - это часть личности, а личность Эльги отличается поразительной цельностью.

С одной стороны, она реалистка. Столкнувшись с непреодолимым злом в лице «хозяина города» Андрея Петровича Ситникова, она ведет себя по законам тайги: уважает право более сильного и не берется с ним воевать. Однако с другой стороны, Эльга - плоть от плоти своего народа, его легенд и мифов. Для неё источник чудесной силы, неведомый испорченному цивилизацией человеку, - Сангия-мама, давшей ей волшебный дар неуязвимости. Эльга заслужила этот дар в тяжелом испытании, свято поверив в сказку, рассказанную ей бабушкой. Тринадцатилетняя девочка, неудержимо стремящаяся к своей цели, смогла совершить практически подвиг: нырнула на дно ледяного Озера и достала ракушку - символ

бессмертия. Ситников, сильный и бесстрашный человек, смог повторить её поступок, но чуда не происходит. Почему? Потому что он чужой, жадный пришелец, который хочет вырвать чудесный дар у высших сил и использовать его, расширяя и утверждая свою власть. Но людям чужой крови не дано обретать бессмертие. Есть воля более высокого порядка, чем та, которая позволяет местным царькам строить свои империи в городах и весях необъятной России.

В рассказе Олеси Лукониной есть очень четкая оппозиция города как воплощения зла и того природного мира, из которого героиня вышла и куда она обязательно вернется, поскольку искусственная городская среда ей так же чужда, как и тем деревьям, которые умудряются тут выжить - и она, и они пришельцы. Усугубляется портрет города атмосферой времени - действие разворачивается в конце 90-х годов. Сразу вспоминается трагический рассказ В. Астафьева «Людочка», написанный на пороге эпохи девяностых - в 1989 году. Но суть города, как мы видим, не меняется. Героиня Астафьева, хрупкая деревенская девчушка, недолюбленная мать, не имеющая той внутренней силы, которая есть у Эльги, может выразить свой протест и своё отчаяние перед мерзостью жизни только через самоубийство. Город её губит. Но Эльга выживает, конечно, выживает благодаря той внутренней стойкости и цельности, которую ей дарит неразрывная связь с природным миром. С точки зрения обывателя её женская судьба не сложилась: она беременна от человека, которого не любила. Но образ несчастной матери-одиночки не для неё. После гибели «хозяина» она уходит не оглядываясь, зная, что не пропадет. А её сын получит имя мифического героя, которого любила хозяйка священного Озера. Так миф и реальность соединятся, и жизнь наследников народа удэге продолжится.

ЛУКОНИНА
ОЛЕСЯ БУЛАТОВНА

ЭЛЬГА

*Реальной сновидения и бреда,
Чуднее старой сказки для детей -
Красивая восточная легенда
Про озеро на сопке и про омут в сто локтей.
И кто нырнет в холодный этот омут,
Насобирает ракушек, приклеенных ко дну, -
Ни заговор, ни смерть того не тронут;
А кто потонет - обретет покой и тишину».
(В. Высоцкий)*

* * *

- Меня зовут Эльга.

Наверно, именно эту фразу в своей восемнадцатилетней жизни она произносила чаще всего.

Эль-га - с ударением на «А».

Когда Эльга сдавала документы на получение паспорта, паспортистка райцентра, пожилая дородная тётка, Ольга Петровна, спросила, жалостливо на неё воззрившись, не хочет ли она поменять своё непонятное имя на имя Ольга - красиво же, и по-русски. Эльга лишь молча покачала головой.

Она давно устала всем объяснять - и в школе, и в сооприюте, и вот теперь в училище, что она не Ольга никакая, не Элька и не Эля, а Эльга - с ударением на последнем слоге, как это принято у удэге.

Ещё она давно привыкла к тому, что это объяснение никому не нужно. Элька и Элька. Всё равно так зовут и будут звать. Но Ольга - да ещё и в паспорте - это было уж слишком.

Соуприют в райцентре, где она очутилась после смерти бабушки, остался в прошлом, как и заколоченный бабушкин домишко в родном заброшенном селении, откуда уже сбежало всё живое, даже кошки и собаки.

Так что после соуприюта возвращаться Эльге было решительно некуда, и дорога ей лежала одна - в рядом расположенный, сравнительно большой, рабочий город. В ПТУ, или, по-нынешнему, в лицей.

* * *

Город угнетал Эльгу. Здесь было грязно, шумно, постоянно резко воняло какой-то химией. Даже деревья росли здесь редкими островками среди асфальта и бетона, хотя город стоял на берегу огромной таёжной реки, которую племя нани - нанайцы - называли Мангбо. И деревья эти, тополя, были посажены уже после того как приехавшие сюда со всех концов страны люди вырубали тайгу, чтобы построить город, и потому деревья казались здесь пришлыми.

Впрочем, как и сама Эльга.

Она часто уходила с занятий, чтобы посидеть на каменном парапете набережной, а потом спуститься по ступенькам ведущей вниз лестницы к полосе грязного замусоренного песка и окунуть руки в жёлто-бурые волны широкой реки, которая спокойно катила их прочь, к океану, как и сотни лет назад.

Потом мастер группы Артём Васильевич заметил эти отлучки и строго выговорил Эльге. Она выслушала его, опустив глаза, и стала навещать реку после занятий.

Хотя это бывало опасным - в большом городе хватало уродов, норовивших прицепиться к одинокой девчонке, симпатичной и беззащитной.

К своему сожалению, Эльга была симпатичной и знала это давно. Отцовская, чужая их роду кровь дала ей

светлые волосы и светлые же глаза, приподнятые к вискам, как и положено удэге, и при её очень смуглой коже и точёной небольшой фигурке это смотрелось необычно и притягательно. Но такая притягательность казалась ей отвратительной. Слыша позади себя: «Я бы вдул» или «Я бы помял», она вся внутренне передёргивалась от омерзения, оставаясь внешне совершенно бесстрастной, будто глухонемой.

Но, будучи симпатичной, она не была беззащитной.

Дедов старый охотничий нож, отлично сбалансированный и острый, как бритва, всегда жил у неё под одеждой, в чехле на поясе, прижатый к голой коже бедра, как продолжение тела. А другим оружием стала её готовность убивать без колебания.

Убивать так же беспреретно, как убивала попавшую в капкан лисицу или переламывала хребет вытащенному на берег сазану.

Зверь всегда чувствует силу другого зверя. Однажды гопники остановили её как раз тогда, когда она вечером шла от трамвайного кольца к общежитию, возвращаясь с набережной. Она даже не слушала, что они, гогоча, толкуют ей, все эти «ябывдул» и «ябыпомял», а примерялась для удара. И они притихли, заподозрив, почуввав неладное. Но всё-таки старший из них, мерзко вонявший одеколоном, - Эльга была по-звериному чувствительна к запахам - протянул руку, чтобы схватить её за плечо или за волосы.

И отпрянул, застыл, увидев прямо у себя перед носом лезвие ножа.

- Я им хозяйина - медведя - завалила, - бесстрастно сказала Эльга. - Жалко в ваших кишках пачкать, но придётся.

И спокойно подождала, когда они растворятся в темноте, цедя ругательства.

Ещё пара таких же встреч, и «на районе» её запомнили и перестали задевать.

В училищной общаге у неё вообще не было проблем. Как, впрочем, и подруг. Туповатые и потасканные девчужки попросту боялись её, а иных она вокруг не наблюдала. И была абсолютно одинока, но, поскольку она давно, с самой смерти бабушки пять лет назад, была одинока, это её совсем не тяготило.

Ей некого было любить и некого бояться. Так же, как нечего было терять.

Пока в её жизни не появился этот человек.

* * *

Андрей Петрович Ситников был старше неё ровно вдвое. А ещё он был хозяином города. Он крышевал самый прибыльный в этих краях бизнес - лесной, и у него было несколько собственных предприятий, включая золотодобывающие. Пересечься с удэгейской девчонкой-сиротой ему был решительно негде, да и ничем заинтересовать его она не могла.

Тем не менее, Эльга и пересеклась с ним, и заинтересовала его.

А он - её.

Он был тигром - так она определила при первом же взгляде на него. Медведь - хозяин тайги, но тигр - хозяин хозяина.

У Андрея Петровича было много врагов, как у любого хозяина, силой удерживавшего свою власть. Однажды поздно вечером, торопясь вернуться в общагу, где она осталась почти что одна, - все, кто мог, разъехались на летние каникулы, - и пробегая мимо какого-то кафе, Эльга увидела, что к крыльцу кафе подъезжает почти неразличимая в темноте «тойота», а вывалившиеся оттуда люди открывают стрельбу из автоматов по окнам.

Будто в каком-нибудь бесконечном сериале про ментов, что так любила смотреть в своей каморке вахтёрша общаги Наталья-Пална.

Эльга не знала, что кафе принадлежит Ситникову, хозяину города, не знала, что сам он со своими людьми находится внутри. Автоматная очередь прогреготала совсем рядом с нею, что-то сильно ударило её в грудь, отбрасывая к стене, а мир вокруг померк и исчез.

Она даже не успела толком сообразить, что происходит, и совсем не успела испугаться.

Вновь открыв глаза, Эльга увидела перед собой спокойное, с резкими чертами, смуглое лицо немолодого мужика. Левый висок его пересекал белёсый шрам, спускаясь на щеку, а взгляд светло-карих глаз был немигающе-пронзительным, как у беркута.

- Привет, - весело сказал мужик. - Очухалась? Меня зовут Андрей Петрович. Ситников. А тебя?

Она облизала сухие губы и сипло выдавила:

- Эльга.

У неё отчаянно ныли рёбра - с левой стороны, под сердцем, и она незаметно провела по левому боку рукой, ища бинты. Но на ней была всё та же старенькая клетчатая рубашка на голое тело, джинсы и никаких бинтов. Она огляделась и обнаружила, что лежит на чёрном кожаном диване, над которым тускло горели затейливые светильники. Значит, это была не больница.

Мужик с интересом наблюдал за ней своими прищуренными хищными глазами.

- Нет, это не больница, - всё так же весело сообщил он, словно отвечая на её последнюю мысль. - Тебе больница ни к чему - на тебе ни царапинки нету, синяки только. Даже рёбра не сломаны. А ведь тебя очередь зацепило - прямо под сердце, милка.

Эльга сглотнула.

Она сразу же поверила в это невероятное - не ужаснувшись, не удивившись.

Мужик продолжал испытующе смотреть ей в лицо, ища, как видно, на нём этот ужас и удивление, но так и не нашёл.

Протянув большую загорелую руку, он без церемоний дёрнул в стороны полы её рубашки, и Эльга едва успела поймать его за широкое запястье, на котором синела татуировка, и сжать из всех сил.

Так они и застыли, меряя друг друга взглядами. Наконец она разжала пальцы, а он неторопливо убрал руку и вразтяжку проговорил:

- А теперь расскажи-ка мне, как ты выжила, милка. Иначе пожалеешь, что выжила.

Внутренности у Эльги противно скрутились холодным ужом, но глаз она не отвела.

- Сангия-мама спасла меня, - полушёпотом, но ровно проговорила она. - И я не Милка. Я Эльга.

Мужик задумчиво поерошил широкой ладонью короткий «ёжик» своих тёмных с проседью волос.

- Ты удэге? - резко спросил он, и Эльга молча кивнула.

- Про маму там какую-то там свою грёбаную не заливай мне, - твёрдые губы его скривились в жёсткой усмешке. - Три пули из «калаша» под сердце - никакой Бог не спасёт, ни Христос, ни Сангия-мама ваша. Есть какой-то секрет, и я хочу его знать. И узнаю. Говори.

Эльга упорно молчала, хотя сзади по шее и между лопаток у неё поползли капельки ледяного пота. Инстинктивно она понимала, что ей сейчас лучше всего было бы начать плакать и умолять его о пощаде, как перепуганная до одури малолетка, кем она фактически и была. И это, возможно, спасло бы её - но она не могла переломить себя.

- Не понимаю, про что вы, - сказала она всё так же ровно. - Я плохо знаю русский, извините. Я удэге.

Его большая тёплая рука теперь легла ей на макушку и небрежно погладила, а потом сжала пряди волос так крепко и больно, что Эльга сперва невольно зажмурилась, но опять с усилием раскрыла глаза и сквозь набежавшие от боли слёзы прямо взглянула в его жестоко усмехавшееся лицо.

- Говорю, не заливай мне, милка, - произнёс он почти ласково. - Допустим, смертью тебя не напугать, если тебя пули не берут. Но есть вещи похуже смерти. Я ведь тебя прямо здесь расстелю, а потом отдам своим ребятам на потеху. Они же тебя просто на тряпки порвут, милка. Вряд ли тебе это понравится. Говори.

Эльга снова облизнула губы. Да, были вещи похуже и пострашнее смерти. Она качнула головой, пытаясь вывернуться из-под его руки, и отозвалась:

- Вы всё равно не поверите.

- Я разберусь, - легко пообещал он. Взгляд его из-под густых бровей всё так же насквозь пронизывал её, и она едва удерживалась, чтоб не поёжиться. - Давай, милка. Рассказывай.

- Эльга, - твёрдо повторила она. И помедлив, продолжала, не отводя глаз. - Там, где я родилась, есть Озеро

* * *

Озеро в окружении осоки, будто глаз в окружении ресниц, лежало в котловине меж двух сопок, которые Эльга про себя всегда называла именами двух братьев из бабушкиной сказки - Кандига и Индига. Нагромождения чёрных валунов на их вершинах напоминали ей лица воинов - суровые и грозные.

Озеро же было безымянным даже для Эльги. В мыслях она называла его просто Озером.

В Озере был омут без дна.

Без-дна. Бездна.

- А кто сможет достать до дна, - певучим голосом рассказывала бабушка, проворно нанизывая разноцветный бисер на прочную нить, - и наберёт в руки ракушек-кяхту, того смерть не тронет.

- Правда? - широко распахнув изумлённые глаза, спросила Эльга, и бабушка так же певуче рассмеялась:

- Старые люди так говорили: меж двух сопок Сангия-мама вырыла яму, подобную круглой чаше, и наполнила её водой, чтобы получилось озеро. И в этом озере есть омут, а в том омуте, на самом дне, рассыпаны небесные ракушки-кяхту. Кто эти ракушки достанет, тот будет могучим, как сама Сангия-мама. И вот смелый охотник Банга решил достать кяхту для своей невесты Адзиги. Банга нырнул на дно за кяхту и не вынырнул. Старые люди говорили - Сангия-мама взяла Бангу к себе, потому что влюбилась в него, увидев его нагишом.

- А если б он вынырнул? - взволнованно спросила Эльга.

Бабушка ласково провела морщинистой рукой по её заплетённым в тугую косичку светлым волосам:

- Тогда смерть - от чужой злой руки ли, от когтей зверя ли, никогда не настигла бы его. Она пришла бы за ним только в старой старости.

Каждое бабушкино слово запало Эльге в самое сердце.

Эльга выросла на берегу таёжной реки и умела плавать, сколько себя помнила, хотя многие её соплеменники боялись воды. Раз за разом она приходила на берег Озера, раздевшись донага, бросалась в тёмную воду и подплывала к омуту. И набрав полную грудь воздуха, ныряла в бездну раз за разом выныривая ни с чем.

Её лёгкие разрывались от нехватки воздуха, в ушах гудело и звенело, а разглядеть, далеко ли до дна, она не

могла - тьма, непроглядная тьма царила в омуте на расстоянии вытянутой руки, а холод прожигал её тело до самых костей, и она боялась, что мышцы вот-вот сведёт судорогой. И, извернувшись, она прорывалась сквозь бурю толщу воды на поверхность, к едва видневшемуся солнечному свету.

На берегу, сотрясаясь от озноба, она разжигала костерок и, кое-как натянув одежду на покрытое гусиной кожей тело, долго-долго сидела, согреваясь и напряжённо обдумывая, как же ей добраться до дна омута.

Посоветоваться ей было решительно не с кем. Если бы бабушка узнала, куда отлучается внучка, она бы, во-первых, страшно испугалась и расстроилась, а во-вторых, строго-настрого воспретила бы ей эти опасные походы.

Остальная ребятня в их поселении была младше Эльги. Да и вообще ребятни этой было немного: в школе едва набирался десяток учеников, в основном, первого и второго классов. Эльга была среди них самой старшей, тринадцатилетней шестиклассницей.

Приходилось справляться самой. Упорно размышляя над тем, как ей выполнить свою задумку, Эльга училась как можно дольше задерживать дыхание, ведя при этом счёт - сперва до двадцати, потом до двадцати пяти и дальше. В конце концов, она научилась досчитывать без воздуха до сорока пяти. Этого, возможно, хватило бы, чтоб достигнуть дна, но ведь надо было ещё и всплыть!..

В общем, всё её тогдашнее тринадцатое лето было отдано Озеру.

Бабушка, привыкшая к тому, что внучка подолгу пропадает в тайге и возвращается то с корзинкой ягод, то с кедровыми шишками, то с уловом карасей, не тревожилась из-за её отлучек.

И без того хорошо плававшая, Эльга теперь чувствовала себя в воде, как рыба, и иногда пальцем проверяла, не выросли ли у неё жабры, как у кеты или сазана. Позже, в библиотеке сооприюта, она нашла книжку про Ихтиандра и подумала: вот кто был нужен ей тогда в напарники!

Чтобы ускорить погружение в ледяную воду, ей понадобился какой-то груз, и она натаскала к берегу Озера небольшие валуны с сопок Кандига и Индига и училась нырять, крепко зажимая валун под мышкой. Она соорудила небольшой плотик, чтоб отталкиваться длинным шестом от дна и выгребать на середину Озера, к омуту, не тратя сил на то, чтобы добраться туда вплавь.

И вот в один из августовских дней, уже наплававшись вдосталь и сидя, как есть, голышом, у своего костерка, Эльга поняла, что пора.

Она не могла объяснить себе, откуда взялось это ощущение. Будто огненная волна вздымалась изнутри неё. Солнце касалось её голых лопаток, подталкивая горячей ладонью. Эльга поднялась, взяла крупный чёрный валун, положила на свой плотик и оттолкнулась шестом от берега.

Наконец шест перестал упираться в дно. Омут ждал её, и Эльга, в последний раз взглянув на солнце и взяв валун под мышку, набрала полную грудь воздуха и нырнула в тёмную воду.

Вода обожгла её тело, но она была уже привычна к холоду и темноте омута и стремительно погружалась вниз, вниз, вниз — стремительней, чем когда-либо раньше.

Неожиданная мысль пронзила её — а что, если Сангия-мама решит оставить её у себя? Как же тогда бабушка будет без неё? Ведь та даже не знала, что Эльга ходит к Озеру! Бабушка решит, что внучку заломал и утащил к себе в берлогу хозяин — медведь!

Не время думать об этом, - с силой сказала себе Эльга, продолжая равномерно считать секунды. Пусть будет то, что будет.

Двадцать один.

Двадцать два.

Двадцать три.

На двадцати пяти она внезапно увидела прямо перед собой черноту дна, которое было гораздо темнее воды и, вздрогнув всем телом, выпустила валун. Тот булькнул вниз, взмутив облачко песка. Вытянув руки, Эльга начала судорожно рыться на дне, перебирая песок и гальку.

Её время стремительно уходило.

Двадцать семь.

Двадцать восемь.

Двадцать девять.

На тридцати трёх Эльга наконец нащупала в песке плавное закругление раковины. Стиснув пальцы, она извернулась и что было сил оттолкнулась ногами от дна.

Лёгкие жгло огнём, отяжелевшая голова гудела, как пустой чугунный котелок, по которому бьют колотушкой.

Свет солнца приближался медленно слишком медленно!

Тридцать восемь.

Тридцать девять.

Сорок.

На сорока четырёх судорога свела ей левую ногу, и она, преодолевая боль, острую, как нож, отчаянно заработала руками, пробиваясь сквозь толщу воды. «Не раскрывать рта! - приказала она себе. - Не вдыхать воду! Не...»

Она почувствовала во рту медный вкус крови.

«О Сангия-мама! Я не хочу здесь оставаться!» - взмолилась Эльга и рванулась вверх из последних сил.

Солнце ударило ей в глаза, и она наконец разлепила

губы, хрипло, со стонами хватая широко разинутым ртом живительный воздух. Дышала и не могла надыхаться.

Несколькими неловкими гребками она подплыла к своему плотнику и оперлась на него локтями и грудью, продолжая глотать драгоценный воздух раскрытым ртом. Ногу по-прежнему пронзало болью, но это было уже неважным.

Всё было неважным.

Ракушка-кяхту была крепко-накрепко зажата у неё в руке.

Раковина, буро-зелёная снаружи и перламутровая внутри.

Пригнав наконец плотик к берегу - руки и ноги у неё дрожали так, что она с трудом отталкивалась шестом от дна, - Эльга накинула на плечи припасённое раньше одеяло и так и сидела до самого вечера, бездумно подкладывая щепки в свой костерок и сжимая в руке кяхту, впивавшуюся острыми краями в её ладонь. На ладони проступила кровь, но это было хорошо. Кровь омыла кяхту в знак того, что Сангия-мама позволила Эльге уйти живой и со своим даром.

Когда солнце коснулось сопок своим огненно-золотым краем, Эльга встала, тщательно залила водой и затоптала свой костерок. Потом оделась, перекинула одеяло через плечо и пошла прочь, даже не оглядываясь на свой плотик, покачивавшийся на волнах.

Больше она никогда не возвращалась к Озеру.

Через восемь месяцев умерла бабушка. Её похоронили на маленьком лесном кладбище, где уже покоилась мать Эльги, которую та помнила очень смутно. Мать умерла совсем молодой - как говорила бабушка, «от сердца», когда дочери было всего два года. Эльга всегда думала: как можно умереть «от сердца», ведь сердце есть у всех

живых существ, даже у рыб и лягушек. А отца Эльга не знала совсем. Какой-то пришлый русский, как однажды объяснила ей бабушка, сердито поджав губы. Пришёл и ушёл. И отчество Эльге досталось от имени дедушки, который тоже умер, когда внучке было девять, - в паспорте она была записана как Эльга Надыговна.

В общем, Эльгу, как круглую сироту, привезли в район-центр и определили в социприют, где она и закончила школу. Её родное селение тем временем совсем опустело - старики умерли, а молодые с детьми разъехались кто куда.

И Эльга тоже оказалась в городе.

* * *

Всего этого она не стала рассказывать Андрею Петровичу. Как и того, что до перестрелки у кафе ей негде было убедиться в полноте дара Сангия-мама. Злые люди раньше не грозили ей смертью. А то, что зимой того же года, когда она достала ракушку-кяхту, ей удалось уложить дедушкиным ножом напавшего на неё на охотничьей тропе тощего медведя-шатуна, можно было посчитать счастливой случайностью. Медведь тот был годовиком-подростком, как и сама Эльга, и еле волочился с голодухи.

Она рассказала только о том, как ныряла за ракушкой - по-прежнему бесстрастным и ровным голосом, глядя в его недоверчиво прищуренные глаза.

Его жёсткие пальцы вдруг дёрнули её за воротник рубашки - так, что две пуговицы отскочили, и полы разошлись. Эльга мгновенно стянула рубашку на груди, но раковина-кяхту всё равно выскользнула наружу и закачалась на цепочке.

Андрей Петрович оскалится в улыбке и поднялся:

- Да видел я уже всё. И твою ракушку, и твои сиськи.

Он так и стоял, сверху вниз глядя на Эльгу, а потом властно произнёс:

- Завтра полетим туда на вертолёт. Покажешь мне своё Озеро.

- Сангия-мама не даст своего дара чужим, - медленно, с усилием проговорила Эльга.

Он снова оскалился:

- Она не даст, а я возьму.

- Вы умеете плавать? - поинтересовалась Эльга тихо, хотя в груди у неё разгорался острый жаркий комок гнева. - Нырять? Вы можете вычерпать Озеро до дна и забрать все ракушки, но они уже не будут даром от Сангия-мама, как вы не понимаете? Пропадёт - она вспомнила чуждое, но зато понятное ему слово: - Магия. Пропадёт всё.

Андрей Петрович продолжал тяжело смотреть на неё, а потом проронил:

- Я умею плавать, да. И нырять. И я своё получу. Если ты, соплюха, смогла, то я и подавно.

«Посмотрим», - хотела сказать Эльга, но промолчала.

Утром огромный чёрный «круизер» отвёз Андрея Петровича и Эльгу на аэродром под городом, где их уже дожидался вертолёт. Хотя джип с хозяином сопровождали до вертолёта две машины с охраной, в вертолёт «ребята» Андрея Петровича не сели, сел только пилот, и Эльга с некоторым облегчением поняла, что хозяин не хочет огласки своей авантюры.

Она по-прежнему не верила, что ему удастся сразу донырнуть до дна, и украдкой рассматривала его крепкое на вид, худошавое тело. «Новый русский», бывший «браток», где он мог научиться нырять? Где-нибудь на Канарах с аквалангом, что ли?

Перехватив её испытующий взгляд, он вдруг усмехнулся своей ленивой хищной усмешкой, и Эльга поспешно опустила глаза.

Вертолёт шёл низко над верхушками сосен и кедров, и Эльга с дрожью в сердце узнавала знакомые места. Прошло четыре года с тех пор, как она их покинула, и она никогда раньше не видела их с высоты, но всё равно узнавала. Вот родной заброшенный посёлок - жалкая кучка домов на речном берегу, вот сопки Индига и Кандига, вот Озеро.

Озеро!

Она повернулась от иллюминатора к Андрею Петровичу, а тот больно сжал её локоть и проговорил, наклонившись к уху и перекрикивая шум мотора:

- Не вздумай меня душить - из вертолёта выброшу. Поняла?

Она снова взглянула в тёмную глубину его глаз, как в страшный озёрный омут, и ответила:

- Поняла.

Едва они приземлились на берегу Озера, Андрей Петрович отпустил вертолёт, как отпуская такси, со словами:

- В шесть прилетишь, Игнат. У нас тут с девочкой пикник намечается.

И растянул губы в ухмылке.

Эльга решительно выдернула из-под сиденья пару одеял, которые заприметила раньше, и выпрыгнула из вертолёта на землю.

Не оглядываясь по сторонам, она деловито насобираала щепы и принялась разводиться костерок на своём обычном месте.

Эльга будто вчера ушла отсюда - даже валуны, которые она когда-то натаскала сюда, лежали на песке возле бревна, даже её старый плот, чёрный и разбухший, покачивался на волнах невдалеке от берега.

Она спиной чувствовала взгляд Андрея Петровича, но не подымала глаз от костерка. Вокруг вилась мошка, и

Эльге не терпелось поскорее развести огонь.

Краем глаза она всё-таки покосилась на Андрея Петровича, поняв по его движениям, что он раздевается, сбрасывая одежду на расстеленные ею на песке одеяла.

- В каком месте этот твой омут? - отрывисто спросил он, расстёгивая ремень своих джинсов.

Она указала, добавив просто:

- Там вода темнее. Возьмите камни груз. Вон мой плотик, а вон - шест.

Краем сознания она удивлялась тому, что он подчиняется её правилам, правилам тайги, правилам Сангия-мама, что он не приташил сюда с собой свинцовый балласт и акваланг.

Магия.

Она запрокинула голову, глянув в белёсое небо.

А он опять хрипло спросил:

- Что ещё надо? - и криво усмехнулся: - Заклинания, может, какие ваши?

Эльга качнула головой и, поколебавшись, так же криво усмехнулась, указав на его синие плавки с модным лейблом:

- Надо снять с себя всё и остаться голым, как при рождении - и добавила, помолчав: - Но вода очень холодная.

- Авось яйца не отморожу, - небрежно отмахнулся Андрей Петрович, так же небрежно сбрасывая плавки, и она опять торопливо отвернулась под его смешок.

Плот заплюхал по воде, и тогда она обернулась.

Андрей Петрович сильными толчками гнал плот к омуту и, вполголоса матерясь, отмахивался от мошки.

Эльга чуть улыбнулась и впервые с тревогой подумала о том, как ей быть, если он утонет. Его люди не простят ей гибели хозяина. Но потом она решила, что навряд ли Сангия-мама захочет оставить у себя Андрея Петровича.

Он нырял трижды. После его первого возвращения к костерку Эльга собралась было посоветовать ему больше не рисковать, но он только смерил её свирепым взглядом и завернулся в одеяло. Как какой-нибудь Нерон в какую-нибудь тогу или что там у них было.

Во время его второго возвращения она даже глаз не подняла от костерка. Подкладывала и подкладывала туда щепки и слушала его витиеватую ругань.

Сейчас он выбьется из сил и сдастся.

В третий раз он отсутствовал так долго, что она всерьёз забеспокоилась и вскочила на ноги. Она считала про себя секунды всякий раз, когда он уходил под воду, и сейчас счёт дошёл уже до пятидесяти, а он

Он вынырнул рядом с плотиком, кашляя и отплёвываясь, и, как она когда-то, хватал воздух жадно раскрытым ртом. Но рот этот почти сразу расплылся до ушей в широченной, радостной, мальчишеской улыбке. Андрей Петрович потряс над головой крепко сжатым кулаком и что-то ликующе проорал.

Эльга с дрогнувшим почему-то сердцем поняла, что ему всё удалось. И ещё поняла, что невольно улыбается ему в ответ.

Когда он, бросив плотик у берега, прошлёпал к костру, его колотило от озноба, и Эльга, хмурясь, сама накинула ему на плечи одеяло. Она старалась на него не смотреть, но всё равно видела всё его сильное, поджарое и загорелое тело.

А он торжествующе повертел смуглым кулаком у неё перед носом и разжал ладонь, хвастливо выпалив:

- Во! Видала?!

На его широкой ладони лежала такая же раковина-кяхту, что и у неё - бурая снаружи и перламутровая внутри, блестящая на солнце.

- Теперь всё, - возбуждённо продолжал он, тяжело

дыша. - Никакая тварюга меня не достанет!

Эльга открыла рот, чтобы ещё раз ему напомнить - он чужой крови для Сангия-мама, но Андрей Петрович внезапно дёрнул её к себе за плечо и больно впился губами в губы, шаря свободной мокрой рукой по её телу. Она возмущённо замычала и забилась, вырываясь, и тогда, оторвавшись от её рта и наматывая на кулак её распущенные волосы, он жёстко усмехнулся ей в лицо:

- А ну-ка, погрей меня!

Эльга гневно затрясла головой, не обращая внимания на боль, а он резко разжал пальцы и проедел свистящим шёпотом:

- Я подгоню сюда бульдозеры и засыплю эту лужу к хренам. Слышишь?!

Глаза его горели хмельным волчьим блеском, и Эльга, замерев, поняла, что он так и сделает, если она не уступит.

Он легко мог взять её силой, сломав, как озёрную тростинку, но он хотел, чтобы она сдалась сама.

Эльга посмотрела на Озеро, которое безмятежно лежало в окружении осоки - будто глаз Сангия-мама в окружении ресниц - и, длинно выдохнув, начала медленно расстёгивать свою рубашку под торжествующим прищуром Андрея Петровича.

Его загорелое тело было тяжёлым, твёрдым, мокрым и ледяным, с его волос на неё капала вода, он был нетерпелив и совсем неласков. Но Эльга и не ждала от него ни ласки, ни нежности, как не ждала бы этого от тигра. Когда всё наконец закончилось, он, словно тигр, лизнул её грудь шершавым горячим языком и с довольным смешком спросил:

- Так ты девка, что ли? Была...

- Нет, парень! - огрызнулась Эльга, и он затрясся от смеха, так же лениво и довольно водя жёсткой ладо-

ню по её бёдру. Потом рассеянно подёргал цепочку с раковиной у неё на шее.

Его раковина-кяхту - символ его победы - лежала рядом на песке, отливая на солнце перламутром.

Эльга не спеша вымылась в Озере, так же не спеша оделась и затоптала костерок. Больше они не сказали друг другу ни единого слова, молча дожидаясь, когда к берегу спустится вертолёт.

Вертолёт приземлился всё на том же аэродроме, и Эльга решила было, что может потихоньку уйти, раз Андрей Петрович получил от неё всё, что хотел. Но его сильные пальцы снова ухватили её за локоть, подталкивая к подъехавшему джипу. Она посмотрела ему в глаза, холодные, как вода в омуте.

- То, что было моим, чужим не будет, - проронил он вполголоса. - Лезь в машину.

Эльга на миг прикрыла глаза, пытаясь остудить пылающий камень своего гнева, ворочавшийся в груди. Не время было противостоять ему сейчас. Она чувствовала себя разбитой и больной, всё её женское нутро саднило, губы и соски воспалились.

Эльга понимала, когда стоит отступить перед чужой силой, чтобы собрать воедино собственную. Андрей Петрович владел всем в городе, который жил по его законам. Сейчас сила была на его стороне.

Она коснулась пальцами своей раковины, и странное умиротворение снизошло на неё. Эльга точно знала, что на её стороне - сама Сангия-мама. Город стоял на её земле. Чужак сумел найти раковину-кяхту, потому что был бесстрашным, как тигр, но он всё равно оставался чужаком.

Эльга спокойно обошла его и села в машину.

* * *

Андрей Петрович забрал её документы из училища и поселил её в своей громадной спальне на втором этаже особняка. «Тебе уже восемнадцать, педофилию не пришьют», - объяснил он, ухмыляясь. Камеры видеонаблюдения и охранники следили за каждым её шагом.

Эльга копила силы. Днями она спала, читала - библиотека в доме была богатой, купленной у вдовы какого-то профессора «для понту», как опять же пояснил Андрей Петрович - или возилась в вольере с собаками. Андрей Петрович любил собак, и у него дружно жили кавказец, лабрадор, ньюф и, как ни странно, два весёлых маленьких коккера.

А ночами хозяин брал её в своей постели, часто причиняя боль, но чаще - удовольствие, которого Эльга ранее не знала. Но она ни стоном, ни вздохом не выдавала ни своей боли, ни своего удовольствия, терпеливо снося и то, и другое.

Как-то ночью, оторвавшись от неё, Андрей Петрович вдруг сказал - хрипло, с каким-то странным сожалением:
- Я бы на тебе женился Эльга. Но я женат.

Эльга промолчала.

От домоправительницы Марьяны, словоохотливой чернявой хохлушки, она знала, что жена Андрея Петровича с двумя дочками-погодками, уже закончившими школу, «гарцует», как выразилась Марьяна, в столице. Там у Андрея Петровича была огромная квартира в центре. Хозяин щедро переводил жене и дочкам деньги, но сам в Москву навещался редко.

Через три месяца его убили.

Застрелили прямо в его офисе. Три пули в упор - сказал охранник Илья.

Андрей Петрович стал совсем беспечным, получив дар от Сангия-мама, и его враги наконец воспользовались этим.

Но Сангия-мама не защитила чужака.

Эльга тут же собрала свои немногие вещи и ушла прочь из особняка. Её никто не останавливал.

Стояла тихая тёплая осень. Рыжие и лимонно-жёлтые листья устилали тротуары. Пахло дымом - как всегда по осени, горела тайга.

Эльга шла и шла. Пора было возвращаться в райцентр - поближе к своему бывшему дому. И к Озеру.

Она знала, что в соприюте поворчат, но выделяют ей комнату. И оформят на работу, хотя бы библиотекарем, чтоб она могла спокойно уйти в декрет. Все там - от директора Ивана Филипповича до нянечки Ксюши - знали, что Эльга - терпеливая и работящая.

Больше никто ничего о ней не знал, да ей это было и не нужно.

Потом можно будет восстановиться в училище, снова устроиться на работу - теперь уже в городе, и поступить куда-нибудь заочно.

Но всегда возвращаться к Озеру.

Она коснулась пальцами раковины на груди, а потом положила ладонь на живот.

Мальчик родится в мае. Она точно знала, когда, и точно знала, что это будет мальчик. И знала, как она его назовёт.

Банга.

Как того охотника из бабушкиной легенды.

Когда настанет его время, он вынырнет из Озера с раковиной в руке, как она, Эльга, и как его отец.

Но, в отличие от своего отца, он будет неуязвим для злых людей и зверей.

Потому что он был её крови. Был своим для Сангия-мама.

Эльга коротко и судорожно вздохнула. Рыжие листья на тротуаре, и стёкла витрин, и огни светофора - всё

на миг расплылось у неё перед глазами. Она крепко сжала кулаки, закусил губу и так постояла несколько минут.

А потом пошла дальше - на автовокзал.

Озеро ждало её.

И её сына.

Победитель
Международного
литературного конкурса
малой прозы «Этноперо»
II место

Рецензия на рассказ Маргариты Гарифуллиной

«Умятские народные сказки»

Что такое сказка? Конечно, мы знаем, что это один из эпических жанров фольклора, с вымышленным сюжетом и героями. А ещё мы помним пушкинское «сказка - ложь, да в неё намек». Ведь сказка - это история, которая повествует нам о проблемах бытия через героев. В неё помещается целая жизнь, от начала до конца. В сказке любая грустная история всегда имеет счастливый конец.

Сказка - это совсем не про жизнь героини Маргариты Гарифуллиной, Саши. Девушка, выросшая в безрадостной атмосфере детского дома, чувствует себя лишней и потерянной в жизни. Страсть к чтению сказок привела её к увлечению фольклористикой - области филологии, мало соприкасающейся с действительностью. А очередная экспедиция знакомит её с миром умятов - представителей малой народности, живущих в Олонецком районе. В этом мире все странно и чудесно. Сашу поражает их мифология: умяты знают, что миров, как и яблок, много. Они падают, когда созревают. А дерево-прародитель «само себя вырастило». Все это очень созвучно душе Саши, которая тоже «сама себя вырастила». У героини и женская судьба не складывается - она расстается с некогда любимым, но ставшим чужим человеком, и становится буквально бездомной.

Тема одиночества и неприкаянности - это тема городов. У малых народов, живущих уютными общинами, даже кошек бездомных не бывает. Приют найдет здесь и очередная потерянная душа - Саша. В финале чудесно переплетается сказка и явь. Мы видим глазами юной

парочки кошку песочного цвета, целеустремленно куда-то спешащую, - по умятским поверьям, именно в них перевоплощаются никому не пригодившиеся в реальной жизни люди. Легкие как пух одуванчика волосы героини и «пушистый» облик нового обитателя умятского поселка - намек на счастливую трансформацию главной героини. Вспомним, как лет двадцать назад юная певица грустно напевал: «Наверно, в следующей жизни, когда я стану кошкой...». А что? Неплохая судьба для женщины, ведь кошка, по словам умятской девушки, всё видят, что мы не видим. Кошки в сны заходить умеют. Разве не счастливый конец для Сашу, которая так и не смогла пустить корни в суровой реальности? Впрочем, как известно, сказка - это лишь намек.

ГАРИФУЛЛИНА МАРГАРИТА АНДРЕЕВНА (МАРГАРИТА НОЯБРЬ)

Умятские народные сказки

— А ещё в Олонецке все кошки рыжие...

Саша поняла, что её опять не слушают, и замолкла. Уставилась в окно.

Борис вздохнул и оторвался от телефона:

— Откуда знаешь, что все?

— Видела. Трёх. Все рыжие. Так странно. Умяты считают, что

Саша начала и не договорила: Борис снова утонул в телефоне. Наверное, новости. Девушка сделала вид, что ей вовсе не обидно, и потянулась за диктофоном. Пора расшифровывать записи.

* * *

«Умяты - небольшая народность, родственная томи. Всегда жили обособленно, их обычаи и верования до сих пор не были достоянием общественности. Последнее аутентичное умятское поселение сохранилось в Олонецком районе. Несмотря на то, что селение находится в часе езды от Олонейка, селение сохраняет своё население, в том числе молодежь. Населенный пункт не имеет названия в соответствии с умятскими обычаями»

Саша перечитала, нахмурилась. *«Поселение, селение, население...»* Филолог, блин.

Ладно, пока сойдет. Главное не это.

Главное - это совершенно уникальный набор умятских обычаев и верований. Саша, когда готовилась к экспедиции, перерыла кучу литературы о легендах и оккультных представлениях коряков, томи, других родственных народностей, но ничего похожего ей не попадалось.

Маленькие вежливые умяты со спокойной радостью приняли девушку, называли её не иначе, как Александрой, с интересом смотрели снизу вверх полукруглыми темными глазами. «Даже разрез глаз - и тот нехарактерный для томи-коряцкой группы»-, думала фольклористка, разглядывая «носителей обычаев» впервые.

«Запись N1 от 06.07.2013.

Сотворение мира.

- *Когда весь мир появился, тогда умяты появились.*
- *А как весь мир появился?*
- *С большого дерева упал, как яблоко.*
- *Значит там и другие яблоки были?*
- *Были».*

Саша потеряла лоб, пытаясь понять, как можно уместить это маленькое откровение в рамки курсовой работы. Она переслушивала записи и понимала, что говорила с умятами совсем не о том, о чем стоило

говорить - настолько её увлекла эта странная культура. Тихие ночи под темно-синим, немым, но таким близким степным небом, розовый дымок из умятских курительных трубочек и их неспешная речь Александру поселили в доме сморщенной, но очень бодрой бабушки по имени Курен-ай.

Про сотворение мира фольклористка говорила именно с ней. Студентка удивлялась и восхищалась поэтичными и, порой, чисто визуальными легендами умятов - типа истории с деревом. Мир - это яблоко, с дерева упало.

«...а дерево кто вырастил?»

— Само выросло, себя вырастило».

Эту притказку Саша потом неоднократно слышала из уст умятов. Курен-ай Сашу так похвалила - мол, как далеко ради науки приехала. «Сама выросла, себя вырастила».

Саша горько усмехнулась. Маленькая женщина, сама того не зная, попала в точку. Сразу вспомнился детский дом: пыльная библиотека и нелюдимая девочка, увлеченная сказками. Никаких особенных ужасов в детдоме не происходило: ничего из того, что попадает в новости. Была неприкаянность, но Саша и осознала её, только покинув стены заведения в восемнадцать лет. Увлечение сказками осталось на всю жизнь - отсюда филфак, фольклористика, собственные неумелые прозаические потуги. Впрочем, на основе умятской командировки можно и издать что-нибудь. Сборник сказок в обработке, например... Девушка размечталась, вообразив себе расписную обложку в характерных охристо-желтых тонах: как традиционные умятские коврики.

Саша услышала из прихожей, как в замке заворочался ключ - тяжело и неохотно. Борис вернулся. Девушка вздохнула.

С Борисом они познакомились на конференции: она -

студентка, он - преподаватель, но, правда, из другого ВУЗа. Первый и единственный вопрос по докладу о географической трансформации образа лешего Борису задала Саша. Мужчина был очарован её умом, её светлыми, как пух, волосами и почти мальчишеской фигурой.

Он так и называл Сашу первое время: «мой одуванчик». Влюбленность пролилась июньским градом: такая же неожиданная и короткая. С течением времени у них становилось всё меньше общего, а кажущаяся похожесть интересов обернулась полной противоположностью взглядов: всё, что так увлекало Сашу в фольклористике, вся её поэзия и безыскусность для Бориса оставалась абстракцией. Саша склонна была искать алмазы на дне колодца, а Борис - систематизировать, заносить в каталоги, и присваивать номера.

Разумеется, ему не стоило рассказывать сказку-легенду о рыжих кошках, которую она услышала от младшей сестры бабушки Курен-ай. Он сразу полезет сверяться с каталогом народных сюжетов, ничего не найдет (Саша проверяла!) и, скорее всего, скажет, что умятка просто на ходу всё выдумала.

Девушка вздохнула, поправила наушники, шелкнула по следующей записи и закрыла глаза. Тихий голос Ай-та-най зазвучал словно из глубины веков.

«Запись №6.

— Если черная кошка - то это прошлое твоё, смотреть на неё не надо, но и бояться не надо. Пусть проходит. Большое счастье - белая кошка! Значит, молока много будет в семье, детей много будет.

— А рыжая?

— А рыжая или в три цвета кошка - потерянный человек значит.

— Потерянный? Тот, кто пропал?

— Никому не нужный, значит. Бывает, живет чело-

век на краю деревни - как у нас Айнер-ай жила. Хорошая женщина, а только все про неё забыли. Или она про всех забыла. А потом раз - а её нет.

— Куда делась?

— Стала кошкой рыжей, понятно. Потом к Тенер-ай домой пришла. Хоть так пригодилась».

— Саша, наушники сниму. Поговорить надо.

Борис сел напротив. Глаза у него были отчаянные. Девушка словно впервые увидела его узкое, нервное лицо. Она примерно знала, о чём пойдет разговор - не зря же Боря всё чаще задерживался вечерами. Девушка притворялась, что ничего не замечает, потому что совершенно не знала, что делать дальше.

Выслушав сбивчивое признание мужчины, Саша только кивнула, проглотив комок в горле. Не стоит плакать, глупо. Понятно же, что ни к чему хорошему их с Борей отношения всё равно бы не пришли.

Только куда теперь идти?.. Есть, конечно, сиротская квартира в новостройке на окраине города. Соседей Саша не знала, потому что, когда въехала, кроме неё там ещё никто не поселился. Потом появился Борис, и девушка перевезла к нему все вещи, с легким сердцем заперев на замок холодную пустую ленинградку, в которой из мебели были только матрас и вешалка на колесиках.

Голос Бориса всё ещё звучал где-то снаружи, а внутри Саши словно бы не осталось ничего, кроме гудящего купола: высокого и гулкого, как в церкви.

Взгляд упал на диктофон.

Нет, кое-что всё-таки осталось.

До сентября ещё целый месяц, и есть шанс собрать побольше материала и пережить катастрофу заодно.

“Куплю в квартиру умятский ковер” - решила про себя Саша, пока Борис просил прощения, глядя в её далёкие глаза.

* * *

Олонецк Сашу встретил редким августовским дождем и очередной рыжей кошкой - под козырьком гостиничного крыльца.

Ехать сразу к умятам в посёлок девушка почему-то постеснялась.

Вещей набралось немного - рюкзак и чемодан, с чем переехала. За два года жизни с Борисом добра Саша так и не нажила. Стало неприятно, как в детстве. "Зачем я здесь?"

Девушка вдруг осознала, что никто в целом мире не знает, где она сейчас. Саша перебрала в уме своих многочисленных знакомых, подруг из числа однокурсниц. Думает ли кто-нибудь о ней?

Скорее всего, нет.

Саша бросила вещи на пестрый рыжевато-красный ковер и распахнула окно. Дождь усилился. Поднялся ветер, и поток из тяжелых прохладных капель устремился в лицо. Девушка фыркнула.

* * *

— Смотри - кошка на одуванчик похожа.

— Ага, пушистая.

Парочка удобно расположилась на маленьком покрывале среди шуршавшей степной травы. Она приходила сюда из поселка пешком, а он приезжал из города на машине. Здесь обычно было безлюдно, а ещё росло несколько скрюченных деревьев, которые давали небольшую тень.

Песочного цвета кошка целеустремленно пробежала мимо молодых людей в сторону поселка.

Ай-бенеи проводила её долгим взглядом и сказала своему спутнику:

— У нас говорят, если кошка рыжая, значит, раньше человеком была. Потерялась, значит.

— А зачем в кошку превращаться? - спросил парень,

поглаживая Ай-бенею по гладким черным волосам.

— Человеком не хочет быть, — пояснила девушка. -
Тогда кошкой становится.

— Несправедливое какое-то наказание.

— Почему наказание? Кошки всё видят, что мы не
видим. Кошки в сны заходить умеют.

— Ну ладно-ладно, — рассмеялся парень, целуя сказоч-
ницу в щеку. - Скажешь тоже.

Девушка улыбнулась.

Победитель
Международного
литературного конкурса
малой прозы «Этноперо»
III место

Рецензия на рассказ Алефтины Михайловны Маматовой

«Мантя волшебника»

Мир детства всегда волшебен. Дети отчаянно хотят верить в счастливый конец чудесных историй. И волшебство в их жизни происходит. Но в реальности любой дар имеет свою цену. Осознание этого - пропуск и нелегкий и невеселый взрослый мир, полный ответственности и забот. Об этом и не только повествуется в рассказе А.М. Маматовой «Мантя волшебника».

Изюминка этого произведения - сплетение трагического и комического начала, что и есть суть самой жизни. Комичен «конфликт поколений», заканчивающийся веселым «праздником непослушания» деда и внука. Презрев все запреты и сняв всю ответственность друг за друга, возложенную на них уехавшими родителями Левки, «старый» да «малый» наладили полный взаимопонимания диалог. И внук получил серьезный урок взросления без всяких нравоучений. Яков Моисеевич просто рассказал ему пронзительную историю из своего детства: как он отчаянно мечтал о шоколадном торте, как любящая мама внесла в его жизнь частичку колдовства, нашив ему на курточку золотую звезду, превратившую заурядный наряд в мантю волшебника, и как эта звезда погубила маленького приятеля Якова Моисеевича, который тоже свято верил в чудо и то, что звезда поможет его маме выздороветь. Волшебство в детстве должно быть обязательно. Маленький Яков получил желанный торт, но это был последний привет из счастливого прошлого. Ведь шла война, а это не только голод

и разруха. Это ещё и трагедия геноцида еврейского народа. Как это было - мы узнаем из лишенного пафоса, обыденного рассказа Якова Моисеевича о его скитаниях, о гибели спасшего его мужчины, в чьих глазах маленький мальчик прочитал прощание с собой. Точные детали создают поразительный эффект правды, подлинности рассказа: Вот люди, знающие, куда их ведут, тащат с собой швейные машинки и побитые молью ковры, «из всех сил цепляясь за рамки нелегкой, но все-таки жизни». Вот бородач, спасший мальчика, пытается откупиться от карателей корзинкой с яйцами, а каратели лишь смеются.

Такой трагический дедовский опыт не мог не повлиять на внука. Его ответный «жест доброй воли» говорит о том, что он готов подарить радость родному человеку любой ценой, понимая, что за испорченную шторму придется расплачиваться. Но этот поступок не детская шалость, а осознанное действие мгновенно повзрослевшего человека. А дедушка, не нарушая атмосферы волшебства, желает - нет, не торта, а дружбы между людьми Мира. И обязательной веры в чудо. Иначе как же выжить в этом мире?

МАМАТОВА АЛЕФТИНА МИХАЙЛОВНА

Мантия волшебника

Мужчина весомых достоинств с чемоданом в руке и беспокоящая женщина в широкополой шляпе рисковали опоздать на рейс. Они то и дело останавливались в дверях, в последнюю минуту вспоминая о чем-то срочном и важном. Наставления и увещевания предназначались домочадцам в лице восьмидесятичетырехлетнего Якова Моисеевича и двенадцатилетнего Левки. Один уже впал в детство, а другой из него не вышел, и ожидать от этой нетривиальной парочки можно было чего угодно. Чтобы заручиться хоть какой-то надеждой, что по возвращению стар и млад останутся в целости (хорошо бы еще и квартира), родственники пошли на хитрость.

Женщина пригласила на разговор мальчика.

- Лев! Ты человек взрослый!

Утверждение прозвучало многообещающе. Хулиганские чертики в глазах ребенка сменились деловым подходом.

- Я могу тусить после десяти вечера?

Женщина замялась, оценив допущенную ошибку и поправилась:

- Я хотела сказать, остаешься за главного! На тебе вся ответственность за деда.

- Офигеть!

На лицо мальчишки легла тень сомнения. С одной стороны, он главнее старика, но если разобраться, ему только что виртуозно навязали роль няньки...

Женщина сыграла на опережение:

- Так я могу на тебя положиться?

Левка понял, что игра проиграна и недовольно буркнул:

- Без проблем!

- Тогда запомни, что утром деду необходимо варить овсянку. Он человек в уважаемом, но преклонном возрасте, а потому нужны силы. Проследи, чтобы дедуля на прогулку надевал шапку и шарф, при его болячках легко простудиться. Не разрешай засиживаться перед телевизором и пожалуйста, никаких бутербродов! У Якова Моисеевича язва...

Мальчик тяжело вздохнул, послушно кивая:

- Не парьтесь! Все будет норм...

- Ох, что за жаргон! Левка, дед все-таки в прошлом профессор словесности. Пожалей его уши!

- А чего-о-о-о?

- Боюсь, не поймете друг друга.

- Сама же сказала, что старик - словесник. И профессор. Считай, пройдет курс повышения квалификации.

- Ах, мои нервы! - заломила страдальчески руки женщина.

В это самое время в соседней комнате состоялся разговор мужчины с пожилым человеком.

- Яков Моисеевич, остаешься за хозяина! На мальчишку надежды мало. Ты его контролируй, а то сам знаешь... Утром обязательно вари кашу. Ему нужно расти, сил набираться, и ума - тоже. Не отпуская гулять без шарфа и шапки. В этом возрасте легко простудиться! Пусть ложится спать вовремя, а не сидит перед компьютером. И никакой сухомятки! Тем более - чипсов. Дрянь редкостная... Левке необходимо полноценное питание. Да, и попробуй научить мальца нормальной, человеческой речи. Ты все-таки профессор, примени знания, опыт... В противном случае боюсь, что ты его не поймешь!

- Не беспокойся! - проскрипел дед. - Все сделаю. Уезжайте с легким сердцем... Мы как-нибудь договоримся!

Пожилой человек своим непререкаемым авторитетом подарил родственникам уверенность. Мужчина и женщина с чувством выполненного долга присели «на дорожку» и отправились в аэропорт. Как только за ними закрылась дверь, дед и внук остались наедине. Это случилось впервые, и они не знали, как друг с другом взаимодействовать.

- Дед, ты как, бодрисься? - спросил на всякий случай Левка. - Могу давление померить!

- Не бойся, босяк*, помирать не собираюсь... Не строй из себя медичку из районной поликлиники.

Мальчик с удивлением покосился на пожилого человека. Он ожидал услышать велеречивость, а тут... Левка сделал «контрольный выстрел».

- Может, хочешь закинуться хавчиком?

- Отстань! - взбрыкнул капризно пожилой человек. - Я знаю, что мне надо!

Он бодро направился на кухню, где достал из недр холодильника бутылку со сладкой газированной водой.

- Давно мечтал!

Профессор закатил глаза от удовольствия и неинтеллигентно приложился к горлышку, пока не допил до конца.

- Клево! Я применил правильный термин для выражения наивысшего наслаждения?

- Да ты крутой чел! - воскликнул удивленно Левка. - Эй, газировка же сладкая! И с пузырьками! У тебя язва...

- Ха! У меня не только язва! Пусть она успокоится, плохо будет не только ей одной, а сейчас хорошо - мне! Кто из нас главнее?

Дед боевито подбоченился, сверля мальчишку буравчиками подслеповатых глаз. Левка не растерялся:

- Это выяснится позже, когда скорая помощь придет. А не боишься, что я тебя заложу предкам?

Ты знаешь, они если захотят, могут самолет развернуть обратно!

- Таки нашел, кого шантажировать! - отмахнулся легкомысленно Яков Моисеевич. - Ты что, дал обет десять дней держать строгий пост? Я хотел бы это видеть... хи-хи...

Мальчик недовольно надулся. Дедуля оказался крепким орешком, да еще остер на язык. Все-таки правильное образование дает о себе знать в любом возрасте. Хотя, судя по всему дедуля тоже почувствовал свободу и с высокого штиля перешел на язык обычный, так сказать - простонародный.

- Дед решил оторваться!

Левка подхватил правила игры и, вслепую пошарив в верхнем ящике шкафа, вытащил на белый свет пачку с чипсами.

- Один - один!

- Вот об этом я и говорил! - почесал затылок довольный Яков Моисеевич. - Пользуйся свободой, поц*...

- Круть! - обрадовался Левка. - Тогда забудем!

- Кого? - поперхнулся старик.

- Да не - кого, а ударим по рукам! Ты не сдаешь меня, а я - тебя!

Взрослый и ребенок, удовлетворенные достигнутым консенсусом разошлись по комнатам. Дед уставился в экран телевизора, а правнук ловко зашелкал по «клаве», погружаясь с головой в социальные сети. Само собой, оба забыли о данном обещании лечь спать вовремя, а потому на следующий день проспали до обеда. Они встретились за кухонным столом.

- Дед, ведь уже не утро?

- Скорее - полдень. Зачем мне слушать этих глупых вопросов?

- Получается, с кашей возиться поздно!

- Рассуждаешь, как жених с будущим тестем.

- То есть?

- Цинично, но логично!

С обоюдного молчаливого согласия на столе появились бутерброды с колбасой и сыром.

- Чтоб все так жили! - крикнул Яков Моисеевич, с удовольствием потирая ладони. - Настоящий цимес*...

- Зачетно! - согласился мальчик. - Терпеть не могу овсянку-размазню...

- Кто бы говорил! - буркнул дед, щедро намазывая сливочное масло на поджаренный тост. - Конечно, это не форшмак*, и не гефилте-фиш*...

Выйдя из дома подышать свежим воздухом, Яков Моисеевич и Левка немедленно расстегнули пуговицы на пальто и сняли головные уборы.

- А чего? Солнышко греет. Ветра нет! - оправдался Левка, поглядывая на старика.

- Шарф колючий, - заявил смело Яков Моисеевич. - Это еще хуже, чем застудить горло. Ничего не случится, я не маленький...

Без страха перед ангиной они съели по два пломбира в вафельных стаканчиках, купили билеты на фильм ужасов, игнорируя дедово больное сердце и неокрепшую детскую психику, а чтобы закрепить все удовольствия дня, поужинали в кафе быстрого питания гамбургерами. По возвращении домой мальчик откровенно признался:

- Дед, а ты зачетный!

- Еще вчера ты считал, что я старый брюзга, разваливающийся на ходу.

- Да... нет... - запротестовал неуверенно мальчик. - Просто... Ты ж профессор, и все такое. Я думал, ты скучный и нудный, как все препода!

- Старость не имеет отношения к должности. Это немощность, слабоумие и потеря интереса к жизни.

Старики - отработанный материал.

- Ага! Я видел, как ты комп осваиваешь! Признайся, что интересно!

- Да это я так... немного... - засмутился пожилой человек. - Мой век такой длинный, что я устал, а потом - потерял всех родных и близких. Зачем я живу?

- Что за гон? - возмутился Левка. - Ты нам нужен!

- Чтобы кормить кашей и воспитывать, как малое дитя?

- Это типа - забота, если что...

- Я понимаю... Я благодарен... Мне дано больше, чем я заслуживаю!

Старик хрипло закашлялся:

- Кхе-кхе-кхе... А ведь я Судьбу обманул!

- Как это? - оторопел мальчишка.

- Случайно.

Дед погрузился в далекие воспоминания, устало прикрыв глаза.

- Левка, ты в чудеса веришь? - спросил он, очнувшись.

- Нет.

- Почему?

- Сказочки для мелюзги.

- Разве?

- Ты еще про Деда Мороза расскажи!

- Когда я был в твоём возрасте, то верил в чудеса.

Я отчаянно мечтал стать волшебником!

- Зачем?

- Семья была большая, а потому бедствовали, недоедали, одежка худая, обувь покупали только старшим на зиму и потом донашивали друг за дружкой. Летом же все бегали босыми...

- А-а-а, я слышал про экстрасенсов! По телику показывали, как они палочками машут, свечки палят и всякие заклинания шепчут... над могилами.

- Дурья ты башка, Левка! Я хотел иметь волшебную палочку и мантию, расшитую звездами. А богатство... Разве мальчишки думают за деньги? Я обожаю сладкое!

- Верю! - рассмеялся Левка, кивая на пустую бутылку из-под сладкой газированной воды.

Яков Моисеевич сделал вздох, набирая побольше воздуха как перед глубоким погружением. Левка увидел перед собой совершенно другого человека, пережившего нечто такое, что нельзя забыть ни в каком возрасте, ни в какое время...

- Так вот... В нашем местечке* жили мастеровые люди, зарабатывая лишней шекель* на хлеб. Скорняки мяли кожу, портные шили штаны, музыканты играли на похоронах и свадьбах, но лучше всех умел делать гешефт* пекарь. Он держал кондитерскую. Кремовые пирожные, слоеные пироги с ягодами во взбитых сливках, конфеты и помадка с ванильным ароматом так и манили голытьбу «на посмотреть», хотя бы через стеклянную витрину. Среди всего этого искушения особо выделялся шоколадный торт. Его вкус, которого я не знал, навязчиво снился ночами. Я грезил, что откусываю огромный кусок и по небу растекается шоколад...

- Ну, дождался чуда?

- К сожалению - да...

Дед сторбился и замолчал.

- Чего расклеился? Тебе плохо?

- Нет. Это воспоминания. Тогда надо мной все потешались. Мои многочисленные братья, сестры, друзья и соседи. Они не верили в чудеса, потому что каждый день просыпались среди беспросветной нищеты, слушая проклятия и стенания женщин о горькой доле и мужской неверности. Редкая радость выпадала случайно, как выигрыш в лотерею, или вдруг в каком-то зажиточном дворе играли именины, а то и сватов-

ство. Тогда всем детям доставалось по кусочку пирога... Я же с упрямством осла твердил, что надо верить, что чудеса рядом, стоит только захотеть... Откуда я набрался этих мыслей, чумазый пацаненок из бедной еврейской семьи? До сих пор удивляюсь... Только одна мама пожалела меня, как самого младшего. Однажды она сказала: - «Яшка, таки я пришью на твою курточку звезды, и она превратится в мантию волшебника. Извини, бархата нет, но разве это так важно?» Сейчас я понимаю, что той звезде она мудро уготовила роль отличной заплатки, но разве я об том думал? Моей радости не было предела! Уж не знаю, где мать раздобыла кусок золотой ткани, но к утру на груди старенькой курточки вместо дырки красовалась звезда. Я не стал дожидаться, когда мама пришьет остальные и выбежал похвалиться на улицу. Я даже сделал волшебную палочку из сухой ветки, чтобы ни у кого не осталось сомнений в моих способностях волшебника. Я свято верил, что сегодня же буду лакомиться шоколадным тортом. При таком роскошном наряде иначе и быть не могло! Видимо, моя уверенность убедила товаришей. Они напросились в гости, и я великодушно пригласил этих шмэндриков* на чай с тортом. Да и как иначе? Мои друзья были такие же голодные, как и я, и только один мальчик отошел в сторону.

- Ты тоже приходи! - пригласил я малыша.

Ребенок дрожащим голосом спросил:

- А можно примерить твою курточку?

- Зачем?

- Вдруг и у меня получится волшебство, - пробормотал он, стыдливо опуская глаза. - Чтобы мама выздоровела... Ты не думай, я верну! Честное слово! Возьми пока мою.

Я с большой неохотой расстался с курткой, приме-

ря на себя чужую, не по размеру, совсем новую и не волшебную.

- Верни до вечера! Я ребятам торт обещал...

- Даже не сомневайся! - крикнул он, оглядываясь на бегу.

- И что потом?

- Мы больше не виделись... Я прождал мальчика до позднего вечера. Конечно, ребята меня подняли на смех, назвали вруном и болтуном, а я так разозлился!

- Надеюсь, ты наваял тому чуваку по шее?

- Нет! - признался удрученно дед. - Наутро выяснилось, что мальчик нарвался на немецкий патруль.

- Вот непраха!

- Если бы только для одного мальчишки... Началось страшное время, для многих и многих. Целые народы разделились по национальности, внешности, статусу. Мир дышал войной. В это не хотелось верить, но все только об этом и говорили. Осознание неотвратимости пришло, когда евреев обязали нашить на верхнюю одежду звезды, чтобы отличать от других жителей и согнали в резервацию. Униженные и бесправные люди до последнего боролись за жизнь. Они приспособились к условиям гетто, чудом добывая краюху хлеба и выменивая скрипку на поношенные башмаки.

- Это ж беспредел! Полный треш!

- Ошибаешься, Левка... Те, кому довелось пережить те события, вспоминали это время как рай, по сравнению с тем, что случилось потом! В одну ночь женщин, стариков и детей посадили по вагонам и отправили в концентрационные лагеря. Никто живым не вернулся. Тот мальчик был гоем*... Он просто бежал домой в моей куртке со звездой, чтобы помочь волшебством больной матери. В суматохе никто разбираться не стал, что нашивка - пятиконечная. Больше мы никогда не виделись...

- Я же говорю, чудеса - это фигня!

- Если бы так... Поздним вечером домой пришел отец с шоколадным тортом. Тем самым, что я видел в витрине кондитерской.

- Да ты гонишь!

- Куда - гоню? - переспросил удивленно Яков Моисеевич.

- Ну, в смысле - врешь!

- Я говорю чистую правду! До сих пор не знаю, откуда у отца нашлись лишние деньги. В те годы подобная покупка считалась роскошью, непозволительной тратой. Думаю, глава большого семейства решил порадовать детей сладким на последние деньги, потому что узнал о погромах, арестах и расстрелах. Население пряталось по погребам и баням, в воздухе слышались плач и крики отчаяния, а еще до тошноты пахло теплой кровью. Ранним утром каратели появились на нашей улице. В памяти сохранились вереницы убитых горем людей. Они ташили за собой неподъемную поклажу, зная, что там, куда их ведут под марш кованых солдатских сапог, никому не пригодятся швейные машинки, побитые молью ковры и сундуки с приданным. Люди хватались за нажитое добро как за соломинку, из последних сил цепляясь за рамки нелегкой, но все-таки... жизни. Все мои родные прошли через насилие, боль, унижение и газовые камеры...

Левка незаметно смахнул накатившуюся слезу:

- Как же ты выжил?

- Мать велела нам, детям, разбежаться и схорониться в огородах, заросших лопухами. Женское сердце разрывалось от желания спасти свой выводок, порой орущий, вопящий и дерущийся, но дороже всех драгоценностей в мире. Я никак не мог решиться и побежал последним, от страха и слез не разбирая дороги. Надо же было

такому случиться! Я угодил в яму и подвернул ногу. Догонять братьев оказалось бессмысленно. За мной слышался лай натасканных овчарок. Только я принялся молиться, как чья-то мозолистая рука крепко схватила за шиворот и поволокла в сарай. Среди квохчущих несушек я разглядел бородатого мужика, приложившего указательный палец к губам. Это было знаком молчать. Я так перепугался, что боялся даже дышать. Впрочем, предосторожности не помогли. Разъяренные немцы не смогли пройти мимо нашего хлипкого и такого ненадежного убежища. Бородач протянул корзинку с яйцами патрульным, но те лишь переполошили кур на насестах и со смехом убралась прочь. Моего Спасителя поволокли под руки, шпыняя в спину автоматом. В его добрейших глазах я прочел прощание...

- С тобой?

- С собой... Меня каким-то чудом не тронули. Чужая курточка оказалась волшебной. На ней не было никакой звезды. Ни пятиконечной, ни шестиконечной*... С тех пор я ненавижу шоколад, но в чудо верю.

У Левки подступил комок к горлу.

- Дед, ты... ты не виноват!

- Я знаю. Однако, всю жизнь переживаю, как бы все сложилось, не найди мама ткань для звезды... Возможно, тот мальчик остался бы жив.

Яков Моисеевич закончил рассказ и обратился к притихшему Левке:

- Хотелось бы верить, что ты понял хоть малую толику того, о чем я только что рассказал...

Старик протер заслезившиеся глаза и показал, что желает остаться один. Мальчишка отнесся к просьбе старика с пониманием. Всю ночь в детской спальне слышались шорох и ругательства, а утром по квартире разнесся запах пригорелой овсяной каши.

- Дед! Подъем!

Яков Моисеевич спросонья нацепил очки на нос и вздрогнул. Поверх одеяла лежала настоящая бархатная мантия, расшитая золотыми звездами, колпак с кисточкой и волшебная палочка, мигающая разноцветными огоньками. Дрожащими руками старик потянулся к подарку:

- Таки та самая, волшебная... Левка, смотри, что у меня есть!

Мальчик заглянул в комнату:

- Проснулся? Ну, как тебе прикид?

- Это то, о чем я мечтал в детстве! Кстати, ты не скажешь, где я имел видеть этот бархат? Моментально слушаю за все подробности...

Левка предусмотрительно промолчал. Все равно рано или поздно выяснится, что куда-то пропала штора из гостиной. О неминуемости наказания мальчик подумал, но желание порадовать родного человека перевесило. Все это стоило того, чтобы увидеть счастливое лицо старого человека. Чудесным образом он превратился в семилетнего мальчишку, получившего желанный подарок.

- Дед, теперь ты настоящий волшебник!

Яков Моисеевич водрузил на голову колпак и торжественно взмахнул волшебной палочкой в воздухе:

- Пусть все люди Мира живут дружно! Пусть верят в чудо! А звезды... останутся на небе.

- Ну, ты загнул! - присвистнул Левка. - Мыслишь масштабно...

Яков Моисеевич хитро прищурился и спросил:

- Как думаешь, можно загадать... еще одно? Для себя?

- Жги на полную катушку! - разрешил великодушно мальчик.

- Тогда я хочу... большой кусок прожаренного мяса! Нет, таки два куска! Для меня и моего Левки...

Мальчик приготовился напомнить о полезности овсяной каши, но дед опередил:

- Овсянка - отстой! Стейк - крутой хавчик!

Несмотря на тревоги близких, эти двое отлично поняли друг друга...

Июнь 2016 г.

Словарь:

**Босяк - шпана, хулиган.*

**Поц - недотепа.*

**Цимес - то, что надо, самое лучшее.*

**Форшмак - блюдо из рубленой сельди, закуска.*

**Гефилте фиш - фаршированная рыба.*

**Местечко - небольшое поселение полугородского типа с преобладанием еврейского населения.*

**Шекель - денежная единица.*

**Делать гешефт - бизнес, торговля.*

**Шмэндрик - мальчик, пацан.*

**Гой - не еврей.*

**Шестиконечная звезда - древний еврейский символ. Звезда Давида в виде наложенных друг на друга равносторонних треугольника, один вершиной вверх, другой вниз.*

Рецензия на рассказ Галины Пичуры

«Разоблачение»

Хорошее литературное произведение всегда много-слобно. Таков рассказ «Разоблачение». В самом названии присутствует интрига, ведь обычно раскрывают чьи-нибудь тайные замыслы, ложь, злоупотребления. Но главный герой произведения Фима не преследовал такой цели. Он вообще не подозревал о «двойном дне» души самого любимого человека на свете - жены. Случайно найденное письмо открывает ему глаза на то, что его жена - антисемит, брезгливо презирающий нацию, с которой она жила много лет бок-о-бок и которая, по её же словам, ничего плохого ей не сделала. Это открытие буквально убивает героя. Он не в силах простить той, которую всю жизнь боготворил, такого падения. И тут встает вопрос: а надо ли знать правду? Может, действительно, тете Рае, к которой случайно попадает не ей адресованное послание, нужно было его уничтожить? Возможно. Мы все предпочитаем правде жизни «нас возвышающий обман». Но такой расклад оставляет человека жить в иллюзорном мире, не задумываясь о причинах того или иного явления.

Почему же жена Фимы так ненавидела евреев, что готова была признать правоту гитлеровцев: «...Нет, не даром их фашисты убивают, не даром!»? Её ненависть носит чисто физиологический характер - чего стоит упоминание о запахе, исходящем от евреев, который она пыталась перебить духами. Из рассказа с её слов, мы узнаем, что она родом из деревни, необразована, красавицей самокритично себя не считает. Человек с таким примитивным уровнем развития просто не может

оценить душевную красоту матери и тети Раи, всю жизнь посвятившие ей, её семье. Антисемитизм, в принципе, животное, иррациональное чувство, не оправданное ничем. Достаточно сказать, что сегодня он процветает в тех странах, где евреев проживает очень мало, например, в Польше, где их всего около 5000 человек. Известно, что на Украине после Великой Отечественной войны практически не осталось коренных евреев. А героиня рассказа, Дуся, как раз украинка. Очень серьезный повод задуматься и о современных реалиях.

Дуся не понимала, что совершает нравственное преступление, презрительно называя свекровь «жидовкой», а мужа - «жидом». Её чувства к нему своекорыстны. И это открытие делает жизнь Фимы более невозможной. Ведь все, во что он верил и что любил, убило разоблачающее письмо, пришедшее из прошлого. Ещё один урок, который извлекаешь из рассказа Г. Пичуры - за все надо платить. И за иллюзии тоже. А женщина, презиравшая своих родных за то, что они евреи, также заплатит - одиночеством и потерей любви, которая была ей подарена так искренно и бескорыстно не по праву.

ПИЧУРА ГАЛИНА БОРИСОВНА

Разоблачение

Эта история открылась совершенно случайно: так угодно было ироничной и безжалостной судьбе.

Всю свою послевоенную жизнь Фима Голдман получал любовь двух матерей: родные сестры, потерявшие мужей на фронте. И вот вчера одна из них умерла. Это была его тетя, не мама, но такого глубокого чувства потери и боли Фима не испытывал с тех пор, как узнал о гибели отца на фронте.

Он отправился в квартиру покойной, чтобы разобрать вещи, важные бумаги, документы, фотографии, - словом, сложить в свою небольшую спортивную сумку бесценные для него и его мамы свидетельства того, что тетя Рая (в паспорте - Рахель) жила на этом свете. Теткина многострадальная жизнь с неиссякаемыми, но так и не сбывшимися надеждами, тускло отсвечивала лампочкой старомодного торшера, который давно пора было заменить или выкинуть.

Комната все еще таила энергию ее хозяйки. Сколько здесь было выплакано слез и сколько ночей прошло без сна! А теткинны многолетние упреки в адрес вселенной, когда-то безжалостно забравшей на небеса ее молодого мужа и юного сына, словно ожили при виде Ефима, окружили его невидимым кольцом и сдавили горло.

Старенькие обои в цветочек, когда-то казавшиеся Фиме веселенькими, воспринимались теперь мрачными.

На спинке стула висела юбка, которую тетя пыталась удлинить в соответствии с модой времен ее юности. Она, видимо, устала и решила продолжить работу завтра. Но завтра для нее уже не наступило: иголка с

ниткой так навсегда и остались наскоро вколотыми в ткань распоротой юбки, а очки в старой оправе и наперсток сиротливо лежали на журнальном столике.

Окруженный теткинými кактусами на подоконнике, ее нарядами и украшениями, баночками с кремами для вечной молодости, занимавшими почти весь трельяж, лекарствами и духами, пронзительно напоминавшими о ней, Фима обессиленно сидел на диване в полном оцепенении, не умея заплакать и не зная, как проглотить ком в горле.

В начале войны эта женщина, тогда еще молодая и красивая, получила почти одновременно две похоронки: на сына и на мужа. Отец Фимы тоже не вернулся с войны. И именно Ефим, единственный выживший в семье мужчина, стал мощным целительным средством от всех потерь и трагедий для двух овдовевших сестер.

Они растили его вместе, хоть и жили порознь. И нередко доводилось ему замечать их взаимную ревность: то он ласковей поговорил с теткой, чем с мамой, то наоборот.

Ефим и его мама Соня стали для Раисы главным содержанием жизни. Их визиты - поводом принимать гостей и хорошо выглядеть, их проблемы стали ее проблемами. На семейном совете под председательством тетки всегда решались самые сложные вопросы, дефицита в которых никогда не наблюдалось.

За умение находить компромиссы с кознями жизни, тетка снискала уважение не только родственников и близких друзей, но и титул на редкость мудрой женщины среди всех, кто хоть немного знал ее на работе, да и просто по соседству.

Здесь, в коммунальной квартире на Лиговке, тетка пережила блокаду, и все напоминало ей о счастливой некогда жизни с мужем и сыном.

И вот, вчера тети Раи не стало. Она умерла в возрасте 89 лет от сердечного приступа. И хоть сказать о ней «безвременно ушедшая» было сложно, Фима и его мама переживали уход Раусы как землетрясение своей судьбы.

Мать Фимы была младшей в семье, но и ее возраст отдалялся от юности на непозволительно рискованное расстояние, тревожившее как ее саму, так и Фиму все сильнее с каждым днем.

Опасаясь, что обитатели теткиной квартиры, не слишком обремененные моральными принципами, нагрянут пожить в ее вешах умершей соседки и не пощадят даже альбомов с фотографиями, Фима отправился в комнату тети безотлагательно.

Жена, Дуся, предложила ему свою помощь, но он отказался:

- Куда тебе ехать! Колени так болят, что на таблетках едва с болью справляешься. Я уж сам как-нибудь.

Он любил свою Дусю до сих пор так же нежно, как в юности. Им самим уже седьмой десяток пошел, а в памяти все свежо: и как встретились однажды на танцах, и как вспыхнуло чувство, и как поженились ...

Даже не верится: вот уже и внуки от двоих сыночек - взрослые люди! А кажется, что молодость была только вчера и еще не совсем прошла. Ему повезло с женой. Он всегда втайне благодарил за это судьбу.

В начале войны Дусина семья спешно эвакуировалась из Украины. Фимины - из Ленинграда. Мужчин отправили на фронт.

Дуська уже беременной была, ее мучил страшный токсикоз, и, конечно, она отправилась в Ташкент с Фиминой мамой, не успев даже толком попрощаться со своей украинской родней.

Разыскала она своих уже после войны. Но одна из ее

теток осталась на Украине и пережила войну в оккупированном немцами селе. Потом село освободили, тетка выжила, пришла в себя и однажды ответила Дусе. С тех пор они регулярно переписывались.

Фимина тетя Рая выжила во время блокады. Она отказалась эвакуироваться из Ленинграда. Был большой скандал, но теткина мудрость наткнулась на ее же романтическое упрямство, которое и определило победу последнего: она осталась в своем прекрасном городе на Неве, куда, по ее мнению, немца никто не пустит. И не пустили ведь! Но как она осталась живой и что ей пришлось пережить, лучше никому не знать.

С Раей постоянно держали почтовую связь из Ташкента, пока доходили письма. А потом связь прервалась, и стало страшно.

... Фима извлек пачку писем, бережно завернутых и уложенных в прозрачный полиэтиленовый пакет, сквозь который просвечивала плотная пожелтевшая бумага с надписью «Письма из Ташкента в Ленинград».

Он высыпал содержимое пакета на тетушкин выданный виды темнозеленый диван, собираясь прочитать одно-два письма военного времени. На него вдруг накатил волна эмоций и сентиментальных воспоминаний. Глаза увлажнились.

Закурив сигарету, он стряхнул пепел в большую хрустальную пепельницу тетки, которую, по официальной легенде, Раиса когда-то купила для своих курящих гостей, но в реальности, покуривала и сама.

И вдруг он заметил почерк своей жены на одном из конвертов: острые углы букв, словно падающих друг на друга... Этот почерк ни с чьим другим не перепутаешь при всем желании. Она что-то писала его тетке Рае!? Странно... Они не очень-то ладили.

Он вытащил письмо и начал читать.

- Дорогая тетя Леся! Как вы поживаете?

Напишите мне правду, есть ли еда, не голодно ли? Как здоровье после всего пережитого?

Удалось ли что-то узнать про мою подружку, Оксану Лазаренко? Где она, что с ней? Если что, пришлите мне ее адрес! Хорошо?

У нас в Ташкенте все более или менее: я и свекровь подрабатываем, так что хватает на жизнь. Я устроилась секретарем-машинисткой в одну организацию. Там платят совсем немного, но сейчас найти лучшую работу невозможно, тем более я мало что умею. А свекровь моя соседской семье по хозяйству помогает, да с детьми возится у них. А там и деньги, и продукты имеются. Евреи всегда умели жить хорошо. Им что военное время, что мирное, а своего не упустят. Я слышала, до войны соседский дед обувью занимался, ну, лаком ее покрывал и продавал. Целое производство! Видно, большие деньги там водятся до сих пор! Свекровь на них вкалывает, ну, они ей и платят хорошо. Вот и стала в семье нашей главной кормилицей не я, а она, потому что она куда больше моего получает! И шьет, и варит им, и за чужими детьми смотрит, аж, с Игоречком нашим не всегда успевает поиграть! Но берет его с собой на работу: она там, к примеру, готовит, а он спит или играет сам с игрушками, а то и с соседскими детьми. А соседи не возражают. Ну, понятно, евреи всегда друг друга выручают. Вот они ей и работу дают, и продуктами платят, и деньгами. И еще мне с сыночком подарки шлют. Ну, а я что сказать могу! Хоть мне и противно из их жидовских рук принимать помощь, но куда денешься!

А вообще, нам с Игорем живется неплохо. Сынуля на меня похож, хоть улыбка у него Фиминая.

Вот, скажу я вам, тетя Леся, как на духу: я хоть и

переживаю, что моя украинская кровь с жидовской смешалась, но зато муж мой любит меня и ребенка, как только настоящий еврей любить умеет. А наши редко над женами трясутся, как я заметила! И хотя муж у меня хороший и я даже родила от него, но все-таки не могу я привыкнуть, что живу среди жидов. Одно дело - отдельно с мужем отношения строить и на свой лад им крутить-вертеть. И совсем другое дело - попасть в жидовский клан! Ну, представьте себе только, что мало мне свекрови, так еще и соседи попались - сплошные евреи. Господи, надо же, чтоб все так совпало! Думала я, узбеки тут будут, а оказалось, здесь евреев бухарских видимо-невидимо!

Какие же они все мерзкие, жадные, грязные! Они даже после бани пахнут как-то по-особенному! От них специфический запах исходит, правда. Не замечали?

Ефим-то, бывало, из бани придет до войны еще, а все равно запах еврейский присутствует. Я уж разными духами белье брызгала, но куда там!

Нет, не даром фашисты их убивают, не даром! Была б моя воля, я бы фашистам помогла, хоть и некрасиво так говорить, но зато честно.

Ой, тетя Леся, вы не подумайте, что меня тут обижают, и я из-за этого злая!

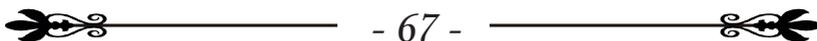
Они ко мне, как к родной относятся, особенно свекровь: старается, словно понимает мое превосходство, ну, и хорошее отношение к себе зарабатывает. Вы разве не замечали, как евреи пытаются перед всеми хорошими казаться? Это от неполноценности. Мол, хоть я и еврей, но простите мне это, потому что я - человек добрый. Просто противно мне жить среди этого отродья! Но ничего. Вот закончится война, переедем мы, начнем отдельно своей семьей жить, и все будет хорошо. А пока нужно потерпеть и свекровь, и соседей.

В общем, если бы не это засилье жидов вокруг, то у меня уже и сейчас все, в целом, было бы неплохо. Сынишка растет. Фима пишет. Он, слава Богу, жив! Из всех жидов, лучше его на свете нету, это уж точно. Он даже и не похож на них совсем ни внешне, ни характером. Вот только имя дурацкое - Фима. Тут уж, ясное дело, не ошибешься. Да и фамилию мне взять пришлось ихнюю. Тут у меня шансов не было выкрутиться. Слышала я разговоры на кухне, как одна невеста русская не захотела фамилию жениха взять, а он - Рабинович, между прочим! Так он невесту свою только за это одно и бросил. Ну, до меня быстро дошло, что придется попроситься мне со своей фамилией Марченко или потерять жениха. А потом что делать-то? Кто знает, влюбится в меня еще кто-нибудь так сильно или нет! Да и вообще, я-то знаю, что не красотка, а умом беру и душой. Но ведь для того, чтоб все это понять, и самому нужно мозги иметь и душу. Многие ли имеют? Да и на улице ко мне не очень-то цепляются. А Фима вот как разговорился со мной в кассе за билетами на танцы, так больше и не отходил от меня. Значит, понял, что я чего-то стою. Так он меня еще и красавицей считает! Вот что меня потрясло больше всего! А во мне красоты-то - одна коса длинная, да брови широкие. И потом, я же в Питере когда-то случайно оказалась: в институт поступала, но так и не поступила. И ни разу Фимка не упрекнул меня, что я без образования, да и вообще деревенская. Ничего подобного не было. Курсы закончила, печатать научилась, так он мне в день окончания курсов огромный букет роз подарил и вечеринку дома устроил в честь этого. Да еще и тост за меня поднял:

«За Дусеньку мою! Начала с курсов, но это только ее старт. Она умница и многого добьется!»

Я его потом спрашиваю:

«Что твой тост означает? Так значит, если я высшего образования не получу, ты меня любить перестанешь?»

А он засмеялся тогда и говорит:

«Я уже не смогу тебя разлюбить. А образования твоего мне хватает: ты родной человек. Но если тебе захочется получить профессию и диплом, буду рад и помогу».

Честно говоря, тетя Леся, я не очень-то люблю с учебниками сидеть в обнимку. Фимка пусть в семье «академиком» будет, а мне вполне роль матери и женщины подойдет.

Ну, заболталась я что-то. Сейчас уже свекровь придет. А мне еще одно письмо писать нужно: у Фиминой тетки Раи, что в Ленинграде осталась, - скоро день рождения. Вот свекровь просила написать ей от всех нас поздравление и вложить открыточку. Сама, мол, не успевает! Ну, мне нетрудно. Сейчас напишу ей. Все, закругляюсь! Всем привет передавай, тетя Леся! И не болейте там! Пишите почаще!

Целую! Ваша Дуся.

Фима схватился за сердце и стал судорожно глотать воздух. В кармане его куртки всегда были таблетки на случай, если прихватывало, но куртка висела на вешалке при входе в комнату, а встать он не мог.

На его счастье дверь неожиданно открылась и в комнату ворвался соседский малыш лет трех-четырех, мгновенно заполнив пространство вокруг себя беспричинной радостью и глубоким смыслом. Он был похож на ангелочка не только небесным цветом глаз и белыми курдюшками, но и нежным прикосновением к Фиминой руке:

-Дядя! Поиграй со мной! Можно я буду разведчиком, а ты немцем? Или... А ты во что любишь играть?

В ответ раздалось Фимино невнятное шипение, и малыш забеспокоился:

- Дядя, тебе что-то болит?

Фима кивнул. Тогда мальчик предложил поиграть во врача и больного, но вскоре сообразил, что игра не со-стоится, и позвал маму. Ты вызвала Скорую и позво-нила матери Фимы, чей телефон хранила много лет по просьбе покойной соседки Раисы (на случай беды). И вот телефон пригодился ее племяннику.

...Старенькая сутулая мама-Соня, бесценная женщи-на в судьбе Фимы, примчалась в такси и оказалась у больничной постели сына, когда врачи уже практиче-ски привели его в норму, но предложили остаться на пару суток для обследования и наблюдения. Фима не со-противлялся: понятие «дом», куда бы он рвался в любой подобной ситуации раньше, сейчас разбилось на мелкие осколки, каждый из которых ранил его не только мо-рально, но даже физически, как только он вспоминал о случившемся.

- Мама, неужели ты все знала и ничего не сказала мне?!!

- Фимочка, родной мой! Это - старая история! У нее уже выросла длинная борода. Жизнь почти прожита. У вас дети! Двое! И трое внуков! Дуся была молодой и дурной. Она за все эти годы могла и изменить свои взгляды... Так, как думала она, думают многие в нашей стране: это классика. Ну, есть, конечно, интеллиген-ция, которая так не мыслит. Но сколько их, истин-ных интеллигентов, по сравнению с населением нашей необъятной родины! Правительству в разные време-на было выгодно использовать национальную вражду в своих целях. Ну, что я тебе рассказываю прописные ис-тины! Просто кто-то послабей мозгами лучше впиты-вает всякую чушь из сплетен коммунальных квартир, из газет, книг и экранов ТВ, ну, и хуже маскирует свой антисемитизм. А те, у кого мозги покрепче, они тоже

не многим отличаются от первой категории, но молчат и «дружат» с евреями, если выгодно, и еще, чтобы, при случае, сказать:

«Я антисемит? Да у меня друзья - евреи!»!

Дуся - одна из миллионов ей подобных. Мы бы о ней правды не узнали, если бы она случайно не перепутала конверты: она же писала своей родной тетке, а письмо прочитала наша тетя Рая, как ты уже понял. Ну, а поздравление с днем рождения Раи получила тетя Леся. Иногда жизнь любит так пошутить!

Наша Рая пережила тогда настоящий шок и поделилась со мной. Мы договорились не спешить, дожидаться окончания войны, чтобы потом решить, что с этим письмом делать.

И вот, однажды (уже после войны, конечно) Рая пригласила меня к себе для разговора, и мы целый вечер спорили, говорить тебе или нет, показывать письмо или уничтожить его. В итоге, мнения наши не совпали, и я предложила пока ничего не делать и еще подумать. Понимаешь, ты был настолько счастлив и ослеплен этим счастьем, что я как твоя мать просто не посмела все это разрушить разоблачением! Я не могла лишить твоих (тогда еще маленьких) деток папы, а себя - внуков!

- Мама! Ты не посмела разрушить мое псевдосчастье и этим вынудила меня всю жизнь провести с ничтожной тварью и животной антисемиткой? Да ты - преступница! Ты меня лишила возможности устроить судьбу с настоящей искренней женщиной, которую я мог бы встретить, если бы вовремя развелся с этой!

- Вовремя? Это когда ты был на фронте под пулями? Или когда появилось уже двое детей? Когда, по-твоему, было это «вовремя»? К тому же, эта самая антисемитка, между прочим, - мать твоих детей и бабушка твоих внуков! Подумай о них, во что им обойдется твои про-

зрения и как они сумеют разделить свою любовь между вами, если вы вдруг станете врагами на старости лет!

Фима, ты же сам ее выбрал, эту свою Дусю! Ты думаешь, мы с папой были в восторге от твоего выбора? Ты знаешь, не очень-то мы радовались! Но зная твой характер, мы промолчали. Поняли, что ты крепко влюбился. Ты же ее любил до сумасшествия, не очень понятно за что, да и сейчас еще любишь. Так уж долюби, пожалуйста, до конца! Поздно прозревать в твоём возрасте. Слишком поздно! Ну, прости нас, Фимочка! Мы же хотели, как лучше! А Рая обещала мне письмо это уничтожить еще тогда. Зачем она его оставила, Господи!

- Мама, мне хочется побыть одному. Я тут наговорил тебе грубостей. Прости меня! Тебе нельзя так волноваться. Пусть тебе вызовут такси! Только обещай мне, что Дусиной ноги тут, в больнице, не будет.

- А что же я ей скажу? Где ты будешь ночевать, если ты не в больнице? Командировок у пенсионеров не бывает, насколько я знаю.

- Скажи ей, что я с ней развожусь. А пока поживу у друзей. Скажи, что полюбил другую. Скажи ей все, что хочешь! Мне все равно. Я хочу спать, и я устал, мама.

- Хорошо, сынок, отдыхай!

Софья Борисовна поправила одеяло, чмокнула сына в седой висок, вышла в коридор и попросила помочь ей вызвать такси. Несмотря на возраст и тросточку, без которой она уже не могла передвигаться, следы женской привлекательности и властного характера угадывались в ней в первого взгляда. Она так и не стала старушкой и продолжала воспринимать себя элегантной дамой, и ей казалось (а, может, так и было на самом деле), что и окружающие смотрели на нее именно как на красивую немолодую леди.

Конечно, испытания последних дней (смерть сестры

и события в семье сына) в ее-то возрасте переживать трудно и опасно.

Но Софья Борисовна была устойчива к бедам и стрессам, словно жизнь вколола в ее сердце не одну прививку и развила иммунитет. Нет, это были прививки не от самого горя, а от реагирования на него. От головы шел сигнал к сердцу, приказывая приглушить боль и не умереть от нее мгновенно.

Неужели старость стирает остроту не только зрения, но и моральной боли?

Смотришь на свою жизнь немного со стороны, словно уже частично вышла из своего тела наружу, и всей душой жалеешь ту женщину, которая недавно была тобой, до этого происшествия...

Но все-таки одно дело - жалеть себя, и совсем другое - кого-то! Поэтому в моменты острых жизненных кризисов так важно суметь взглянуть со стороны на свое несчастье и пожалеть уже не себя, а героиню ситуации... Это помогает. Хотя трудно словами объяснить подобное явление.

... Такси доставило ее домой. Телефон обрывался от звонков. Это звонила Дуся.

Смешанные чувства брезгливости и жалости к ней, волнующейся о своем муже, боролись в душе Софьи Борисовны. Наконец она сняла трубку и сказала:

- Фима жив и здоров. Но у него немного прихватило сердце, и я вызвала доктора. Он уже был, осмотрел Ефима и сказал, что ничего опасного нет, но нужно вылежать несколько дней в постели, не вставая. Твой муж сейчас спит. Он останется у меня на пару дней, и я буду за ним ухаживать. А похоронами тети Раи уже занимаются Вадик и Оля. Так что этот непростой момент в жизни нам всем нужно стойко пережить.

- Я сейчас приеду к вам!

- Ни в коем случае! Мне не до гостей! Я сама еле жива и мечтаю лечь и уснуть. Спокойной ночи!

Утром Дуся все-таки примчалась к свекрови, причем без предварительного звонка. Это было вполне предсказуемо, но ничего другого придумать Софья Борисовна не смогла. Пришлось признаться, что Фима в больнице, и умолять невестку туда не ездить под предлогом его нервного срыва от смерти тетки и запрета врачей на свидания с ним. Хотя и это было наивной попыткой. Конечно, вся эта таинственность вызвала жуткие подозрения Дуся, и, разумеется, она мгновенно направилась именно туда, в больницу.

... Она стояла посреди палаты, рассеянно моргая белыми ресницами, которые не успела покрасить, и искала глазами Фиму. Он рефлекторно махнул ей рукой и испытал нечто подобное радости, увидев родное лицо посреди безликого больничного однообразия. Сколько раз они посещали друг друга в больницах за их долгую жизнь! Заботливые кулечки с домашними блюдами... Нежные поцелуи... Но главное - обеспокоенные глаза! Неужели все это было враньем и игрой, с ее стороны!

Перед сном ему вкололи что-то успокаивающее, и, все еще находясь в плену сладкого полусна, он то ли не сразу вспомнил о случившемся вчера, то ли просто не успел мгновенно возненавидеть свою любимую. Поэтому, заметив, как тяжело она шла, с трудом сгибая свое недавно прооперированное колено, он едва ли не вскочил, чтобы помочь ей дойти до его кровати и удобно усадить. Но тут он все вспомнил. Горло сдавило сильнейшим спазмом. Глаза налились кровью. Сердце бешено застучало.

Он не дал ей произнести ни слова. Вернее сказать, она замолчала, увидев его ненавидящий взгляд. Он вручил ей пакет, в который заранее упаковал то самое злополучное письмо и записку:

«Я больше не смогу жить с тобой. Прощай! Ефим».

Когда спазм немного отпустил, Фима заговорил, но не узнал своего голоса:

- Я не хочу тебя видеть. Не приходи сюда больше. Ты поймешь, когда прочитаешь письмо там, внутри... Нет не здесь, а дома прочитай! Позови медсестру, мне плохо!

Медсестра вызвала доктора: начался сердечный приступ.

Персонал больницы активно хлопотал вокруг него. Заскрипели двери, застучали каблуки, едко запахло лекарствами, а что случилось дальше, он уже и не вспомнит...

Ничего не болело: ни тело, ни душа. Возможно, опять сделали какой-то укол?

Как бы там ни было, но Фима успокоился, проваливаясь то ли в уютный медикаментозный рай, то ли в какой-то иной. Но там, где он пребывал, никогда не было никакого зла и фальши. Там о нем по-прежнему беспокоилась мама, ожившая тетя Рая и любимая жена Дуся, искренняя, умная и любящая.

АРИТКУЛОВА
ГУЗАЛИЯ РИФГАТОВНА
(ГУЛЯ РИФ)

Уникумы
(Из серии Медовый край)

* * *

- Как хорошо виден из вашего окна седовласый красавец Тра-тау, - произнёс дед Юлай, облокотившись о подоконник и вглядываясь вдаль.

- А, - пренебрежительно отмахнулся Салават, уставившись в телевизор, - подумаешь... Шиханчик, так себе, горка малюсенькая, не то что, вон, - указал пальцем на высоченную вершину заснеженной горы, с которой лихо и опасно скользили сноубордисты, разрезая белый снежный покров. - Здорово катятся! Эх, мне бы попробовать. Можно, наверное, целый день спускаться, не то, что с наших горочек - вжик и внизу.

Дед, подсев к внуку, многозначительно хмыкнул и спросил:

- Получается, значимость горы определяется высотой над уровнем моря и тем, как её эксплуатируют любители экстрима?

Салават, оторвав взгляд от телевизора, недоумённо захлопал ресницами.

- Ничего не понял, - растерянно пробормотал. - Ты что, специально заумными словами меня запутываешь?

- Специально, - сузил глаза в прищуре дед Юлай.

- Ты опять хитришь, дедушка, - засмеялся мальчик.

- Что ты знаешь о горах, кроме катания с них на лыжах и полированных «дошечках»?

- Ну... - затаянул Салават, - горы... это... камни! Вот

такушие! - развёл широко руками, - или размером, как наша комната, или как дом...

- Ну-ну, - подбадривал дед, вроде как соглашаясь. - Дальше?

- Скажи ты, - тоже хитро прищурился внук на деда, скопировав его. - Теперь твоя очередь.

- Что же, слушай тогда, оттопырив уши, и запоминай хорошенько всё, что скажу. Шиханы, мой родной, - не просто горы, а скопление останков разных подводных существ, который плавали и ползали когда-то на дне морском, а в последствии окаменели...

- Ха-ха, - закатился весело Салават, - дедушка, сказки сочиняешь. Море далеко. До него надо на поезде ехать с ночёвкой.

- Не перебивай, - легонько шлёпнул дед внука по спине. - Почти триста миллионов лет назад, там, где сейчас Башкортостан, покоилось море, а может и океан.

- Правда? Океан? Самый настоящий?

- Древний. Тогда земной мир другим был, и обитатели подводные мало, чем походили на тех, что сейчас.

- Наверное, чудища всякие и чудовища жили там, - скорчил «страшную» физиономию Салават и даже зарычал.

- Возможно, - кивнул дед. - Ну, жили они, ползали; одни умирали, другие рождались и тоже умирали; скапливались, а вода постепенно уходила, уходила...

- Как отлив! - радостно сообщил Салават. - Я вчера видел мультик «Приключения капитана Врунгеля», там вода убежала, а гора стала высокой, хотя сначала под водой сидела, и её не видно было.

- Собоображаешь, - удивлённо глянул дед на внука. - Есть сходство. Единственное, «наш» океан постепенно иссох, ушёл совсем и навсегда, а возвышения, то есть Шиханы, остались...

- О! - как ошпаренный вскочил Салават. - Получается, Шиханам много-много миллионов лет? - опять удивил деда сообразительностью.

- То-то и оно! А ты - «горочки». Между прочим, таких горочек по всему миру ищи - не найдёшь. Единственные. Уникумы.

- Как понять «уникум»?

- Значит, неповторимый, редкий. Осталось три ни с чем не сравнимые горы: Юрак-тау - Сердце-гора, Куш-тау - Птица-гора, Тра-тау - Одиночка-гора. А было четыре. Не хватает Шах-тау, Царь-горы. Эту гору, к великому сожалению, завод съел.

- Как съел? - не понял Салават.

- А как дракон огнедышащий: ам-ам и нет.

- Опять, бабушка, запутанно говоришь.

- Сода, которую мама твоя и бабушка в выпечку добавляют, из «горы» сделана, - и дед поведал внуку, как добывается сырьё, как по специальным подвесным путям доставляется на завод.

Салават, слушая, то хмурился, то удивлялся. Он не знал, как относится к дракону-заводу. Вроде и плохо, что тот гору съел, но с другой стороны - разные полезности производил.

- Ты так здорово всё рассказываешь, - перебил мальчик деда, - что мне захотелось скорее влезть на макушку той горы, которая из нашего окошка видна.

- Э, за чем дело стало! - воскликнул дед Юлай. - Мой железный конь под окном томится. Что бабушка наказала, давно купил. Она, небось, не заругает, если крюк сделаем и через Тра-тау домой вернёмся.

- Не заругает! - заверил Салават и побежал из комнаты с криками: - Мама, я на уникам, потом в деревню.

* * *

Во дворе Салават, увидев дедовский мотоцикл «Урал» с люлькой, захохотал.

- Что такое? - не понял его веселья дед.

- Твой мотоцикл - тоже уникам.

- Остряк, - пробормотал старик, внутри поражаясь верному сравнению, уж очень редкостно смотрелся его железный «конь» посреди модных иномарок и расфуфыренных отечественных машин.

* * *

Ветер рвал каску с головы и жёстко гладил лицо. Салават, сидя в люльке и зажмурив глаза, представлял, что он - не мальчик, а очень древний дельфин, разрезающий воды безбрежного океана.

Пчела-башкирка

* * *

Салават черпал столовой ложкой мёд, но не ел - с небольшой высоты сливал тягучую золотистую массу обратно в пиалу. Наблюдал. Особенно тщательно разглядывал оставшуюся тонкую струйку, которая долгой ниточкой соединяла ложку и пиалу.

- Не балуйся, - нахмурилась бабушка. - С едой грех играть.

- Я не играюсь, а думаю, - возразил Салават, вновь зачерпывая мёд.

Бабушка недовольно качнула головой и хотела что-то сказать, но её опередил дедушка Юлай.

- О чём же думы юного мыслителя? - поинтересовался и шумно отхлёбнул чай.

- Как такой красивый, вкусный мёд делают ужасные мелкие злюки пчёлки?

- Злюки-пчёлки? - переспросил дед и вдруг весело расхохотался, откинувшись на спинку стула. - Всё не можешь забыть, как тебя ужалила одна из полосатых злюк?

- Ничего смешного, - надулся Салават.

- Не обижайся, - примирительно произнёс дед Юлай, перестав смеяться. - Чтобы пчела не жалила, надо научиться вести с ней переговоры, - прищурился он.

Дед Юлай умел шуриться по-особому. Салават знал - если глаза бабушки «убегали» глубоко под морщинки и поблёскивали оттуда хитреюй - жди загадки.

- Они же не люди, чтобы с ними переговоры вести.

- Хе, внучек, да ты, оказывается, в пчелином вопросе совсем не сведущ. Неужели в садике вам ничего о великой труженице пчеле-башкирке не рассказывали?

- Дедушка, ты всегда как скажешь что-нибудь смешное, обхохочешься! - теперь уже затрясся весело Салават и, как недавно дед, откинулся на спинку стула, да ещё ногами под столом взбрыкнул. - Ой, не могу... - продолжая смеяться, упал на стол грудью, - и что, пчела, как я и ты, прямо башкирка по нации?

- Не шали за столом, - на секунду стал серьёзным дедушка Юлай и тут же пояснил: пчёлки бывают и татарские, и алтайские, и орловские... хотя все они из одной породы среднерусских пчёл. А ещё... - замолчал и вдруг предложил: - Чувствую, разговор долгий, идём-ка посидим на крыльце, посудачим.

- Идём! - легко выпорхнул из-за стола Салават, заинтересовавшись словами деда.

* * *

Салават не сразу присел на ступеньку крыльца. Выпрыгнул на улицу. Пробежался по кругу двора наперегонки с псом Бураном. Выглянул за ворота...

Ему, городскому мальчишке, нравилась деревенская свобода.

Пахло липой. Солнце, похожее на мёд, шаловливо шекотало лучами глаза, грело макушку. Наконец-то Салават, выплеснув часть энергии, плюхнулся рядом с дедом.

- Я тут вдруг стихотворение вспомнил про пчелу, правда не знаю, башкирка она или, как там... алтайка, - и, не давая себе передышки, выпалил: *Хлопотливая пчела, шерстяная спинка. Пыльцу с липы собрала и несёт в корзинке...* ха-ха, опять враки, как она может нести корзинку?

- Не враки, а чистая правда, - возразил спокойно дед. - Корзинки у пчёл от природы...

- Прямо настоящие, плетённые? - округлились глаза внука.

- Не совсем так, - улыбнулся дедушка Юлай, - не плетённая, конечно, а образованная шетинками. Пчела садится на липу, гречиху или цветы, время от времени чистится щеточками на передних лапках, передает комочки пыльцы на средние, а теми на задние лапки, где и находится «корзинка».

- Хитренько придумано, - удивился Салават.

- Природа мудра, - согласился дед.

- А про переговоры с пчёлами ты пошутил? И чем, например, башкирка отличается от не башкирки?

- Начну с того, что есть ещё кавказская пчела. Она тоже хороша, не такая, как ты говоришь «злюка», но плохо переносит морозы и, вообще, наша башкирочка - морозоустойчивая хлопотунья, даёт много мёда, особенно липового и гречишного.

- А! - обрадовано вскочил на ноги Салават. - Липовый, который сейчас на столе, золотой-золотой и вкусный-превкусный! И всё же пчёлки - кусачки.

- Верно. Кусачки. Но жальт пчёлы тех, кто неопря-

мен, излишне суетлив, труслив. Прилетела пчела - не гони, даже если перед самым кончиком носа мельтешит, не маши руками, не кричи страшным голосом. Повьётся вокруг и улетит, а коли присядет, опять же - не трогай, не хлопай. Она почистит усики и дальше в путь тронется.

- Это и есть «переговоры»? - разочарованно протянул Салават.

- А ты чего ждал? - немного растерялся дед.

- Я думал, есть специальный, пчелиный язык.

- Есть такой язык, - утвердительно тряхнул головой дедушка Юлай. - Однако, он сложный - требует времени, усидчивости, ну, и желания для тщательно изучения. *Пчеловодство* называется... а знаешь что? - опять хитро прищурился дед на внука.

- Что?

- Сходим-ка на край деревни к деду Минияру. Он-то пасечник знатный. Поведёт к своим ульям и на деле покажет, как с пчёлами переговоры вести.

- Пойдём скорее! - загорелся идеей деда Салават. - Заодно попробую пчелиную корзинку на лапках рассмотреть.

Ничего дедушка Юлай на эти слова не ответил, только в усы незаметно усмехнулся.

Звуки от Сакса и поющий тростник

* * *

Случилась с Салаватом странная для его юного возраста неожиданность: он «заболел» джазом. Не просто так, с бухты-барухты, а с того момента, как попал на репетицию небольшого джазового коллектива. Оказалось, - слышать звучание инструментов по телевизору и вживую - большая разница. Особенно его поразил

саксофон. На золотистой изогнутой трубе, похожей на гигантскую курительную трубку, играл дядя Миша, друг отца, к которому они и заскочили по какому-то делу. Папа быстро переговорил с другом и хотел уйти, но, увидев заинтересованность, сына, предложил:

- Хочешь послушать?

- А можно?

- Можно? - переадресовал вопрос отец дяде Мише.

Тот, не вынимая изо рта «трубку», молча покивал.

Сначала Салавату было смешно наблюдать за большими дядьками. Один, подняв глаза к потолку, с увлечением постукивал по медным тарелкам и барабанам, другой, низко склонившись к гитаре, перебирал струны. Но потешнее всех выглядел усатый дядя Миша. Он раздувал щёки (усы его при этом топорщились), прикрывал глаза и хриловато мычал через саксофон.

«Когда они играть начнут?» - только подумал Салават, как вдруг... нежно-высокий звук вырвался из саксофона, подрожал кратчайший миг в воздухе, оборвался, вдогонку ему полетел другой, басовито низкий, следом - снова высокий... звуки саксофона напоззали, накрывали друг друга как волны, проникали глубоко в душу и рождали там что-то шемящее, приятно-волнительное.

«Хочу! Хочу!» Тоже так хочу. Научусь!» - решил в тот момент Салават и по дороге домой спросил у отца:

- купишь мне саксофон?

- Зачем?

- На концертах выступать с дядей Мишей буду.

- Мал ещё, - похлопал его по спине отец. - Лет так... в тринадцать можно.

- Ничего ты, папочка, не понимаешь, надо, когда маленький учиться, а потом поздно будет, - по-взрослому возразил Салават.

- Сынок, ты же сам видел, с каким усилием выдувал

мелодию дядя Миша. У тебя силёнок не хватит.

- Хватит, хватит! Прямо сейчас купишь мне воздушные шарик, самые тугие, я знаю, где такие продаются, на них сначала потренируюсь.

- Упёртый ты, однако.

- Купи!

- Вначале сходите с матерью в музыкальную школу. Узнаете, что к чему.

- Ура!

* * *

Приехал Салават в деревню - в кармане плеер. Ходит, не вынимая наушники.

- Что так увлечённо слушаешь? - поинтересовался дед Юлай, - песни из мультиков?

- Это джаз! - гордо ответил Салават. - А малышей песенки пусть ляльки детсадовские слушают.

- Ах, да! Ты-то уже взрослый, - иронично произнёс дед, - в первый класс осенью пойдёшь.

- Ага, я большой, - согласился Салават, не уловив иронии. - Дедушка, знаешь, как классно саксофон играет? - протянул наушники.

Дед, послушав с минутку, одобрительно зацокал языком.

- Красиво приятная мелодия. Согласен, саксофон - волшебный инструмент и рождает неповторимые звуки, хотя сам я поклонник поющего тростника.

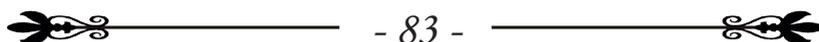
- Поющий тростник?

- Курай.

- А-а-а, длинная дудочка.

- Это не просто длинная дудочка, а музыкальный инструмент, созданный самой природой и первым исполнителем на нём был... - хитро прищурился дед на внука, - догадайся, кто?

- Древний башкир! - не задумываясь, выпалил Салават.

Мальчик был уверен, что правильно ответил, но дедушку ответ развеселил. Он так заразительно и громко захохотал, что даже на лбу пот мелкими бусинками выступил.

- Дедушка, перестань смеяться, я обижусь. Что смешного-то?

- Не обижайся... ох-хох, ничего смешного, вроде, не сказал, хе-хе. Во мне дело, смешливый я, как представил древнего человека, обросшего, обмотанного шкурами, наигрывающего на курае, так и... хо-хо-хо.

- Получается, не древний башкир первым играл? Кто тогда? Кто? - затряс за плечо деда внук. - Перестань хохотать. Ни капельки не смешно.

- Ленивый ты, не хочешь думать, - успокоившись и вытирая носовым платком со лба пот, сказал дед Юлай.

- Ты сначала хоть немножечко подскажи, чтобы мне лучше думалось, - копируя деда, хитро сощурился Салават.

- Что ж... вот тебе подсказочка - курай - полый, то есть пустой внутри тростник.

- Тоже мне подсказка! - воскликнул рассерженно Салават. - Конечно, он внутри пустой, если бы полный был, то и звуки бы из себя не выпускал.

- Пустой внутри тростник, - повторил дед. - Трубочатое растение. Представь, высокий курай раскачивается на...

- Ветер! - закричал Салават и захлопал в ладоши. - В него первым дудел ветер!

- Уф, - притворно выдохнул дед, - есть, оказывается, немного соображалки в тебе, а я уже расстроиться хотел, что внук мыслить не умеет.

Поощрённый похвалой, Салават, продолжил:

- Ветер дул, дул, а древний башкир услышал и...

Тут дедушка опять громко захохотал.

- Меня смешит сочетание «древний башкир», почему - сам не пойму, - пояснил сквозь смех. - Вообще, имя первого, кто догадался использовать поющий тростник, как духовой инструмент, нигде не значитя. По крайней мере, я не встречал. Но знаю - использовали его первоначально как пастушью дуду.

- А саксофон? Как он получился?

- Саксофон придумал бельгиец по имени Адольф Сакс. Соединение слов «Сакс» и «Фон», то есть «звук от Сакса», и дали название трубе. Этот человек много чего напридумывал для улучшения духовых инструментов, и вот как-то захотел приблизить «голос» трубы к голосу человека, что ему и удалось. И я хочу похвастаться. Идём, поставлю новый диск. Я твой саксофон слушал, теперь ты напевами нашего курая насладись. Почувствуй, как ветер ковылём шуршит; ручки хрустальные, с гор стекая, журчат...

- Эй, музыканты, хватит впустую разговоры вести, - прервала беседу бабушка. - Сходили бы за овражек, луговиков набрали. Там вам и птички споют, и ветер в тростник подудит, и ковыль ноги пошекочет. Ишь... расселись на диване, языками мелят: саксуфон, курай...

БРУСНИЦИН АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ

Под тенью векового кебра

Едва первые лучи весеннего солнца коснулись земли, она, еще скрытая от глаз нетронутым снегом, словно глубоко и облегченно вздохнула, и с этого момента всюду началось небывалое оживление. И вроде до тепла еще предстояло пережить не одну студеную ночь, это было начало новой жизни, бесконечного цикла возрождения природы.

Молодой охотник рода Кат ищ, что «означало человек с высокого берега», как и все вокруг, чувствовал это дыхание и, вдыхая пьянящий, едва уловимый аромат родного края, словно молодая рысь, бесшумно скользил по еще крепкому насту, стараясь до темноты добраться к месту ночевки. Он не боялся леса, не страшился тени его деревьев, но крепко знал, что ночь - это время духов и не стоит тревожить их без надобности. Лес становился скуднее и вскоре вовсе сменился болотом; значит, идти оставалось немного, а вечер быстро скрывал и скрадывал скудный рельеф торфяной топи. Вот вдали, как будто подмигивая, показался огонек, все отчетливее витал в воздухе запах дыма. Охотник сбавил шаг: идти оставалось всего ничего, можно было спокойно предаться старым размышлениям, пока сон и вечерние байки не прервали их спокойной безмятежностью и безудержным смехом. Являясь представителем народа манси, он никак не мог понять, почему многие представители его этноса стыдятся своего происхождения, отчего бегут подальше от жизни их предков. Почему даже собственное имя иногда заставляет

чувствовать себя неуютно? Может, им не хватает смелости принять и представить себя такими, какие они есть? Или их смущает, что в них будут тыкать пальцем, если вдруг они заговорят на родном языке или наденут традиционную одежду? И почему многие из нас стали гостями на родной земле, такими скромными и тактичными, вежливыми и бесконфликтными, постоянно оправдываясь за свое существование, будто оно само по себе уже пренебрежение законами бытия? Неожиданно свет от костра прервал его размышления, откладывая длинную череду вопросов и предположений до следующего раза, оставляя при этом неприятный осадок от первых выводов.

У огня сидели четверо: старый ханты Атей с сыном Чумой, а также двое неизвестных. Один оживленно что-то рассказывал, махая при этом руками так, словно ими он срывал слова с губ и бросал их в собеседников, чтобы они лучше могли его понять. Другой же, напротив, больше молчал, изредка поддерживая беседу короткими фразами. Атей смотрел на огонь, слушая, как молодые сердца вкупе с горячим нравом, пытались убедить друг друга, а порой и его, в правоте своих слов, и улыбался. Ему было далеко за семьдесят, он понимал смысл разговора, знал, что для них это лишь способ скоротать ночь и утром они, скорее всего, и не вспомнят, в чем так оживленно убеждали друг друга, поэтому он многообещающе кивал то в одну, то в другую сторону, не давая угаснуть искрам поиска истины. Его редко звали по имени, для всех он был атя, тятя - отец, наставник, от того седин в его волосах было больше, а времени все меньше, потому как отказать в помощи или совете он никому не мог. Юма, а именно так звали охотника, незаметно для всех, кроме него, подошел к костру, но какое-то время находился в тени деревьев, слушая

разговор, попутно снимая лыжи и снаряжение. И только когда он сел рядом с Атеем, тихо поприветствовав его, и стал греть руки у огня, остальные тоже заметили появление нового собеседника. Чума расплылся в веселой улыбке, такой широкой, что шире самой большой воды, какую он видел в своей жизни, словно почувствовав поддержку родной крови, явно рассчитывая уравнивать шансы, а то и склонить чашу весов в свою пользу. Он мало был похож на отца и скорее, был его противоположностью. Азартный до трофея, взрывной на пустом месте и вялый, словно рыба, когда терпеть уже нельзя, он, тем не менее, никогда не шел против слова старших, в особенности тех, про кого его мудрый, рассудительный и гордый своей жизнью, отец говорил, что их стоит слушать. Обнявшись как братья, молодые люди вновь присели у огня, возобновляя угасший было разговор.

Прежнего огня в глазах и напора, подобного весеннему паводку, уже не наблюдалось, как видно, с осторожностью восприняли появление нового собеседника незнакомцы, а может, насторожило их то, с какой легкостью и как незаметно появился он из темноты, что даже их верные спутники - собаки, не подняли спрятанные в лапах носы.

Разговор медленно затухал. Юма понял из обрывков слов суетливого, что оказывается, на его земле нет хозяина и она принадлежит сильному, богатому, а не тому, кто родился и вырос на ней. Что без всех благ, что принесли его предкам другие народы, здесь уже давно ничего не напоминало бы о существование человека, все поглотила и стерла бы уже вездесущая природа. Он говорил о постоянной борьбе с ней, о том, как его предки покорили и усмирили ее у себя и вот пришли нести свет новой жизни на эти благодатные, но

бесхозные земли. Молчаливый лишь одобрительно кивал, когда его приятель бросал в его сторону вопросительный взгляд: казалось ему все равно, чем закончится разговор и к каким выводам приведет спор. Чума вспыхивал каждый раз, лишь речь заходила о том, что принесла цивилизация в эти потаенные когда-то места, и тут же, начинал перечислять, чего она лишила местные народы. Их перепалка была поверхностной и отражала лишь малую часть происходящих вокруг изменений, оголяла то, что и так было на поверхности, а им, видимо, и не нужна была суть, так, одни только разговоры, про которые завтра никто и не вспомнит. Юма чувствовал, что молчаливый изучает его со стороны, как хищный зверь, что впервые увидел охотника: нет в глазах его страха, но неизвестность нового и природная осторожность, влитая с молоком матери в детстве, мешает сразу броситься навстречу. Вспомнив, как он сам изучал их, подойдя к огню, Юма улыбнулся, и в свете костра его былые, словно мех молодого олененка, зубы сверкнули в ночи, как бывает, когда волк, чуя опасность, не выходит из чаши, а лишь оскалится в темноте и растворится в тени деревьев.

Забытый всеми, Атей глядел со стороны, как двое о чем-то спорят, словно маленькие медвежата, что от неопытности, разыгрались на полянке, не боясь быть пойманными, и как двое других, словно хищник и жертва, столкнувшиеся нос к носу, в замешательстве судорожно изучают друг друга, при этом до первого шага не понять, кто из них жертва, а кто охотник. Много таких вечеров он видел в своей жизни, все они проходили, не оставляя в памяти и следа, но сегодня что-то не давало ему покоя.

Темна и холодна зимняя ночь, но и она проходит. И вот уже первые признаки нового дня потревожили Юму.

Судорожно и нервно трещала где-то вдали неугомонная сорока, видно, потревожил кто. Оглядевшись вокруг, Юма бросил на угли ночного костра остатки дров и бесшумно стал собираться. Не хотелось ему уходить, когда все будут на ногах: придется прощаться, а этого он не любил больше, чем пить холодный чай в морозное утро. Тихо поскрипывая, побежали лыжи по утренней пороше, словно потягиваясь ото сна, бросали вперед еле заметную тень и подбрасывая вверх хлопья снега. Взгляд угрюмого путника Атея, словно следовал по пятам, не давая собраться с мыслями, то и дело, всплывая в памяти. Чуть не упав, наскочив на снежный нанос, Юма остановился. Казалось, мысли упрямо твердили о чем-то нехорошем, словно предупреждая, одновременно толкая его назад, к этому самому неизвестному, опасному. Немного поразмыслив, охотник развернулся и быстрым шагом, насколько это позволяли лыжи, поспешил обратно. Вокруг заметно посветлело, уже четко просматривались контуры деревьев, а на рассветной стороне даже виднелись на макушках первые солнечные лучи.

Вдруг вдали мелькнула тень, затем еще одна, лицо Юмы обдало жаром, сердце напротив стало биться медленнее, монотоннее, движения стали резкими, едва уловимыми, бесшумными, как полет ночной птицы. Костер едва тлел, огня уже не было, вверх поднимался тонкой струйкой, будто сухожильная нить, едкий белый дым. Стоянка была пуста, вещи, лыжи и ружья лежали нетронутыми, лишь следы людей уходили в разные стороны. Следы собак и вовсе тянулись тонкой полоской куда-то вглубь болота, и, судя по тому, как они подстыли, животные ушли раньше, когда люди еще спали. Юма внимательно оглядел все вокруг: на снегу ничего не выдавало того, что же могло произойти, что могло так напугать четверых мужчин, двое из которых выросли в

этом лесу и знали его вдоль и поперек, и почему никто из них не попытался воспользоваться оружием, которое было у всех под рукой. Вопросы без ответов сейчас мало интересовали охотника, он понимал, что нужно скорее найти людей: Атея, Чуму и двух других, ведь без лыж, собак и ружей в тайге они легкая добыча для зверя. Увидев знакомый отпечаток вай, чуть стоптаный к пятке, Юма быстро побежал по следу, прихватив с собой вещи и лыжи Атея. Это был его след.

Стараясь не сбивать темп, охотник торопливо, но без суеты брел по следу старика, вскоре расстояние между шагами стало уменьшаться - первый признак усталости последнего. Юма прибавил шаг, мороз мог быстро сделать свое дело, поэтому медлить было нельзя. И вот, буквально через несколько сотен метров он увидел силуэт старика, тот медленно шел обратно по своему следу. При этом казалось, не соображал, что происходит вокруг, будто неведомая сила влекла его, выматывая и лишая сил. Поэтому только когда Атей буквально уперся в Юму, он заметил, что уже не один. Взгляд его был мутный, словно вода в сору на половодье, руки било мелкой дрожью, губы побелели, то ли от мороза, то ли от внутреннего жара, речь и вовсе словно покинула его. Юма быстро развел костер, вскипятил чай, семь раз обошел с дымом вокруг старика, чтобы очистить его сознания и вновь наполнить гармонией разум. Атей пил чай, не выказывая никаких эмоций, как будто не чувствовал ни вкуса, ни запаха, а кипяток не обжигал язык. Охотник понял, что сейчас добиться чего-то большего от него не получится и нужно искать остальных, тем более время неумолимо уходило прочь. Оставить его здесь просто так он также не мог. Связав верх лыж между собой, Юма воткнул их за спиной Атея, сучьями и лапником соорудил заспинник, который

прикрывал спину и бока старика от ветра, бросил в костер сырых дров, чтобы огонь медленно сушил их, обогревая человека и одновременно продлевая себе существование.

Чтобы не делать крюк, возвращаясь до ночного стана, Юма побежал, легко поднимая лыжи, наускосок, срезая расстояние. Где-то внутри холод обнимал легкие, сжимая их с такой силой, что из глаз выступали слезы, словно он хотел выдавить из них весь воздух; дышать приходилось через силу, от пара ресницы и брови покрылись инеем, а лицо, напротив, сверкало красным багрянцем и пылало жаром. Не сбавляя шага, охотник то и дело бросал взгляд по сторонам в поисках следа, понимая, что это в данный момент важнее тяжести в легких, усталости в ногах, потому как на кону стояла жизнь, и ко всему прочему не одна.

Вдруг в голову ударил отчетливый запах дыма. Значит, кто-то развел огонь, а это уже хороший знак, значит, человек понимает, что с ним и что нужно делать. Идя на дым, Юма вскоре увидел за деревьями силуэт молчаливого, он сидел у костра и не обращал внимание на то, что происходит вокруг, языки пламени то и дело облизывали его руки, иногда касаясь лица, не нанося при этом ему никакого вреда. Волнообразные движения его тела, говорили о том, что сейчас разум человека не имеет власти над ним, а что-то извне подчинило и управляет им. Юма почувствовал, как страх стал постепенно разрастаться внутри его, веля бросить все и бежать без оглядки. Реальность вдруг начала расплываться, руки сами бросили ружье на снег, а ноги готовы были выпрыгнуть из лыж и понести их владельца неизвестно куда, лишь бы скорее. Охотник покачнулся и едва не упав оперся о стоящий рядом кедр, ощутив холод его коры, внутреннюю мощь ствола и корней.

Стало легче, Юма сильнее прижался к дереву, чувствуя, как отступает страх, как возвращаются силы, как все вокруг обретает свои первоначальные черты. Взглянув в сторону костра, он увидел, что силуэт угрюмого стал темнее и больше, движения быстрее и резче, будто что-то внутри его заметило присутствие постороннего и пыталось запутать и его мысли. Юма сильнее обнял кедр, в памяти всплыли моменты из детства, когда они толпой лазили на деревья за шишками, как строили их ветвях домики, как приходили к ним в моменты грусти и радости. От воспоминаний на душе стало тепло и спокойно, а кедр зашумел всей своей кроной так, что его шум эхом отозвался по округе. С веток слетел снег и, закружившись вихрем, устремился к месту, где мгновение назад сидел человек, а сейчас мелькало что-то темное и бесформенное, как у стоянки, когда Юма возвращался обратно. Белое, смешавшись с тьмой, как будто бы исчезло, но вновь и вновь кружась, сверкало льдинками в лучах зимнего солнца. Охотник, сняв лыжи, поднял ружье и медленно пополз к огню; чем ближе он приближался, тем отчетливее у костра прорисовывалась фигура человека, над которой было ее темное и бесформенное подобие. Кедр уже не шумел, а словно выл, его ветви неустово качались, издавая при этом чудовишный треск, который резал слух и громом отзывался в голове. Юма скрепя зубами от напряжения, до крови кусая губы, подползал к угрюмому; тот, казалось, вот-вот бросится в огонь, увлекая за собой всех и каждого.

Что-то неведомое давило на охотника, все ниже и ниже прижимая его к земле, будто опасаясь того, что он может сделать или чему может помешать. *Стреляй... Убей... Уууубей...* эхом доносилось до Юмы, все естество его вторило этому, руки инстинктивно сжимали ружье, лаская пальцами холодный металл спуско-

вого курка. Но охотник понимал, что человек здесь ни при чем, он лишь сосуд, который заполнил собой злой дух в попытке то ли выбраться в наш мир, то ли просто утолить свою потребность в страданиях и мучениях людей. И вот Юма подкрался так близко, что уже ощущал тепло от костра и видел чернеющую пустоту в глазах угрюмого; тот же в свою очередь был больше занят борьбой с природной силой кедра, силой этой земли, которая издревле хранила народы, населяющие ее. Собравшись с силами, преодолевая гнет, вдавливающий его в снег, охотник поднялся и резким коротким движением ударил угрюмого прикладом по голове - рухнув в снег, тот еще какое-то время ворочался в сугробе, то и дело, поднимая грудь вверх, выворачивая при этом руки назад, словно кто-то изнутри вырывался наружу. Юма, отпрыгнув от огня, оказался в тени, судя по стволу, векового кедра, даже не прикасаясь к нему, почувствовал легкость и спокойствие, как будто за спиной отец, а рядом мама, которые всегда поддерживают и помогут.

Внезапно все затихло, лишь неторопливо опускался с высоты снег, что некогда вихрем носился над костром, то ли пытаясь потушить его, то ли наоборот, раздуть. Юма огляделся вокруг: чуть поодаль, в низине, спина к спине сидели Чума и суетливый; сознание, кажется, начинало к ним возвращаться, но до конца они так и не могли понять, как они тут оказались и почему. Молчаливый без сознания лежал в стороне, лишь едва заметное движение живота выдавало его дыхание. «Значит, жив», - облегченно подумал охотник, не хотелось вот так оказаться причиной чьей-то гибели, даже если этот человек тебе не совсем нравится. Чтобы исключить дальнейшие неприятности, Юма снял с пояса кожаный шнурок и, связав руки угрюмого, поспешил

помогать Чуме с приятелем. Они молча озирались по сторонам, суетливый и вовсе с недоверием стал смотреть на охотника, особенно когда увидел связанного товарища. Скрепив лыжи между собой, охотники положили на них молчаливого и выдвинулись к стану, где ночевали прошлой ночью. По пути никто не обронил ни слова, Юма все думал, как там Атей, и поэтому старался идти быстрее, а Чума и суетливый пытались вспомнить, что же такого могло произойти, что они оказались в лесу без всего, а одного из них еще и везут связанного. Мысли путались, каждый думал о своем, не решаясь спросить у другого. Будто бы тревожный сон обуял всех разом и выбросил из реальности в пустоту тревог и сомнений. Раз за разом обходя деревья, Юма осторожно прикасался к ним рукой в надежде вновь ощутить поддержку, снова почувствовать тот небывалый приток силы духа, что совсем недавно открыл в нем новые, ранее скрытые возможности. Незаметно охотники добрались до стана; к радости Юмы, Атей был уже здесь, лицо его посветлело, но усталые, наполненные печалью глаза выдавали напряженность прошедшего дня. На огне шипел чайник, рядом, с виноватым видом, крутились собаки, словно пытаясь своей лаской загладить неожиданный побег. Никто не сказал ни слова, все молча перебирали свои вещи, вынимая припасы. Солнце неуклонно катилось за горизонт. Смеркалось.

Угрюмый стал приходить в себя, собаки ошетились, поджав хвосты, сбились в кучу, уже не реагируя на голос хозяев. Резко стало темно, как если бы ночь наступала в одно мгновение. Открыв глаза, не имея возможности подняться, он бросил взгляд в сторону, где были остальные, и они разом повалились на землю, как скошенная под корень молодая трава. Юма почувствовал, как темная пелена заволакивает его рассудок, как

веки упрямо сползают вниз, погружая сознание в непроглядную тьму...

Что-то теплое и мягкое коснулось лица, охотник осторожно открыл глаза - перед ним нависала пестрая морда молодой лайки Чумы. Оглядевшись вокруг, Юма понял, что все пережитое им было во сне, только туман перед глазами и напряжение мышцы словно говорили об обратном. Атей мирно спал чуть поодаль, молчаливый, отвернувшись в сторону леса, также не проявляя признаков пробуждения, суетливый и вовсе, зарывшись в одежду, скрылся из виду. Только Чума изредка ворочался, создавая живую суету в этом сонном царстве. Вдруг лайка оживилась, устремила взгляд куда-то в темноту леса, следом за ней встрепенулись и остальные собаки. Юма схватил ружье, приподнялся немного и стал ждать. Там, во мгле, кто-то также оценивал обстановку, терпеливо наблюдая за происходящим, и лишь блеск холодных глаз выдали его присутствие. Волк. *Шай*¹. Один ли? Мысли одна за другой побежали в голове охотника. Огонь костра бледно отражался на фоне белого снега. Решится ли или все-таки уйдет? Собаки хотели было броситься в его сторону, но замерли в смятении рядом с хозяевами, видно, считая, что защитить важнее, чем добыть, поэтому лишь оскалились во тьму и ждали. До слуха Юмы донесся шорох прыжка и свист полета. Черное, от ночи, гибкое, словно черемуховый прут, тело зверя, грациозно спускалось с высоты на спящего у самого края стана угрюмого. Еще мгновение - и челюсти сомкнулись на шее беспомощной жертвы. Юма вскинул ружье и выстрелил на опережение - издав резкий рык, шаш повалился, увлекаемый силой движения пули, за голову угрюмого. Звук выстрела разбудил, спящих охотников, схватив рядом лежащие ружья, они инстинктив-

1 Волк - манс., кондинский (восточный) диалект.

но озирались по сторонам, и только Юма, поднявшись, пошел к туше хищника. Пуля, пробив грудную клетку и легкие, прошла навывлет, поэтому зверь еще судорожно бросал взгляд в сторону охотника, который все ближе подходил к нему. Достав нож, охотник, прижав голову волка к снегу, резким ударом в сердце прекратил его страдания. Негоже животному мучиться. Взглянув на угрюмого, потом снова на волка, Юма осознал что, зверя ему жаль больше, потому как его смерть напрасна, не было надобности в его добыче. Но сделав выбор в момент выстрела, охотник принял его, успокаивая себя тем, что *шаш* тоже сам решился на этот шаг, поэтому осознавал его цену. Крупный, до полутора метров в длину и около 70 килограммов в весе, волк мог бы стать хорошим трофеем, если бы охота была для Юмы развлечением, а не частью его внутреннего мира, а сейчас охотник испытывал жалость. Не потому что такой красивый, сильный зверь нашел свою погибель, а от того, что она пришла к нему вот так. Во взгляде угрюмого читалось все: от страха до удивления, от благодарности до сомнения, казалось, он вот-вот бросится обнимать и благодарить Юму за спасение, но что-то держало его на месте в оцепенении. Внимательно осмотрев зверя, охотники похлопали Юму по плечу, благодаря за чуткий сон, за меткий выстрел, а молчаливый, наконец, пришел в себя, кивнул в знак признательности в его сторону.

Потом у костра, дождавшись рассвета, охотники решили, что нужно вернуться в селение, так как что-то явно было против их присутствия здесь. Юма простившись с земляками и новыми знакомыми, пошел другим путем, потому как не давали ему покоя недосказанность сна и тайные знаки таинственной силы, что вела его за собой с самого рождения. Тушу зверя он отдал угрю-

мому, так как, судя по всему, их судьбы были связаны и встретившись однажды, они уже не должны расходиться. Убегая все дальше от стоянки, охотник погружался в размышления о произошедшем, о его роли в этой истории, о месте каждого в этом мире. К вечеру он добрался до гривы, где в детстве прятался и играл в кроне могучих кедров и стройных сосен, где рядом с вековым кедром, раздвоенным молнией пополам, росло его дерево, которое, когда-то давно, он спас, скрыв от палящего солнца, вымытые дождем корни. И как долгое время после этого, он наблюдал, как оно растет и все выше устремляется вверх, к небесам.

Небо рассыпало искрами костра, далекие звезды, вытаскило из леса луну, осветило ее холодным светом высокие кроны деревьев и, тихо приветствуя ночь, скрылось в ее темном одеянии. Юма, сидя у огня, заметил, что вновь находится в тени векового кедра; невольно улыбнувшись, он осознал, что пока растут и шумят кедры, пока журчат по весне ручьи, пока человек его рода думает об этом и этим живет, его народ не исчезнет. Его народ будет жить...

ГОРДИЕНКО ПОЛИНА ВИКТОРОВНА

Танг и Учара

Танг проснулся совсем недавно и теперь стоит на пороге своего бревенчатого домика - аила. В аиле нет окон, лишь отверстие в крыше над очагом - через него видно небо.

Близится рассвет. Танг любит смотреть, как тьма колеблется и оглядывается назад, надеясь, что не придется уходить. Но солнце взойдет, и даже от сумрака не останется следа. А пока у самых ног Танга колышутся спящие облака, озаряемые светом звезд.

Здесь, на самой вершине горы Урзун, только и есть место, что для маленького аила Танга. Ни деревья, ни кустарник - ничто, кроме мха и редкой травы, не растет на такой высоте. Скоро придет весна, и мелкие сиреневые цветы ковром обступят приземистую юрту, вросшую в скалу. «Когда они расцветут, - думает Танг, - Учара вплетет их в свои длинные темные косы и станет похожа на духа горы».

Танг запахивает меховую куртку и обходит вокруг дома. Несколько шагов - и вот уже обрыв. Дальше стелется лишь седая Борода Урзуна - так называют облака, что всегда опутывают вершину, скрывая аил от посторонних глаз. Справа склон более пологий. Раз в семь дней спускается Танг по еле заметной тропе на дно туманного моря, заполняющего седловину, для встречи с братом. Это единственная связь верхожителей с остальным миром. Вчера брат не только принес овес, пшеницу и дрова, но и поведал о бледных большеглазых чужеземцах. «Что скажет Учара, не испугается ли?»

Танг делает небольшой прыжок и идет по знакомой

дороге, мягко ступая на гладкие головы. Каждое движение Танга вторит его дыханию: вдох - темя длиннородого старца позади, выдох - темя улыбчивой старухи. Танг знает каждого из них наизусть. Морщинистые лица четко выступают на каменных столбах. Как кочки торчат макушки предков, уходя основаниями в седловину. Путь ведет вперед, к соседней скале. Плечи Урзуна - так называют двойную вершину, где живут верхожители.

Год за годом, месяц за месяцем, неделю за неделей, Танг каждый день перед рассветом идет к дому Учары по головам каменных изваяний. Он должен быть рядом, чтобы вместе встретить восход.

Последняя макушка - и Танг достиг берега. Скромный аул Учары почти такой же, как и у него, только входом обращен на восток. Рядом размещается загон для овец и коз. Животные еще спят. Дверь открыта, Учара ждет.

Танг садится на шерстяную кошму прямо напротив входа. Девушка стоит на коленях сзади в длинной овечьей шубе, берет в руки гребень и начинает расчесывать длинные волосы Танга, прядь за прядью, осторожно перебирая их своими тонкими пальцами.

Гаснущие звезды, холодные облака, сама тьма в торжественном молчании ждет Учару.

Пора.

Танг никогда не может поймать начало песни. Она сплетается из нитей тишины, складывается из еле заметных звуков: сердцебиения, скрипа бревен, трения камней. Мелодия рождается в груди Учары, трепещет в горле и выпархивает жаворонком навстречу ветрам. Ее песня одновременно радостная и грустная, веселая и серьезная. Чем громче звучит голос, тем светлее становится небо на востоке. Нежные трели горным потоком изливаются на вершину Урзуна, бегут по розовым

и сиреневым облакам. Когда песня вступает в полную силу, из-за горизонта выплывает Солнце. Золотые лучи тянутся, чтобы обнять весь мир и напоить его теплом. Тогда голос Учары незаметно умолкает, растворяясь в ярком небесном огне.

«Нет ничего прекрасней песни Учары. Только мне и Солнцу дано насладиться этой радостью!»

Так они и встречаются рассвет: Танг, Учара и Солнце. И так было всегда со всеми предыдущими верхожителями с тех самых пор, как поссорились Боги-братья. Ульгэнь начал создавать человека, положив синий цветок ветреника в золотую чашу, а старший его брат Эрлик похитил цветок и закончил человека по-своему. Тогда пришлось уйти Эрлику править в нижний загробный мир. Ульгэнь же поднялся к золотым небесам и заключил с людьми договор. Пока они будут радовать Бога, исполняя прекрасную песню на вершине горы каждое утро, тот будет посылать Солнце на землю. Так и повелось у горных племен избирать Учару-певунью и Танга-защитника, чтобы мир озарялся светом.

Солнце встало, теперь Учара готовит завтрак на очаге в самом центре аула, а Танг наблюдает за ее движениями. Каждый шаг девушки, поворот головы или взмах руки наполнены смыслом и грацией, словно она совершает торжественный обряд.

«Что происходит сейчас там, у подножия горы? Решат ли старейшины присоединиться к чужеземцам?» - мучают вопросы Танга, и он делится мыслями:

- Учара, наш народ с самых первых времен служит Ульгэню. Нет дела важнее. Но что, если придут большеглазые люди с равнин? Их страшное оружие извергает огонь и гром. Они смогут защитить горные племена от кровожадных кочевников с востока, и тогда деревня за деревней присоединится к чужеземцам. Но большеглазые

не чтут наших духов, не знают о Богах-братьях. Чужестранцы станут рубить наши священные леса, пить нашу чистую воду. Не отвернется ли Ульгэнь от своего народа? Не перестанет ли посылать Солнце?

Танг сжимает пальцы, поднимает глаза и пристально смотрит на Учару. Та медленно помешивает кашу в котле, а глаза ее смеются, задорно прыгают уголки губ:

- Что Ульгэню до них? Они давно отреклись от своих духов! Но пока Учара поет свою песню, а Танг помогает ей, договор с Богом останется в силе, что бы ни происходило у подножья горы!

Звонкие и уверенные слова девушки смахивают тревогу с сердца Танга, и тот опять свободно вдыхает морозный воздух.

* * *

Сегодня Танг проснулся в небывалом волнении, он быстро покидает аул и сразу же устремляется к головам, лишь мельком бросая взгляд во тьму.

Вчера брат не только передал ячмень и орехи, но и поведал о смерти кама и новом большезлазом проповеднике. Рассказ не дает Тангу покоя, путает мысли и заставляет сердце биться чаще.

Голые ступни Танга лишь на миг касаются лысых каменных изваяний и тут же летят дальше. Танг никогда не отступает, слишком хорошо его учили и тренировали внизу на земле, слишком важно ему быть с Учарой. Вот под ним мудрый старик, теперь хмурая старушка. «Когда-нибудь и мы примкнем к кургану верхожителей. После смерти наши остывшие тела опустят на дно седловины, между Плеч Урзуна. А лица высекут на пустующих каменных столбах. И тогда следующий Танг будет бежать по головам к своей Учаре. Бежать по нашим головам. А мы навсегда поселимся за черным

озером в царстве мертвых. Возможно ли избежать власти Эрлика? Верить ли большеглазым?»

Последняя голова пройдена, и камешки на вершине щекочут пятки Танга.

Повинуясь голосу певуны, взошло Светлило. Ночь повержена. Учара садится напротив и плавным жестом, словно течение реки, передает деревянную миску с талканом. Танг кивает с благодарностью и решается спросить:

- Что бы мы ни делали, как бы ни служили людям и Богу, все равно смерть уведет нас в подземный мир. Но чужеземцы верят в другое. Их проповедники толкуют, что Эрлик - лишь одно из созданий великого Ульгэня. И чтобы спасти людей от пребывания в вечной тьме, Бог послал Сына своего на землю. И Сын научил людей, как правильно поклоняться и служить Отцу, чтобы избавиться от власти Эрлика и подняться в верхний мир! Что если проповедники правы? Что если вера в Сына дарует нам избавление? Если кам умрет, а следующий шаман принесет клятвы новой вере, должны ли и мы пойти за ним?

На этот раз Учара не смеется, лишь слегка улыбается. Она кладет ладонь на руку Танга и глаза ее наполняются мудростью предков:

- Разум чужеземцев затуманен, от их взора скрыты духи природы. Они верят лишь в людей и слова. Разве могут им открыться тайны, которые не ведомы нам? А если Ульгэнь и забирает людей в свой верхний мир на Золотую Гору, то кого возвышает он первыми? Конечно, горный народ, Танга и Учару, что с начала времен служат ему и поют песню! Что бы ни было после смерти, дело верхожителей самое важное, нам не нужна вера в Сына.

Танг чувствует тепло от ладони и дыхания Учары,

оно обволакивает и успокаивает. Все, что происходит внизу, не может затронуть жизни на вершине.

* * *

Танг всю ночь не смыкал глаз, птица снов не коснулась его сегодня. Теперь он стоит на пороге аила и сжимает в ладони комус - небольшую металлическую дугу, похожую на морду лисицы с тонким язычком на конце. Когда-то в детстве Учара вкладывала комус в рот, ударяла по язычку пальцами, рождала глубокие вибрирующие звуки. Воздух словно наполнялся голосами предков. Но на горе не должно быть никаких других мелодий, кроме песни Солнцу.

Вчера брат не только принес рожь, дрова и мед, но и передал старый комус Учары. Он поведал, что деревня переселяется к реке, к богатым пастбищам в долине. Больше никто не придет к верхожителям, никому на земле не нужен древний договор.

Молодая трава с трудом прорастает в каменных морщинах Урзуна, но там, внизу, весна уже давно расцвела и ждет Танга с Учарой.

Танг подходит к обрыву. Сегодня он последний раз пройдет по головам, отдаст комус Учаре, и они покинут гору навсегда.

Танг не помнит, как преодолел пропасть. Он не слышит песни и не следит за восходом. Учара расчесывает его волосы, а его мысли уносятся к земле: «Там мы сможем стать мужем и женой. И тогда мне не придется уходить и снова возвращаться по головам, чтобы увидеть ее. Она станет заплетать две толстые косы и носить поверх шубы чегедек - длинную безрукавку, сшитую для свадьбы. Она будет играть на комусе колыбельную нашим детям. Сколько прекрасных лет жизни ждет нас!»

- Учара, - заговаривает Танг, лишь песня смолкла, - действительно ли мы нужны здесь? А если племена Урзуна уже не смогут посылать верхожителей? Большеглазые чужеземцы говорят, что Светило сияет всегда. Оно висит на одном месте, а наша Земля держит путь вокруг. Повернется к теплу то одним боком, то другим. И так происходило еще до того, как наш народ избрал верхожителей, тысячи тысяч лет назад! Стоит ли нам тратить свои годы на вершине, упуская земные радости? Что если нет никакого договора с Ульгэном?! Ты действительно веришь, что если не запоешь завтра, то Солнце не встанет?

Танг замолкает, думая, что напугал девушку. Певунья садится рядом, ее овечья шуба шекочет голые ступни Танга. Золотые лучи играют в ее волосах. Учара задумчиво и серьезно смотрит на облака, а потом говорить:

- Когда-нибудь исчезнут верхожители. Никто не споет главную песню. Но Светило будет продолжать обогревать людей.

Танг удивленно поворачивается к девушке. Та дотрагивается до его рукава и смотрит, словно в глубь веков:

- Старый Танг, что сидел здесь до тебя, рассказал мне о будущем и о том, чему нас никогда не учили на земле. Уже давно верхожители заключили новый договор. Каждая Учара поет не только по утрам, но и днем, когда возится с очагом и починяет одежду, и вечерами, когда смотрит на закат. Мы можем петь впрок за все будущие дни, что останутся без нашего голоса. И Ульгэнь будет доволен! Даже если Светило никуда не уходит и продолжает стоять на месте, не благодаря ли нашим песням это происходит? Даже если мы последние верхожители, я буду до самого конца петь, как можно больше. И тогда Солнце еще многие тысячи лет будет радовать людей!

Улыбка играет на лице Учары, ветер ласкает ее темные волосы. Глаза девушки наполнены счастьем.

День разгорается, Танг легкой поступью возвращается привычной дорогой, по головам. Шаг, еще шаг, гладкие седины предков блестят на Солнце. Язычок кому-са впивается в ладонь. Сердце трепещет от радости и волнения.

Танг отталкивается от последней макушки и мягко приземляется на свою вершину.

«Пусть Боги и Солнце не знают и не слышат нас! Пусть мы заблуждаемся! Но Учара прекраснее всех на свете, ее душа светла и чиста. Если что-то и может обогреть мир, то это ее песня. И я буду с ней до конца. Я буду сам спускаться в долину и приносить все, что нужно. Я буду служить ей, пока она дышит, пока не настанет время отнести ее в седловину к другим верхожителям. Тогда я пройду свой последний путь по головам, и Учара последний раз расчешет мне волосы. Что может быть лучше этого?»

Танг разжимает ладонь и металлическая дуга, блеснув в утренних лучах, беззвучно исчезает в облачном море у самого края скалы.

ИОХВИДОВИЧ ИННА ГРИГОРЬЕВНА

От Белгорода до Харькова

И был вечер...

Новый год. Сидевшая за «праздничным» столом, Мария Яковлевна всё вспоминала да вспоминала... Соседи по «дому, для пожилых», уже спали, для них немцев католиков и протестантов, главный праздник произошёл 25 декабря - Рождество. 31 декабря ночное небо над городом полыхало большим фейерверком, да и то, не в их, «пенсионерском», районе. И становилось ей, то грустно, а то, будто теплело внутри, и хотелось плакать, но уже не от горести или отчаянья, а какими-то облегчающими слезами... «Вот уж, и вправду «печаль моя светла», - вытирала она глаза не уголочком носового платка, как прежде, а бумажной салфеткой, Тетро“, (по-здешнему). Слёзы бежали неудержимо, и вот она уже сморкалась в салфетку, издавая трубные звуки, и посмеивалась сама над собою. Ведь в её жизни, раздумывала она, много всякого уместилось. Да, наверное, как и у многих, но, подкорректировала она себя, нет, не как у многих. Ведь она Маша, Мария Яковлевна Цадкина, родилась полукровкой...

Малолетней, ничего не понимавшей крохой очутилась Маша, с матерью, тоже Марией, на оккупированной гитлеровцами территории. Отец - Яков Ефимович Цадкин был в Красной Армии. Маша-маленькая сама ничего не помнила о том времени, это потом она узнала обо всём из рассказов матери. Может быть, и не довелось выжить девочке - еврейке по отцу, если бы не мать - Мария Ивановна Миронova. Та была гинекологом,

а помощь женщинам была нужна всегда. Война не отменила ни родов, ни абортот, ни воспалений придатков, ни бесплодия, ни... Потому и спаслись мать с дочерью.

Потом Маша-маленькая только содрогалась, когда мать заводила разговоры об оккупации. Да, как-то, ей, уже взрослой, подвернулась, в книге И.Эренбурга «Люди, годы, жизнь», одна история. О женщине-еврейке, тоже с дочерью, тоже гинекологе, на Украине, фашистами захваченной. Эту женщину с дочерью, как и когда-то и их с матерью, прятали женщины. Но ту женщину - врача-гинеколога пациентки уговорили принять роды у жены старосты, смерть угрожала и роженице, и ребёнку. Врач, колеблясь, согласилась. Спасла и мать, и дитя. Староста же выдал её эсесовцам. Местные женщины, что были обязаны ей своим здоровьем и здоровьем своих детей, а многие и жизнью, решили спасти хотя бы малолетнюю дочку своей благодетельницы. Женщина-врач поначалу было согласилась на это, но подумав, отказалась, сказав, что «лучше пусть погибнет со мною, чем жить с вами!» Маша-маленькая была потрясена схожестью и, одновременно, несхожестью их судеб. Матери она не рассказала ничего, только в том, как прижималась к ней, было столько благодарной нежности, что, Маша большая удивлённо приподнимала брови, словно спрашивала: «Что случилось?»

Отец - Яков Ефимович Цадкин - артиллерист на фронте, на гражданке был, как позже и его дочь - учителем русского языка и литературы. Семья представлялась типичной, как для разночинной интеллигенции царской России, так и для новой советской интеллигенции - учитель и врач.

Для Якова Ефимовича русский язык, а тем паче - русская литература были самой наиглавнейшей жизненной ценностью. Бывало, говорил он своей жене: «Ты ж

мне поначалу понравилась тем, что была полной тёзкой Машеньке Мироновой - «Капитанской дочке». Она - моя любимая героиня, а ты моя - Машенька!» О себе он говорил: «Я состою п р у русской литературе!» Был он добродушен и никогда не обижался на школьные, подчас и не невинные, шалости. «Не ведают, что творят», - махал он рукой. У него, как и у многих советских интеллигентов, были, и не единожды, неприятности с менявшей время от времени своё название, организацией, которую по-народному называли: Органы.

Всё началось с 1948 года во время компании по «разгрому» группы театральных критиков.

Его вызвали в кабинет директора школы, где сидел, не запомнившийся, Некто (по выражению директора). Якова Ефимовича спрашивали, а ему, хоть и не хотелось, но приходилось отвечать. Его поразила длительность и догошность беседы, что больше походила на допрос! Некто спросил, словно они находились в зале суда.

- Назовите вашу фамилию, имя, отчество, дату и место рождения!

- Разве вы не знаете?

- Отвечайте, когда вас спрашивают!

- Цадкин Яков Ефимович, уроженец Витебска, 1910 года рождения

- Вот вас характеризуют, как человека преданного русскому языку и литературе. Но ваша фамилия - Цадкин, странная, надо сказать, фамилия?!

- Почему же, в Витебске были ещё Цадкины. Скульптор - Осип Цадкин, мой земляк.

- Но вы же, - перебил его Некто, - простите за выражение - е в р е й!

- Конечно, - я русский еврей! И ещё, в этом словосочетании неизвестно, что более важно - существительное е в р е й, или прилагательное - р у с с к и й!

Тому нечем было возразить.

После войны семья Цадкиных-Мироновых продолжала проживать в Белгороде.

Правда неувязка вышла с паспортом у Маши-маленькой. Мать решительно настояла, чтобы в графе «национальность» стояло: «русская». Она была неумолима: «Яша, ты не знаешь, чего я в оккупацию натерпелась! Как нам пришлось! Чудом выжили!» После этого муж виновато притих. Но когда речь зашла и о перемене фамилии тут уж воспротивилась Маша-маленькая. Она заявила: «Это моя фамилия, я к ней и привыкла, и не хочу другой!» Она говорила это искренне, потому что хотела поддержать отца, который казался ей «без вины виноватым».

В 1957 году пришла пора Маше-маленькой в институт поступать. И Маша решила ехать в Харьков, поступать на филфак университета, по отцовской стезе пойти.

Харьков - большой студенческий, а в то лето Московского Международного фестиваля молодёжи и студентов особенно праздничный город, поразил Машу, особенно после провинциального Белгорода.

В приёмной комиссии университета, седая женщина, сначала посмотрела её заявление и аттестат зрелости. Потом взяла паспорт, и тихо, склонив голову и не глядя в глаза, произнесла: «Деточка! Не каждый в твой паспорт смотреть будем! Кто ты, да что ты! Несу-ка ты документы в пединститут». Маша почему-то сразу поверила ей, но всё равно попыталась что-то выяснить. Женщина молча, показала ей ручкой на фамилию. Маша с горечью пошутила: «Моя фамилия, наверное, зашифрованная!» Она посмотрела в лицо этой странной женщины, а та, словно зная о чём-то, известном им двоим, прикрыла веки.

Документы Маша подала в пединститут. Но и там с нею тоже история, почти удивительная, приключилась.

Экзамены Маша сдала один на «хорошо», и два на «отлично», оценки по последнему, по сочинению, не объявлялись, вывешивался только список написавших на «неуд». Среди двоечников не обнаружив своей фамилии, Маша успокоилась. Ведь, если бы даже у неё была «тройка», а такого быть просто не могло, то у неё уже был проходной балл. Она и родителям в Белгород позвонила, мол, всё хорошо, должна быть зачислена. Счастливая, она почувствовала себя студенткой!

Но в списке студентов-первокурсников её не оказалось?! Она снова и снова перечитывала список, авось не соблюли алфавит, или где-то пропустили... В который уже раз пробегала она глазами лист. И вдруг заметила какое-то, показавшееся ей знакомым имя - Виктория Попова. Где она уже видела его? Чтобы отвлечься от собственной беды Машенька зачем-то пыталась припомнить что-то про неизвестную ей Вику Попову. И вспомнила! Эти фамилия и имя, стояли в списке написавших сочинение на «двойку»?! Как это? Почему это? Ответа не было...

Дома несколько дней она не могла разговаривать ни с отцом, ни с матерью, как приступала к рассказу, так начинал предательски дрожать подбородок и она заливалась слезами. Но пришлось всё-таки рассказать обескураженным родителям про всё, и про Викторию Попову, неизвестно, как попавшую в списки, тоже. Отец рвался ехать в Харьков, скандалить с приёмной комиссией. Но решено было, что поедет мать вместе с Машей.

Маша-старшая, Марья Ивановна Миронова, как и её полная тёзка - «Капитанская дочка», обратившаяся к самой императрице, пошла напрямик к ректору. И, к радости Маши-маленькой, дело было улажено. Так Мария

Яковлевна Цадкина стала студенткой-филологичкой.

Вскоре и Машины родители, обменяв белгородскую квартиру, переехали на жительство в Харьков.

На третьем курсе Маша вышла замуж за Мишу, тоже студента пединститута, только учился он на физмате. Миша был родом из соседней Полтавы, и родители его говорили на украинском языке, «на мові».

«Вот сейчас у нас настоящая интернациональная семья», - говорил Яков Ефимович, радуясь счастьем дочери.

Получив дипломы, и Маша с Мишей начали в школе работать, она - словесницей, он - физиком. Жили обе семьи, и пожилых, и молодых в одной квартире, да и не просто в ладу между собою, а даже как-то весело. Всё им было хорошо, а то, что у молодых детей не было, так Яков Ефимович утешал дочку с зятем, «Мишмаша», как он их прозвал: «Видно в школу вы для того и посланы, чтобы других детей учить».

Но вот и «перестройке» конец пришёл, и в один, совсем и не прекрасный день все они, и «МишМаш», и Мария Миронова и старый Цадкин вдруг стали гражданами независимой Украины. Они этого как-то бы и не заметили, если бы не началась тотальная «украинизация», а школа это ощутила первой. К счастью, старый Цадкин был уже на пенсии, он бы первый этого не смог бы перенести.

Даже в школах с преподаванием на русском языке, резко сократили количество часов преподавания русского и литературы, что тут же сказалось на Машинной нагрузке, и естественно, на зарплате. Мишину же школу сделали с преподаванием на украинском языке, и ему пришлось физику преподавать на «мові». Он, прекрасно знающий рідну мову, возмушался: «Ты понимаешь, - говорил он жене,- это прекрасный певучий язык. Я люблю говорить на нём, петь песни, наконец, думать. Но не

выработано было на нём специальной лексики, достойной предмета терминологии, чтобы преподавать физику. Надо всё сначала выработать, а потом уже преподавать» Маша отмалчивалась. Ей самой было всё сложнее на любимой работе, а кроме того, переживала она за внезапно притихшего отца.

Со старым же Цадкиным произошёл случай (наверное, несчастный случай!?)

Как-то он увидел на стене дома, неподалёку плакат, на котором было написано печатными буквами: «Любить Рідну мову!». И остановился, словно о чём-то раздумывал. Рядом с ним, неведомо откуда очутился мужчина, тоже пожилой, с «опереточными» (на взгляд Якова Ефимовича) вислыми усами. Он-то и завёл разговор. Речь его Яков Ефимович охарактеризовал для себя, его речь, как суржик.

- Чого ж вы дивитесь, що досі прочитати не можете?

- Почему, - ответил Яков Ефимович, - просто раздумываю.

- Чо-о-го? - недоумённо протянул тот.

- Странный призыв - любить родной язык. Это ведь, само собой разумеется. Ты говоришь на нём, значит любишь.

- Эге, ж! Вы оце як були провідниками русифікації, такі й зараз!

- Что вы имеете в виду,- осторожно, предчувствуя подвох, спросил Цадкин.

- Нічого незвичайного, вы ж імперські лакеї, тому ж російську, москальську лайку розповсюджуєте!

Цадкин чуть не задохнулся, когда услышал, как его любимый, почти священный, язык обозвали «бранным», «языком оскорблений»...

- Да как у вас только язык поворачивается такое говорить, - только и смог вымолвить он.

- А що такого, вы євреї, хоч, треба казаты - жидаы, вы усі за москальську лайку, за мову мата. Та ваша хвалена русская литература - дура, - сплюнул тот, - гидко казаты, ця литература створена інородиями, від арапа Пушкина та шотландия Лерма, Лермонтова, до німця Блока та німкені Цветаевой, та жидів Пастернака з Мандельштамом, вот вам це все...

Он говорил что-то ещё, но Цадкин уже физически не смог услышать его...

Домой его привели какие-то люди, тшетно пытавшиеся вызвать по телефону-автомату «Скорую» (стариков в «незалежній» уже не приезжали спасать).

На следующий день обнаружил Цадкин в нагрудном кармане своего пиджака листовку. На ней был избражён ослабившийся, с наполовину выбитыми зубами, пьяный мужик в кепке. Над его изображением было написано: «Пам'ятай! В Рассеі матом не ругаються... На ньом там разАваривають. Матюки перетворюють Тебе в Москаля». В ужасе он показал листовку только дочери.

Боже! - пробормотала Маша-маленькая, - в третьем рейхе так карикатурно рисовали євреев!

После того случая Яков Ефимович из дому больше не выходил. Только уговорил жену на отъезд. Она стала хлопотать о переезде на постоянное место жительства в Россию, в Белгороде ещё жили её родственники.

Целыми днями старый Цадкин был погружён в горестные раздумья о неправильности когда-то сделанного им шага - переезда из Белгорода в Харьков.

- Но кто ж мог знать, что развалится СССР! Это ж и воспалённом мозгу не уместилось бы - иногда он шептал себе.

Угас он.

- Преставился, - говорила его вдова. Она также, тихо, сошла в могилу вслед за ним. Сердечники, не смогли они к новой жизни приспособиться.

Остались Миша с Машей, «МишМаш», по-отцовски, одни. Миша преподавал на мові да часто в объяснениях сбивался на русский. Ежедневно нервничал, доказывая начальству, что украинский, пока что не язык науки. И, конечно же, ему начальство ставило «на вид», что он хоть и украинец, но не «широкий», т.е. «не національно свідомый» да и жена у него, мало того, что «украинка єврейсько-російського походження (происхождения)» так ещё и преподаёт русский язык и литературу. Хоть к тому времени, из-за почти полного «изгнания» русского из программы, Маша работала педагогом в «группе продлённого дня».

«Оранжевая революция» ужесточила гонения на русский язык.

- Какое счастье, что папа до этого не дожил, - подумала Маша, когда услышала о запрете для учителей говорить и на перемене на русском.

Правда, для Миши это оказалось роковым. У него случился, (он тоже оказался сердечником), обширный инфаркт. В какой-то момент он даже потерял сознание. Но, когда очнулся, то первые его слова были: «Уезжать нужно, необходимо». Маша невесело пошутила: «Двое евреев разговаривают, подходит третий и говорит: «Не знаю о чем тут у вас разговор, но ехать надо».

И начались Машины мытарства, из одной чиновничьей двери да в другую, подношения, подарки, взятки во всех присутственных местах...

За полгода до отъезда у Миши случился второй, доконавший его, инфаркт. Из «МишМаша» осталась одна Маша.

Уехавшая Маша, одиноко жила и здесь, в Германии. Этот переезд, наверняка, был последней в её жизни нелепостью, считала она.

Это ж надо было только додуматься, укоряла она себя: уроженка России, отец - еврей, мать - русская, гражданка Украины, проживает в Федеративной республике Германия.

Что, неприкаянная, делает она здесь? И что осталось ей, кроме воспоминаний? Да ещё русского языка, на котором она и думала и говорила сама с собой...

Вот и сегодня в канун Нового года, она сказала:

- До следующего Нового года скорей всего и не доживу...

И ей припомнилась та листовка, что оказалась в отцовских руках в тот страшный день, про «Матюки, які перетворюють Тебе на Москаля» и внезапно, она, совсем и не пуристка, но нетерпящая матерщины, (она воспринимала её, как нанесённое лично ей оскорбление), она, даже бранного слова за жизнь не сказавшая, неожиданно громко произнесла:

- А ... нам!

КУЗЬМИНА СВЕТЛАНА ГЕННАДЬЕВНА

Необычайный урок самобытности

* * *

Светомузыка, тяжелый дым, визжащие фанаты. Розовая клавишница через плечо, дорогушее коротенькое платье со стразами и рюшами, блеск и мягкость веселеньких упругих кудрей (мамин стилист просто прелесть! Говорят, он когда-то работал над имиджем самой Кристины Орбакайте!). Высокая худенькая девочка вся раскраснелась от тяжелой работы, но этого никто не видит за толстым слоем ее сценического макияжа и сиянием белоснежной улыбки (дантист, кстати, тоже один из самых дорогих в Москве!). Запыхаться нельзя, последний припев нужно исполнить мощно и чисто. В красивом развороте девочка ударяет по клавишнице последний аккорд и вытягивает сильным юным сопрано:

- Мы возьмемся за руки, и будет во всем мире ми-и-ур!

Музыка замолкает, сменяясь оглушительными овацциями. Судьи рукоплещут, ведущий смахивает слезу.

- Дорогие друзья, - кричит он в микрофон, - это была Принцесса Крис с песней «Веселимся вместе»! Ваши аплодисменты!

Добрую минуту спустя публика успокаивается, и слово передают членам жюри.

- Потрясающее исполнение! - говорит известный на всю страну композитор. - Когда мне было 14, я просто слушал любимую музыку, а наша Принцесса ее сочиняет и исполняет! За одно это, дорогие друзья, я уже готов поставить ей 10 баллов из 10-ти!

- Великолепно! - микрофон берет знаменитая певица. - Мир во всем мире - не у каждого ребенка хватит духу замахнуться на столь серьезную тематику и уж тем более - преподать ее с такой динамикой и задором. Но наша Кристиночка не только это сделала, но еще и блестяще с этим справилась. Так держать! 10 из 10-ти!

Принцесса Крис, урожденная Кристина Лукашевская, восходящая звезда детской эстрады, неподвижной стрункой стоит в свете прожекторов и лучезарно улыбается. Ей уже видится ее первый концерт в Олимпийском, мировое турне и собственная звездочка на Аллее Славы в Голливуде. Но тут слово дают почетному гостю конкурса, Боргояковой Таусии Николаевне, заслуженному деятелю культуры далекой Республики Хакасия, маленькой пожилой женщине, похожей на китаянку, со смуглым морщинистым лицом и веселыми раскосыми глазами. Она берет в свою сухонькую руку микрофон и улыбается. Хитренько, но добродушно.

- Песня и исполнение, безусловно, заслуживают высшего балла, - говорит она голосом, который много лет назад прославил ее малую Родину, - но, на мой взгляд, маленькой звездочке не хватает самобытности. Кристина - очень талантливая девочка, ее ждет большое будущее. И если она заглянет в глубь себя, найдет свою самобытность, изюминку, я уверяю, ей не будет равных. Я ставлю 9 из 10-ти.

Принцесса Крис машинально закивала и заулыбалась до самых ушей, мол: «Ах, спасибо за полезный совет и конструктивную критику!» Ее приучили к этому с младенчества. Искусный макияж и ослепительная улыбка вновь скрыли то, что она чувствует себя, как ледяной водой окаченная.

* * *

Когда все конкурсанты выступили, выслушали поздравления и добрые пожелания, Принцесса Крис нетерпеливо бросилась на поиски той колоритной особы, осмелившейся смертельно ее оскорбить. Эта Таусия Николаевна - или как там ее? - оказалась единственной из членов жюри, кто не поставил юной звезде высший балл. И хотя Принцесса Крис вышла в финал, ее все равно одолевала жгучая обида. Больше она не походила на ту веселую милую девочку, танцующую в пышном платье и поющую о мире во всем мире.

- Что это значит? - выпалила она маленькой и старенькой Таусии Николаевне, когда отыскала ее в кругу любезничающих звезд российской эстрады и предусмотрительно отвела в сторонку. - О какой такой самобытности Вы там разглагольствовали?

- Это ты сама должна понять, Кристина, - улыбнулась та тепло и нежно.

Принцесса Кристина закатила глазки. Вот оно, началось! Эта старческая мудрость! Еще и восточная! Недаром же эта Таусия Николаевна так похожа на китаянку.

- То есть Вы сами не знаете, о чем говорили? - нахмурилась девочка скептически.

- Ну, получается, так, - не стала отрицать Таусия Николаевна, однако, видя, что юная певица ничегошеньки не понимает и принимает ее за выжившую из ума старую ведьму, передумала и решила дать подсказку. - Я попробую объяснить это на твоём языке

- Ну вот, Вы еще и за тупицу меня держите! - вспыхнула Принцесса Крис. - А у меня, между прочим, одни пятерки, и я, в отличие от этих маленьких актрисочек, не прогуливаю школу, ссылаясь на съемки и всякие прослушивания!

- Что ты, Кристина! - снова заулыбалась Таусия

Николаевна. - Ты очень талантливая и подающая надежды девочка...

- Слышала уже!

- Я же хочу тебе помочь! У тебя красивый голос, платье красивое, прическа... Но это у всех есть, понимаешь? А тебе нужно что-то такое, чего нет у других.

- И что же? - фыркнула Принцесса Крис недовольно.

- Как я уже сказала, ответить на этот вопрос можешь только ты...

- Прекрасно! - юная звезда отчаянно взмахнула руками. - Вы испортили мне баллы и теперь говорите о вещах, о которых сами не имеете понятия!

- Я вовсе не хотела испортить тебе баллы, - возразила Таусия Николаевна. - Я хотела тебе помочь.

- Вот спасибо! У меня мама известная актриса, со мной работают лучшие агенты и шоумены! Я победила в пяти всероссийских музыкальных конкурсах, выступала в новогодних утренниках на Первом канале! А из Вашей Хакасии - или как ее там? - что-то ни одного участника не встретила! Что же вас тогда нигде не слышно и не видно, раз вы там все такие самобытные?

- Кристиночка, я же помочь хочу, ты очень одаренная девочка... - взмолилась Таусия Николаевна.

- Сама справлюсь! - грубо завершила этот разговор Принцесса Крис, горделиво развернулась и ушла.

* * *

Весь оставшийся день Кристине было так плохо, что она филонила на тренировке с личным тренером, фальшивила на занятиях вокалом, не могла сосредоточиться за синтезатором, а на книги, которые задали на лето, вообще сил смотреть не было. Никогда еще ее так не обижали! Обычно ею всегда восторгались и пророчили карьеру поп-звезды, а если и случалась какая-то крити-

ка, то только поверхностная и формальная, мама давно приучила Кристину не обращать на нее внимания. Вот и сейчас, не догадываясь, что сказанное Таусией Николаевной было не простым бессмысленным замечанием, мама успокаивала дочку по телефону.

- Детка, ну ты же прошла в финал, что ты переживаешь из-за всяких выживших из ума старушенций?

- Мама, но она такая наглая! - плаксиво заскулила в трубку Кристина. - У себя в Хакасии она, может быть, и звезда, а в Москве о ней даже не слышал никто! И туда же! Умную из себя корчит! Настроение только испортила!

- Крис, сколько раз тебе повторять? - цыкнула мама, тшкетно скрывая раздражение, а потом послышалось ее приглушенное указание кому-то из членов съемочной группы. - Занимайся своим делом и не растрачивайся на всякие глупости! У тебя финал через неделю. Тебе нужно готовиться, а не забивать голову чьими-то пустыми замечаниями. Выпей молока, успокойся и принимайся за работу.

- Ладно, - вздохнула Кристина не очень-то довольная. Ей хотелось, чтобы мама ее пожалела. Но куда уж там! Перерыв закончится через две минуты, а маме еще нужно грим подправить.

- Я буду поздно, не жди меня. И сама не засиживайся, - велела та. - Ну, мне пора, детка, люблю тебя, - и отключилась.

Кристина честно приложила все силы, чтобы взять себя в руки, даже телефон об стенку швырять не стала, а просто обиженно отбросила его на подушку. Потом она сходила на кухню, шикарно отделанную на американский манер, оборудованную по последнему слову техники, но в то же время пустую, холодную и одинокую. Уныло хлебнула прямо из пакета дорогостоящего

финского молока (молочных продуктов другой марки в этом доме просто не признавали!) и вернулась в свою комнату, где рухнула на роскошную мягкую кровать с нежнейшим шелковым покрывалом и забылась усталым беспокойным сном.

Проснулась Кристина с первыми лучами солнца, горячими и ослепительно яркими, что Москве было совершенно несвойственно. Первое, на что девочка обратила внимание, так это то, что ей непривычно легко дышится, а потом уже ощутила жесткость матраца под спиной и грубость шерстяного одеяла, которым была укрыта. Широко раскрыв глаза и прогнав поволоку сна, Кристина оглядела крохотную, бедно обставленную комнатку с низким потолком и неровными стенами, обклеенными дешевыми обоями, и в ужасе осознала, что находится в совершенно незнакомом месте. Подорвавшись с узкой скрипучей кровати, она бросилась было к окну, обыкновенному стеклянному, с деревянной рамой, каких в Москве уже с маху и не найдешь, но зацепилась краем глаза за висевшее над обшарпанным письменным столом зеркало и замерла, как громом пораженная, - оттуда на нее смотрела невысокая худенькая девочка китайской внешности примерно ее же возраста. А за окном, до которого Кристина так и не дошла, была не Москва...

* * *

С раннего утра аал Боргояков, что располагался в северной части Республики Хакасия, недалеко от тайги, и не насчитывал даже десяти дворов, огласился неистовым девчачьим воплем и шокирующей новостью: «Саяна сдурела!»

В крохотный домик тети Маши, матери двух подрастающих девочек и безутешной жены, муж которой

два дня назад ушел в тайгу по ягоду и до сих пор не вернулся, сбежались все соседи, перепуганные внезапной истерикой Саяны, старшей из дочерей, которая металась по дому, как угорелая, орала, как резаная, и несла какую-то чушь о Москве, предстоящем конкурсе и некой девочке по имени Кристина.

- Бес попутал! - поставили страшный диагноз соседи. - Надо бабу Таю звать.

Через несколько минут гомон вокруг дома стих, и зрители расступились, почтительно пропуская в крохотный домик тети Маши никого иного, как Боргоякову Таусию Николаевну.

- Так это все Вы! - отчаянно взывала Саяна, едва заведев ее. - Ведьма! Что Вы со мной сделали? А ну, немедленно возвращайте меня обратно, иначе я за свои дальнейшие действия не отвечаю!

- Саяна, как ты с шаманом разговариваешь?! - прикрикнула на дочь тетя Маша. По крайней мере, она думала, что это ее дочь...

- А Вы, женщина, вообще не лезьте! - напустилась на нее девочка. - Что Вы за мной по пятам носитесь? Я Вас не знаю!

- Ай-ай-ай, так грубо с матерью разговаривать...
- в открытое окно понесли соседские роптания.
- Матери и так не сладко, за отца переживает... Это все этот, как его... Переходный возраст... Эх, молодежь пошла... Мы-то себе такого не позволяли... Нам скажут гусей пасти, мы и идем пасти, только попробуй слово против скажи!..

Таусия Николаевна положила маленькую смуглую руку на разгоряченный лоб «сдуревшей Саяны», сказала что-то нараспев на каком-то незнакомом языке, и девочка тут же успокоилась.

- Оставьте нас, - велела Таусия Николаевна, и все

собравшиеся, даже встревоженная хозяйка дома, беспрекословно удалились. Ни у кого не возникло мысли притаиться неподалеку и подслушивать - так сильно в аале Боргояков уважали Таусию Николаевну, потомственную шаманку.

- Что Вы со мной сделали? - кое-как прошептала Саяна, сдерживаясь изо всех сил, чтобы не заплакать. Дух Кристины, заточенный в ее теле, был слишком силен и не мог позволить себе распухнуть нюни даже в столь безвыходной ситуации. - Зачем Вы меня заколдовали?

- Ты хотела узнать, что такое самобытность, - ответила Таусия Николаевна, снова улыбаясь нежно и лукаво, как вчера (всего лишь вчера!) в концертном зале. - А такие вещи на словах объяснить невозможно. Вот я и решила немножко тебе помочь, чтобы ты увидела, что это такое, и прочувствовала это на собственной, извини за выражение, шкурке.

- Вы издеваетесь? - выпалила Саяна, шмыгнув носом. - У меня финал через неделю, мне надо готовиться, а Вы решили меня проучить и засунули в тело какой-то уродливой китайской девочки, которая живет за сто тысяч километров от Москвы!

- За четыре тысячи километров, не за сто, - засмеялась Таусия Николаевна. - Не так уж и далеко, правда? И Саяна - не китаянка, а хакаска. Хакасы, народ такой. И вовсе она не уродливая. Просто у нее нет собственного стилиста, как у тебя. Посмотри-ка внимательно в зеркало. Ну, разве она уродливая?

После всего, что произошло, Кристина-Саяна осознала, что не слушаться Таусии Николаевны себе дороже, поэтому посмотрелась в зеркало и критически оценила отражение чужой девочки. В конце концов, она вынуждена была прийти к выводу, что внешность Саяны очень даже ничего: если ее подкрасить, сделать приче-

ску, одеть в купальник от кутюр и обучить премудростям подцума, она вполне сойдет за молоденькую корейскую модель.

- Что я должна сделать? - спросила Саяна, обернувшись и поглядев на Таусию Николаевну решительно и сурово. Та лишь вопросительно изогнула тонкую бровь. - Ну, чтобы вернуться обратно в свое тело? Я сказки про обмен телами смотрела, поэтому знаю: чтобы вернуться в свое тело, надо сделать что-то хорошее или в чем-то искренне раскаяться. Давайте не будем тянуть резину. Я сделаю, что должна сделать, и все встанет на свои места. Ну, правда! Если я сейчас в теле этой девочки, то она, получается, в моем. Вы хоть представляете, как она может мне репутацию подпортить?

- Если тебя беспокоит только это, - вздохнула Таусия Николаевна, с укоризной покачав головой, - можешь не волноваться, завтра утром ты снова будешь в своем теле и подумаешь, что тебе всего лишь приснился дурной сон. Просто проживи этот день так, как считаешь нужным. Неважно, что ты будешь делать: валяться в постели и ждать, когда он закончится, или пожить немного так, как живет Саяна. Завтра утром ты все равно станешь сама собой, я даю тебе слово. Только предупреждаю - не как шаман, а как простой человек, - тут поблизости есть тайга и пещеры. Если тебе вздумается там погулять, будь очень осторожна. Отец Саяны и ее маленькой сестренки там и пропал, и даже духи не знают, жив ли он еще...

Девочка поджала губы и из вежливости не стала ничего говорить. Она-то без отца росла, он их с мамой бросил, но они и без него прекрасно справились, поэтому горе настоящей Саяны Кристине было по боку.

- Ладно, пойду я, - развела руками Таусия Николаевна.

- А то мне еще в Абакан ехать. Вечером опять в Москву полечу, а потом - в Берлин, меня на этнофестиваль пригласили. Одна беда, когда живешь в глубинке, - на дорогу уходит так много времени и сил!

- Так Вы, получается, на самолете из Москвы прилетели?! - опешила разочарованная Саяна, уже всецело поверившая в то, что Таусия Николаевна - могущественная колдунья из волшебной сказки.

- Конечно, - засмеялась та. - Я же всего лишь шаманка. Я всего-то умею людей местами менять, но никак не телепортироваться из одного места в другое...

* * *

Коль уж Таусия Николаевна дала добро, Саяна без зазрений совести решила провести день в постели. Однако спокойно ворочаться с боку на бок в ожидании, когда же закончится этот кошмар, ей упорно не давали: сначала младшая сестренка, вся перепуганная и одичавшая - сперва от пропажи папы, а потом от подмены старшей сестры, а затем мама - с обедом из вареной картошки с зеленью и помидорным салатом, заправленным жирной деревенской сметаной.

- Я не ем крахмал и животный жир, - отказалась Саяна, гордо игнорируя жалобно заурчавший желудок.

- Это еще что за новости? - ахнула мама, встревожившись. - Заболеть, подружка, хочешь? Этой... как ее... Ну, модели ею болеют, когда не едят ничего и умирают от истощения...

- Это называется анорексия, - фыркнула Саяна.

- И где ты этому нахваталась? В аале ни интернета, ни сотовой связи, и телевизор со спутниковой тарелкой только у бабы Тау.

- Бедная Саяна, как ты тут живешь? - пробурчала девочка, отворачиваясь к стенке, но мама настойчиво

повернула ее обратно за плечо и заставила сесть.

- Ешь! И так вон какая худая!

Саяна задумалась на секунду и поймала себя на мысли, что ее новое тело довольно-таки стройное, несмотря на то, что ее бывшая обладательница привыкла питаться такими «нездоровыми» продуктами. Что-то здесь было нечисто. Кристина вон с восьми лет четко знала, что белки нельзя смешивать с углеводами, а последний прием пищи должен приходиться не позднее, чем за четыре часа до сна. А Саяна, посмотрите на нее, трескает картошку, политую сметаной, и вон какая тоненькая и цветущая! Решив, что терять ей все равно нечего, новая обладательница ее тела, в конце концов, взялась за ложку и принялась есть.

- Какая вкуснотища! - вдруг возопила она, когда отправила в рот первый кусочек помидора. - Это что, помидоры такие? Они аж сладкие!

- Помидоры как помидоры, - пожалала плечами мама. - Я думала, у нас нынче вообще ничего не вырастет. Вон жара какая стоит.

Но это были не просто «помидоры как помидоры». После тех безвкусных деревянных плодов красного цвета, которые продавались в московских супермаркетах, мягкие и сочные хакасские помидоры казались манной небесной. А желтый рассыпчатый картофель просто таял во рту и разливал по всему телу благодатное сытое тепло, какого никогда не бывает от привозной резиновой картошки, которую не надо чистить и которая не разваривается, даже если ее оставить на ночь в кипятке. Потом уже, когда все закончится, в учебнике географии Кристина прочитает, что Республика Хакасия находится в котловине, поэтому там господствует климат, довольно благоприятный для садоводческих экспериментов. Собственно, этим данная территория

и привлекала когда-то многочисленных захватчиков с востока, поэтому местное население постепенно приобрело азиатские и монголоидные черты.

Когда Саяна впервые в жизни наелась от пуза и с удовольствием растянулась на кровати, пускай жесткой и неудобной, по ее душу пришла подружка Айго. И только Саяна вознамерилась дать ей от ворот поворот и попросить не беспокоить ее до завтрашнего утра, Айго печально опустила плечи, за которыми болталась гитара, и вздохнула:

- Значит, сегодня репетировать не будем...

- Репетировать? - тут же встрепенулась Саяна, снова подбежав к распахнутому настежь окну. - Что репетировать?

- Нашу песню, - напомнила недоумевающая Айго. - Ну, творческое задание в музыкальный колледж. Мы же нынче поступать собрались, забыла совсем?

- Подожди, я сейчас!

За двадцать секунд (в противовес двум часам, которые обычно требовались Кристине на сборы перед выходом на улицу!) нацепив джинсы, футболку и невероятно уродливые, однако чертовски удобные резиновые шлепанцы, Саяна пулей вылетела из дома, и вместе с Айго они двинулись по пыльной грунтовой дороге в сторону местного клуба, который одновременно служил и сельсоветом, и домом культуры, и кинотеатром, и даже магазином, когда в аал заезжали какие-нибудь торговцы.

- Пойдем скорее, а то через час уже старики со своими дурацкими чатханами и хомысами набегут, не дадут порепетировать, как следует! - тараторила тем временем Айго.

- С чем-чем? - переспросила Саяна, услышав незнакомые слова.

- С чатханами и хомысами! - повторила подруга раз-

драженно. - Хакассские музыкальные инструменты такие, ты чего?

- Слушай... Ты... это... - потупилась Саяна, соображая, как бы выкрутиться из своего неловкого положения. - Айго, да?.. Ты не обижайся на меня Я сегодня сама не своя. Спала плохо, истерила все утро, память отшибло, вообще ничего не соображаю. Это все стресс, понимаешь? За отца переживаю

- А-а-а...

- Так что если я тупить начну, ты не психуй, а объясни по-человечески, что и как. Глядишь, и сама вспомню.

- Ладно. Ноты-то ты хоть помнишь? Сможешь на пианино сыграть?

Сердце Саяны радостно подпрыгнуло. Наконец-то хоть что-то в этом чужом месте было ей хорошо знакомо!

- О, на пианино я даже во сне сыграть смогу!

* * *

Попав в клуб, Саяна не поспешила усесться за старенькое пианино с пожелтевшими клавишами, и дело было вовсе не в том, что она откровенно обалдела от вида гигантского полупустого помещения, выбеленного известкой и выкрашенного темной половой краской, словно картинка, сошедшая с учебника по истории России времен СССР. Упрямо игнорируя упадническую обстановку и прохладный спертый воздух сельского клуба далекой российской глубинки, Саяна встала перед пианино, выпрямилась стружкой и начала вести себя, по меньшей мере, странно: мычать, фырчать, позевывать, шлепать губами и вытворять еще бог весть что.

- Ты чего? - ужаснулась Айго, дико на нее вытаращившись.

- Я разогреваю голосовые связки и снимаю зажимы, не мешай.

- Чего-чего?

- Распеваюсь! А ты чего смотришь, как баран на новые ворота? Давай тоже распевайся!

- Это еще зачем? У меня и так голос хороший.

- То, что тебе с детства повезло с голосом, еще не значит, что над ним не надо работать. Если ты хочешь петь профессионально, то и подходить к этому надо серьезно. Музыкальная карьера - это как спорт: нужно постоянно держать себя в форме и совершенствовать результат.

- Ты что, в соседнее село в библиотеку ходила и глянцевого журналов там начиталась? - Айго выглядела очень испуганной. - Ты говоришь, прямо как поп-звезда!

- Это сейчас неважно! - отрезала Саяна решительно. - Давай я научу тебя распеваться!

- Ты это серьезно? - взмолилась подруга. - Старики же вот-вот придут, мы не успеем порепетировать...

- Завтра порепетируем. Ты, главное, распеваться не забывай и меня заставляй! Знаешь, как часто такое случается? Ребята, которым медведь на ухо наступил, выигрывают конкурсы молодых исполнителей, а те, которые кичатся своим голосом, так ничего и не добиваются. А все потому, что не работают над собой. Все, хватит попусту болтать! Набери полную грудь воздуха и хорошенько позевай! Это поможет твоим голосовым связкам расслабиться...

И Саяна начала учить Айго несложным упражнениям, которые Принцесса Крис усвоила на дорогостоящих уроках вокала и которые безотказно помогали ей перед выступлениями. Однако, как Айго и предполагала, позаниматься, как следует, им не дали: где-то через полчаса в клуб бесцеремонно ввалились пятеро стариков - мужчин и женщин - в очень странной одежде и с необычными музыкальными инструментами в руках.

- Нет, уходите! - захныкала Айго, когда пришедшие по-соседски ласково поприветствовали девочек. - Мы же даже репетировать не начали! Дайте нам еще 10 минут!

- Так репетируйте на здоровье, мы в уголке тихонько посидим, - с добродушной улыбкой успокоил ее один из стариков.

- Ну уж нет, дедуль! Я же знаю, ты терпеть не можешь современную музыку!

- С чего ты взяла? Я люблю современную музыку, потому что всякая музыка достойна уважения. Я просто не люблю, когда молодежь от своей самобытности начинает отказываться и культуру предков не почитает.

Саяна, все это время тихонько прятаясь за спиной подружки и во все глаза разглядывающая пестрые ткани одежды стариков, красочную вышивку на манжетах пышных рубашек и удивительные головные уборы, услышала заветное слово «самобытность» и вздрогнула. Что, если в приходе этих людей крылся ключ к головоломке, которую ей загадала шаманка Таусия Николаевна?

- Деда, ну как ты не понимаешь? - яростно спорила с дедушкой Айго. - Двадцать первый век, глобализация! Кому нужна эта культура предков? Ладно, если б еще культура известная какая-нибудь была типа египетской или китайской. А тут какая-то хакасская. Да никто, кроме тех, кто живет в Хакасии, даже не знает, кто такие хакасы!

- Так это потому, что молодежь нынче своей культуры стесняется, - на выручку дедушке Айго пришла старушка с очень длинными седыми косами, ниспадающими из-под пестрого платка, как тяжелые бусы из раскрытого сундука. - Вы стремитесь быть, как все, а свою изюминку показать боитесь.

- Ух, вас не переспоришь! - с досадой топнула ногой Айго. - Пойдем, Саяна, сегодня порепетируем без клавишных. А завтра с утра попросим, чтобы нам открыли клуб.

- Подожди! - вдруг возразила та. - Я хочу послушать, как они будут играть.

- Ты издеваешься? Ты же сама говорила, что народная музыка - это некруто.

Саяна напряженно нахмурила брови, думая, что ответить. Не могла же она сказать Айго в лоб, что она никакая не Саяна и никогда в жизни не видела таких музыкальных инструментов, поэтому ей очень интересно, как они звучат!

- Я так говорила? - деланно засмеялась она, в конце концов. - Что ж, кажется, мои музыкальные предпочтения слегка изменились. Ну давай их послушаем, ну пожалуйста!

И девочки остались. Старики со своими инструментами взошли на сцену и уселись на вынесенные из-за кулис стулья, а Саяна с Айго по-юношески развязно подперли пианино и принялись слушать. Сначала дедушка Айго бойко заиграл на двухструнной лютне, его мотив подхватили два других старичка, на коленях которых были разложены длиннющие гусли. Одна старушка начала извлекать звуки на некоем губном инструменте, напоминающем варган, а вторая - бить в самый настоящий бубен, с какими скачут вокруг костра индейцы в фильмах про Дикий Запад.

Возродившаяся из прохладного воздуха унылого сельского клуба хакасская музыка пробрала Саяну до мозга костей и заставила покрыться мурашками с ног до головы. Это было ни на что не похоже и в то же время все сразу: и индейский боевой марш, и романтическая китайская ода, и тоскующие по солнцу северные мотивы. Хакасская музыка, может, и не ласкала слух, зато она проникала в самое нутро и передавала тому, кто ее слушал, всю безудержную энергию хакасской земли и мудрость предков. Прикрыв глаза и слушая, как играют

старики, Саяна видела себя скачущей на ретивом коне по голой степи, залитой маревом заходящего солнца. Она буквально ощущала ветер, бьющий в лицо, и горячие лучи, обжигающие щеки. Ноздри шекотал запах пыли, полевой травы и бесконечной свободы. Не сразу до нее дошло, что в уши ее льется чарующее горловое пение, хрипло растягивающее какое-то мифическое сказание на неизвестном Саяне языке, на котором, помнится, шептала заклинание Таусия Николаевна.

- О чем, о чем они поют? - Саяна нетерпеливо и очень возбужденно подергала Айго за локоть.

- О богатыре Тимуре, - та посмотрела на нее, как на последнюю дурочку. - Если ты вдруг не в курсе, они, кроме этой легенды, ничего больше петь не умеют.

- О чем, о чем она? - тормошила ее Саяна. Ей было наплевать, что подруга о ней подумает.

- Ну, ты совсем! Хакасский язык, что ли, забыла?

- Я знаю хакасский язык?!

- Ты по нему первое место на республиканской олимпиаде заняла, забыла?

- Это я-то? Ничего себе! Вот здорово!

- Ха! Нашла, чем гордиться! Между прочим, на хакасском языке говорят только в такой глуши, как наша. Приедешь в Абакан - сама увидишь, что он никому не нужен. На нем только таблички на госучреждениях делают, и то ради приличия.

- А вот это зря! - воскликнула Саяна возмущенно. - Люди вон уйму денег на языковые курсы тратят и слова по карточкам с трудом заучивают, а вы тут с детства сразу двумя языками владеете!

Пораженная Айго не успела ничего возразить: старики, прервавшие свою волшебную музыку, рассердились на то, что молодежь мешает им играть, и выгнали их на улицу.

- В общем, жил когда-то давным-давно, еще до нашей эры, богатырь Тимур, покровитель Боргоякова, - рассказывала прерванную легенду Айго, пока они шли по сельской дороге в произвольном направлении. - Он был такой большой и сильный, что играл обломками скал размером с дом, как мячиками, а когда он кидал их об горы, они выдалбливали в них глубокие пещеры. Потом Тимур вырос и ушел на войну. Его невеста ждала его и все время плакала. Так много плакала, что наплакала целое озеро. Но Тимур вернулся, справил свадьбу и жил в Боргоякове долго и счастливо до конца своих дней. А когда он умер, ему стали рыть могилу. Она была такой большой, что ее копали целых сто лет. И то, когда Тимура в нее положили, она не смогла скрыть его полностью. Тогда его тело засыпали землей, завалили камнями, а сверху насадили деревьев, да так густо, что они превратились в непроходимую тайгу. Если ты поднимешься на Жертвенный Курган и посмотришь в сторону тайги, то увидишь профиль спящего вечным сном Тимура. Правее будут пещеры, которые он выдолбил, когда был маленьким, а еще правее - озеро, которое наплакала его невеста... Вот такая дурацкая сказка, которая, мол, объясняет географию нашего села.

Зачарованная Саяна встрепенулась, неуютно поежилась от столь нелестной концовки такой волшебной истории и недовольно пробурчала:

- Да уж куда интереснее, чем «Москва находится в центре европейской части России, в междуречье Оки и Волги, на стыке Смоленско-Московской возвышенности, Москворецко-Окской равнины и Мещёрской низменности, и составляет 2561 целую 5 десятых квадратных километров».

- Ты такая странная сегодня! - пожурила ее Айго. -

Ты ведь никогда во все эти глупости не верила, а сейчас у меня такое ощущение, что вечером ты пойдешь на Жертвенный Курган и принесешь жертву Духу Шамана.

- Кому-кому?

- Первому шаману, родившемуся в этом селе и покровительствующему местным жителям, как богатырь Тумур, - закатила глаза Айго. - Говорят, если прийти вечером на Жертвенный Курган и принести ему жертву, то он с тобой заговорит. Ну, или, в крайней случае, на хомысе поиграет и что-нибудь споет.

- Фу! Неужто на земле еще остались места, где люди совершают кровавые жертвоприношения? - скривилась Саяна.

- Нет, конечно! - вспыхнула Айго. - Дух Шамана любит пирожки с вареньем, творог со сметаной и хлеб с медом, не надо ему никаких кровавых жертвоприношений!

Услышав это, Саяна звонко расхохоталась.

- Ваш Дух Шамана явно не сторонник диетического питания, - сказала она сквозь выступившие слезы, а потом, успокоившись, предложила: - Слушай, а давай сходим на этот Жертвенный Курган?

- Ты опять за свое? Ты же сама говорила, что это все детские сказки. Тем более, мы договаривались пойти купаться на озеро с девочками из соседнего села, помнишь?

- А не холодно ли? Август как-никак...

- Ага, а еще слюни налету замерзают, если плюнуть. Холодная Сибирь же.

- Что?! Какая еще Сибирь?!

- Ты меня сегодня с ума сведешь! «Республика Хакасия расположена в Южной Сибири в левобережной части бассейна Енисея, на территориях Саяно-Алтайского нагорья и Хакасско-Минусинской котловины». Ты же доклад по географии на эту тему делала!

- Правда, что ли?! - опешила Саяна и коротко огляделась вокруг себя - солнечная степь, ласковый теплый воздух, которым так легко дышится, роскошные кусты сочных помидоров и цветущая картошка в соседских огородах. - Нет, я, конечно, догадывалась, что Сибирь - это не такое уж страшное место, как о нем говорят... - начала бормотать она.

- Что-что ты там лопочешь? - переспросила Айго, не расслышав ее.

- Нет, ничего! - быстро встрепенулась Саяна, опомнившись, и глупо засмеялась. - Ты, главное, не психуй. Видишь же, у меня нервный срыв. Мне сейчас все, как ребенку, надо втолковывать.

- Да уж, ты явно перенервничала, - сменила гнев на милость Айго. - Хочешь чего-нибудь вкусенького? Говорят, всякие лакомства очень помогают справиться со стрессом. У нас в магазине как раз сегодня завоз был. Давай накупим чипсов и пойдем купаться?

- О, нет! Зачем вы едите эту дрянь, когда у вас растет такая вкусная картошка и помидоры? И, между прочим, если заедать стресс всякими вкусностями, то ты, скорее, лишних килограммов нахватаешь, а не нервы вылечишь! Лучше найти другое занятие, которое поможет расслабиться.

- Ну вот, опять ты! Ты же обожаешь чипсы!

- Теперь нет! И тебе не советую, если ты действительно хочешь построить музыкальную карьеру.

- Брось! Неправда, что звездами становятся только модели 90-60-90! Если у тебя есть талант, то неважно, какая у тебя фигура!

- Если ты великая Монсеррат Кабалье, то да. Талант, конечно, имеет первостепенное значение, однако на сцене всем хочется видеть ухоженную стройную девушку, а не даму с расплывшимися манерами, у которой прямо

на лбу написано, в каких магазинах она покупает пельмени по акции. И вообще, тебе когда-нибудь говорили, что себя надо уважать? А уважающий себя человек никогда не будет есть всякую гадость!

- Да поняла я тебя, поняла! - схватилась за голову Айго. - Никаких чипсов! Пойдем уже купаться! Уж плавание точно поможет нам сохранить стройность!

- А вот это другой разговор!

* * *

Всласть накупавшись в чистой теплой воде местного озера и наигравшись с веселыми и добродушными сельскими девочками, Саяна вернулась домой под вечер. Пока мама доила коров, она тайком начала шарить по кухонным ящикам, где отыскала хлеб и мед, а потом крадучись вместе со своей находкой направилась на большой холм, окруженный длинными и узкими каменными плитами, на которых при тщательном рассмотрении еще можно было различить вырезанные много-много веков назад рисунки и древние письмена. Судя по всему, это и был Жертвенный Курган, в чем Саяна окончательно убедилась, когда обнаружила на наложенных посреди насыпи камешках всякие милые подношения: карамельки в выцветших обертках, ниточки с бисером, затвердевший в кость хлеб и пирожки, которые еще не успели растаскать коршуны и местные собаки.

- Ну, привет, Дух Шамана, - сказала Саяна тихо и несмело и робко положила на камень свое угощение. - Я тебе тут вкусняшку принесла. Ты, конечно, мне ничего не должен, но если вдруг захочешь со мной поговорить, я буду рада.

Сказав это, Саяна с уважением попятилась и присела у первой попавшейся каменной плиты. После всего, что с ней произошло, она, вчерашняя Принцесса Крис,

избалованная москвичка, которая верила только в богатство и собственные силы, зарубила себе на носу, что от шаманов можно ждать, чего угодно, поэтому с ними лучше дружить и не ссориться. Дух Шамана, видимо, воспринял ее визит либо положительно, либо вообще нейтрально, потому что ничем не выдал ни своего гнева, ни присутствия в целом. Никаких сгушающихся туч, ни усиливающегося ветра, как в голливудских фильмах о паранормальных явлениях. Саяна почувствовала себя смелее, удобно прислонилась спиной к камню, все еще теплее после дневной жары, и начала смотреть в безоблачное хакасское небо, наливающееся глубокой вечерней синевой. Ее грудь распирало от пережитых эмоций, а в голове роилось столько новых мыслей и идей, что не так-то просто было с маху навести в них порядок. Еще утром, когда Принцесса Крис проснулась за четыре тысячи километров от родного города в теле чужой девочки, ей казалось, что этот кошмарный день никогда не кончится. Однако теперь у нее больно шемило сердце от осознания того, что он вот-вот подойдет к концу.

- Нет, я, конечно, не хочу, чтобы так осталось навсегда, - Саяна и не заметила, как заговорила сама с собой. - Но перемещаться сюда на некоторое время - скажем, на выходные - было бы очень здорово. Даже круче, чем каникулы во Франции! Саяна такая счастливая! Она знает целых два языка, а я даже с английским справляюсь еле-еле. И друзья у нее вон какие хорошие! Переживают за нее, поддерживают и дружат с ней не потому, что она богатая, красивая и знаменитая, а просто так. Даже ее - точнее, мои - закидоны терпят. У меня вот таких друзей совсем нет. А как ее мама любит! Моя, например, все время на съемках. Нет, я не говорю, что мама меня не любит, просто у нее никогда нет на

меня времени. И помидоры здесь вкусные, и картошка, ими можно объедаться, сколько хочешь, и не поправляться. А еще Саяна хакаска. Она даже не представляет, как ей повезло! Я вот вообще понятия не имею, кто я. А у хакасов такие красивые национальные костюмы и музыка! И имена у них красивые. Саяне и Айго даже крутое название группы придумывать не надо. Так и назовутся - «Саяна и Айго», и это будет звучать круто! Не то, что какая-то Принцесса Крис. Сейчас каждая третья девочка - принцесса, а каждая вторая Кристина - Крис. А какое у них красивое горловое пение! А легенды у них такие, что аж дух захватывает! И в волшебство они до сих пор верят, в духов всяких, героев. А у меня все такое скучное: платья эти, побрякушки, компьютер, смартфон, клавиатура за полмиллиона. Все эти вещи, конечно, красивые и дорогие, но они какие-то пустые, ненастоящие. Нет в них глубины, нет... - Саяна резко замолчала, затаила дыхание и испуганно закончила: - Самобытности...

Неумолимо темнело, чуть-чуть похолодало, совсем легкий ветерок принес первые ароматы надвигающейся степной ночи.

- Я поняла! - вдруг вскричала Саяна, подскочив на ноги. - Я поняла, что Таусия Николаевна имела в виду! Я поняла, что такое самобытность! Самобытность - это когда ты помнишь и чтисшь культуру предков! И поддерживаешь ее даже тогда, когда все говорят, что это некруто! Ура!

Саяна раскинула руки и начала радостно скакать по насыпи кургана. Со стороны это смотрелось так, словно она пыталась призвать дождь или еще какое-нибудь природное явление.

- Но я не уйду просто так! - громко сказала она большому ярко-оранжевому диску, погрузившемуся за линию

горизонта почти наполовину. - Пускай я усвоила свой урок, но я должна сделать кое-что еще!

С этими словами она достала из кармана джинсов сложенный вчетверо тетрадный листочек и огрызок карандаша, которые наспех отыскала дома и прихватила с собой на Жертвенный Курган, чтобы там написать записку Саяне, которую начала так:

«Привет, Саяна! Меня зовут Кристина, я из Москвы. Меня заколдовала ваша шаманка Таусия Николаевна, и я оказалась в твоём теле, чтобы получить урок самобытности. Я его получила. Уж не знаю, чем ты занималась, пока была мной, но это сейчас неважно. Твоя подруга Айго сказала мне, что вы с ней хотите сколотить группу и начать музыкальную карьеру. Я бы хотела дать тебе несколько советов:

1. Не ешь чипсы! Лучше смолоду беречь фигуру, чем потом избавляться от лишнего веса!

2. Распевайся перед репетициями! Я показала Айго, как это делается. Попроси ее, чтобы она тоже тебя научила.

3. Не стесняйся своей самобытностью! Хакасская культура очень интересная! Я бы даже порекомендовала вам вставлять в свои песни проигрыши на хакасских музыкальных инструментах или тексты на хакасском языке. Это будет эффектно и свежо, потому что современная эстрада довольно редко обращается к национальным мотивам (кроме народных исполнителей, конечно), поэтому все песни звучат однообразно и...»

- Скучно... - хотелось написать Саяне, поэтому она произнесла это слово, когда подняла голову от тетрадного листка, чтобы передохнуть. Совсем стемнело, писать при таком освещении было крайне неудобно.

И тут Саяна зацепила взглядом какое-то движение в стороне тайги. Ей показалось, что это была яркая

вспышка, отпечатавшаяся на сетчатке глаза пестрым узором платьишка младшей сестренок.

- Мелкая, это ты? - крикнула Саяна, встревожившись и тут же прекратив писать. Даже несмотря на то, что сестренка была чужой, в груди Кристины, заточенной в теле Саяны, что-то беспокойно сжалось. - Ты зачем в тайгу пошла?

- Папу искать! - отозвался тоненький детский голосок.

- А ну, вернись! Его взрослые-то найти не могут, а тут ты, мелочь пузатая!

Но пестрый узор лишь дерзко вильнул меж стволами деревьев и скрылся в крошечной темноте.

- Стой, говорю! - заорала Саяна, срываясь с места, и, машинально сунув листок с карандашом в карман, помчалась следом за сестренкой.

* * *

Дорогу она разбирала лишь благодаря тому, что впереди постоянно мелькало пестрое детское платьишко. Сколько бы Саяна ни кричала, как бы ни прибавляла шаг, она ни в какую не могла нагнать сестренку. А та словно издевалась. Как ловкий зверек, перелетала через кочки, юлила меж деревьев и уворачивалась от колючих веток.

- Ах ты, маленькая гадина! - ругалась Саяна. - Обязательно напишу в записке, чтобы сеструха тебе уши надрала!

Но пестрое платьишко неумолимо вело ее все вперед и вперед, пока не нырнуло в непроглядную тьму глубокой пещеры.

- Стой! - отчаянно завопила Саяна, как мать, увидевшая, что ее дитя находится в смертельной опасности, и опрометью бросилась за исчезнувшей девочкой.

- Сюда, Кристина! - позвал ее детский голосок.

- Откуда ты знаешь, как меня зовут? - удивилась Саяна, устремляясь на него и чудом ориентируясь в крошечной темноте.

- Сюда, Кристина! - голосок ударился о стены пещеры и возвратился, обросший бархатным эхом, напоминающим завораживающий голос доброго волшебника из сказки.

С каждым новым шагом Саяна все яснее слышала чарующую музыку хакасского хомыса - той самой лютни с двумя струнами, на которой играл дедушка Айго.

- Сюда, Кристина! - продолжал звать ее мягкий добрый голос, уже совсем не похожий на детский.

Саяна, тяжело дыша, бежала по широкому тоннелю пещеры и временами улавливала манящее ее магическое фосфорическое свечение, в котором все еще мелькало пестрое платьишко. Однако с каждым шагом до девочки все четче доходило, что никакое это не платьишко и в пещеру ее заманила вовсе не младшая сестренка.

- Сюда, Кристина! - еще через пару шагов платьишко обернулось шаманским плащом, обшитым мехом, перьями и разноцветными ленточками. Саяну вел никто иной, как шаман, на ходу наигрывающий красивую мелодию на хомысе.

- Дух Шамана, это ты? - прошептала девочка, не веря своим глазам.

- Сюда, Кристина!

Сделав следующий шаг, Саяна поскользнулась на камне и, громко взвизгнув, упала в неглубокую яму. Слегка стукнувшись головой, она на пару секунд потеряла сознание и тут же пришла в себя от того, что ее тряс за плечи до смерти перепуганный мужчина.

- Саяна! Саяночка! Ты жива?

Его исхудавшие руки дрожали, брошенный на землю фонарик немного освещал обросшее, изможденное и залитое слезами лицо.

- Папа?... - с болью в голосе простонала Саяна, медленно приходя в себя.

- Слава Богу! - заплакал мужчина, крепко прижав ее к груди. - Как ты меня нашла, девочка моя? Я уж думал, не выберусь никогда! Зачем я, дурак, в пещеры полез?

* * *

Принцесса Крис с трудом разлепила тяжелые веки и вяло осмотрела свою роскошную розовую комнатку в шикарнейшей московской новостройке.

- Слава Богу! - всхлипнула мама, которая сидела на пуфике рядом с ее кроватью, и, сдерживая рыдания, накрыла лицо своими хорошенькими ухоженными ручками с дорогостоящим маникюром.

- Ты не на съемках? - хрипло спросила Кристина и потерла глаза, не совсем понимая, что происходит. Чувствовала она себя так, словно всю ночь пролежала с высокой температурой.

- Какие съемки? Ты не просыпалась целые сутки и бредила! Даже врачи не могли понять, что с тобой случилось! - мама хлюпала носом и утирала слезы, как последняя няня. Раньше бы Кристину, наученную быть сильной девочкой и не распускать сопли, что бы ни случилось, это раздосадовало, но сейчас - только растрогало и умилило. Она почувствовала, как никогда, что мама очень сильно ее любит.

- Знаешь, мне такой интересный сон приснился! - сказала Кристина, тихо и нежно улыбнувшись. - Будто я попала в какую-то глухую-глухую деревеньку далеко в Сибири. Но там не было холодно, как все считают. Там было тепло и очень солнечно. А еще там росли очень

вкусные помидоры и картошка. Жители этой деревни ходили в ярких одеждах с красивой вышивкой, играли на странных музыкальных инструментах, - я таких даже в музее не видела! - и рассказывали всякие легенды. Причем не просто рассказывали, а пели их горловым пением! А еще они подкармливали каких-то духов хлебом с медом, а те их оберегали и давали советы. Даже показывали, где найти пропавшего человека, представляешь?

- Вот как, значит! - шутливо надулась мама, тут же успокоившись и перестав плакать. - Я переживаю, съемки отменяю, всех врачей на уши ставлю, а ты красочные сны смотришь!

Кристина скорчила жалобную виноватую гримасу, а потом рассмеялась.

- А помнишь, когда я была маленькой, ты мне постоянно одну и ту же колыбельную пела? - вдруг спросила она. - Мне кажется, она была не на русском языке...

Мама задумалась, силясь понять, о чем говорит дочь, а потом вспомнила:

- А, «Чагыр дыдыке»! Удмуртская колыбельная песенка. Неужели ты ее до сих пор помнишь? Я и то забыла.

- А ты что, удмуртка?!

- Ну да. Я родилась в крохотной деревеньке под Ижевском, а когда мне было семь, мы переехали в Москву.

- А почему ты никогда мне об этом не рассказывала?

- Потому что это неинтересно.

Кристина задумчиво замолчала, села в кровати, а потом сказала, серьезно глядя на маму:

- Знаешь, я тут подумала... У нас в России живет столько разных народов, и у всех у них своя культура. Но они ее почему-то стесняются. Хотят быть, как все. Боятся, что над ними будут смеяться.

Мама, устранившись столь необычных для ее дочери рассуждений, поспешила пощупать Кристине лоб.

- Это неправильно, - упрямо продолжала та. - Любая национальная культура - это очень интересно, и будет здорово, если мы все будем показывать свою самобытность. Мир станет ярче, веселее. Людям будет проще дружить, потому что им захочется узнать традиции и обычаи друг друга. А ты знаешь еще какие-нибудь удмуртские песенки или легенды?

- Давай подумать, - растерянно похлопала глазками мама. - Повспоминать надо. А зачем тебе?

- Да я хочу попробовать добавить в свои композиции народные мотивы. А раз уж во мне есть удмуртская кровь, то логичнее всего начать с этого. Что ты на это скажешь?

- Ох, затейница ты моя! - засмеялась мама, крепко обняв дочь. - Ну что ж, попробуй, почему бы нет? Только ты должна понимать, что народная музыка в двадцать первом веке - дело не из легких. Нужно очень постараться, чтобы она звучала достойно и гармонично влилась в современные музыкальные тенденции. Иначе тебе придется податься в народный ансамбль, а мне - запустить тебя в музыкальную школу по классу балалайки.

- О, я постараюсь! - пообещала Принцесса Крис воодушевленно. - Я не знаю, почему, но у меня такое чувство, что где-то у меня есть очень сильные соперницы, поэтому я буду стараться изо всех сил!

МАЛЬЧЕВСКАЯ
ГАЛИНА ВАСИЛЬЕВНА
(ГАЛИНА ЕМЕЛЬЯНОВА)

Сказки о
Севере и девочке Бусинке

Звездная упряжка

Мама и папа дали ей прекрасное имя — Бусинка. Одна сестрица четырех храбрых братьев — охотников.

Было это в те далекие времена, когда в тяжелые голодные годы стариков, как обузу бросали в тундре или отвозили в лес. Всех прокормить род бы не смог. Так случилось и в седьмую зиму Бусинки.

Ее бабушку Тынэ-нны посадили в старые сломанные нарты, а утром семья должна была ехать дальше, к новым богатым ягелем местам.

Бусинка забралась к бабушке под оленью одеяло, и решила остаться со старушкой. Увидят родители, что нет доченьки с ними и вернуться и за ней, и за бабушкой.

Тепло и уютно под оленьим пологом, и возле бабушки не страшен ни медведь-шатун, ни желтоглазый волк.

Когда утром Бусинка проснулась, то увидела, что стада оленьего нет, и яранги родителей нет. Бабушка Тынэ-нны смирившаяся со своей участью, только молча погладила внучку по голове и достала из кармана рыбку — юколу, которая прекрасно утоляет голод и не вызывает жажды. Бусинка достала подаренный братом Утыгеем ножичек, настругала немного рыбки, и поев они с бабушкой стали ждать возвращения родителей.

Но к вечеру небо затянуло темными тучами, задул

ветер с моря и на тундру обрушился снегопад.

Конечно, перемело все пути-дороги к брошенным старым нартам, с девочкой и старушкой.

Рыбка закончилась. Разжечь костер было нечем. Осталось только петь песни. Их бабушка знала великое множество.

Бабушка Тынэ-нны все пела бесконечную песню: о храбрых псах Норче и Юрге, которые спасли героя Большого Ворона — Куткынняка от Медведицы.

И о том, что если присмотреться и на небе есть большая Медведица, и свои охотники с луками, и зайцы, и злые духи нижних земель.

Во сне Бусинка летала на облаке и встретила Куткынняку-Большого Ворона. Он починил им нарты и показал где искать звездных, гончих псов, чтобы ехать к маме и папе.

«Мне нечего дать тебе славный герой моего народа, и разве собаки повезут меня, если я не дам им вкусной юколы?»

«Меня просто порадовала твоя песня обо мне, ведь пока про меня помнят, я жив. И у тебя прекрасные косы, ты можешь их срезать и сплести прекрасную упряжь в подарок. А уж еду им дадут, твои братья, славные охотники.

Отрезала бабушка Бусинке ее длинные косы и стали они плести упряжь. Целый день трудились, и вот упряжь готова. Понесли они ее в дар звездным псам.

— Милые, гончие псы! Вот подарок вам от маленькой девочки Бусинки. Отвезите меня к папе и маме. И бабушку тоже.

— Хорошо ли ты плела ремешки, крепкие, не порвутся? А то вот, жила одна ленивая девочка, сплела она для нас упряжь, да не старалась, так порвалась упряжь и упала она с неба, на землю и с тех пор стала, глупой нерпой.

— Нет, я старалась, до сих пор пальчики болят.

Одела девочка упряжь на звездных псов, запрягла их в нарты и сели они с бабушкой и поехали прямо по звездному небу. Даже Большая Медведица их не тронула, только покачала удивленно головой: «Где это видано, чтобы люди по небу летали, да еще и в упряжке у них были звездные псы».

«Вон, вон моя яранга, вон мама моя стоит и смотрит вдаль, в тундру, куда ушли мои братья, искать меня!» — закричала радостно девочка.

Спустилась звездная упряжка прямо перед ярангой, и мать Гыранав обняла свою храбрую дочь, и вынесла псам целую чашку свежей оленины.

А тут и братья вернулись и отец.

С той поры никто уже не отважился спорить с духами. И если только заходил разговор, что не прокормить роду стариков. Старики напоминали, что придет за ними девочка на упряжке звездных псов, и снова вернет их в стойбище.

Глупая нерпа и бабушка - остров

Жила, в Средней земле, эвенки называют ее - Дулин-булга, в одном стойбище, девочка. Имя ее было Лехтыанут, что означает Большая вода. В тот год, когда она пришла в мир, было сильное наводнение. Родители девочки погибли, и жила она с бабушкой.

Слыла бабушка, славной мастерицей, учила всех детей рода, вышивке бисером. Пыталась она внучку свою обучить, этому красивому искусству, но больше всего на свете любила та сладко поспать, да вкусно поесть.

Чтобы урок не делать, берет и мешает бисер: зеленый с красным, желтым, черным. Сидит потом бабушка с учениками снова разбирает бисер по цветам. Красный, не яркий, не малиновый, а теплый, желтова-

то-красный; зеленый — травянисто-зеленый. Белый и черный, чтобы оттенить другие цвета.

Пробовала бабушка отдать ее учиться резать по кости, разные узоры, но словно глупый шенок, закапывала ленивица рыбы кости в снег.

Очень печалилась от этого бабушка, и наказывала внучку тем, что не давала ей любимую сладость - кэрчэх, взбитые сливки.

Но тогда Лехтыанут исхитрилась, и стала отнимать поделки у младших учеников. Ведь была она от частого сна и обильной еды, большой и толстой.

Это были те времена, когда боги верхних и нижних земель иногда спускались на землю.

Становилось богам скучно в небесном доме. Брала они в жены, добрых и трудолюбивых эвенкийских девушек. И жили среди людей.

Так было и в ту зиму. Бог Майин взял в жену самую добрую и умную девушку, и все стойбище гуляло на этой свадьбе. Богатый калым отдал за невесту Майин - много олешков, шкур песца, металлические пуговицы, медные кольца, посеребренные пластинки.

И Лехтыанут там была, объевшись уснула прямо на свадьбе, а когда проснулась, то вышла погулять по стойбищу.

У свадебной яранги увидела она упряжку звездных псов, на которой прибыл бог верхней земли. Конечно она сразу поняла, что это необычные псы. Ведь на лохматой шерсти блестели не обычные снежинки, а яркие искрящиеся звездочки. Представила она, как в небесной яранге, в большом котле слуги бога, варят сочное оленьё мясо.

Ленивице очень захотелось сесть в упряжку, но Вожак, оскалил клыки. Тут решила схитрить Лехтыанут, и сказала звездным псам, что послал ее Бог, чтобы привезла она хомус, он должен исполнить свадебную песню невесте.

Заговорил вожак человеческим голосом: «Здравствуй маленькая эвенка. Тебе надо сначала починить нашу упряжь, только тогда мы сможем слетать на небо».

Очень торопилась девочка, боясь, что откроется ее ложь. Сделала все быстро да неаккуратно, и вернулась к упряжке.

Одела упряжь на звездных псов, и плюхнулась в нарты.

Взметнулся снег под могучими лапами небесных псов. Все быстрее и быстрее бежали они по тундре. И вот уже оторвались от земли и понеслись в небо. Лехтыанут уже увидела белый шатер Бога, но тут упряжь, сделанная ленивицей кое-как, порвалась, и девочка вывалилась из саней.

Проснулась от страшного сна бабушка, позвала внучку.

Не дождалась ответа и заняло ее сердце - вешун. Взмолилась она творцу Сэвеки, покровителю людей и оленей: «Спаси мою нерадивую внучку, и не разлучай нас никогда».

Услышал ее горестный плач Сэвеки, и осмотрев свои владения, увидел маленький комочек падающий с неба. Пожалел он старушку, и превратил ленивицу нерадивую в нерпу.

Упала нерпа - Лехтыанут в море, а чтобы не растались бабушка с внучкой, обратил творец земли, бабушку в остров.

С тех пор часто слышали рыбаки протяжный плач нерпы, то девочка просит вернуть ей человеческий облик. Но неумолим суровый бог-творец.

И по сей день приплывают нерпы зимовать и растить потомство на этот остров.

А эвенки сложили о трудолюбии пословицу: « У оленя красота — в рогах, а у человека — в руках».

Бусинка и верный Норче

Не очень давно, но и не вчера случилась эта история.

Ламское море было щедро к своим детям эвенкам: давало рыбу для еды, шкуры для одежды и жир для того, чтобы осветить чум длинными полярными ночами.

И вот однажды море прибило к берегу лодку. В ней лежал большой белый человек. Лицо его искаженное от боли говорило о нелегкой кончине, но не от голода и холода, а от муки душевной. Словно злые духи вынули его душу.

Все что приносило море, делилось в стойбище по старому неписаному закону. Староста выбирал малыша, уже умеющего говорить, ставил спиной к дарам, брал в руки вещь, а мальчик называл имя мужчины рода.

В этот раз вещей было не очень много: кожаные ботинки, куртка, штаны, все из мягкой черной кожи, патронташ с патронами, ружья при пришельце не было. И мешок.

В мешке том были не съестные припасы, а нечто живое.

В нем оказался очень истощенный от голода шенок, невиданной в этих местах породы. Самый опытный каюр ошупал шенка, и вынес свой приговор: «Не жилец».

Но пока шенок был жив, он оставался одним из трофеев этого дня.

Онгоче, хорошему охотнику, достался замечательный пояс с патронами.

Рядом с ним сидела его дочь, Бусинка, было ей уже двенадцать зим. Прошлой зимой потеряла она свою мать, та умерла родами. Не подарив мужу сына, ушла в страну вечного холода.

Шенок достался самому ненужному в стойбище человеку, Амарче, любившему огненную воду больше матери и отца.

Бусинка, дернула отца за рукав и умоляюще посмотрела в родные глаза.

И охотник не выдержал.

Он вернул патронташ, а вместо него взял мешок с полуживым щенком.

«Сердце его слишком размягчено от горя, а какой удачливый охотник был», - осуждающе почмокивая трубами, судили мужчины на совете.

Но Онгоче не было дела до их мнения.

Щенка принесли домой. Бусинка сама по каплям вливала ему оленьего молока, жевала оленьё мясо, и через две недели щенок, которого назвали Норче, уже бегал по стойбищу за хозяйкой.

Пес не подпускал к Бусинке ни взрослых, ни детей. Похож он был больше на волка, чем на собаку. И не лаял, как все собаки племени. Сидит, бывало, Бусинка вышивает себе рукавички бисером, подойдет пес положит лобастую голову к ней на колени и ну разговаривать: «Ууу-вуу-ав». И глаза у него были разного цвета: один голубой, другой коричневый.

Норче прекрасно ходил в упряжке, уже в годовалом возрасте его признали вожаком стаи и слушались беспрекословно другие псы.

Многие в стойбище начали завидовать Онгоче и его дочери. И даже говорили шаману, что пес этот посланник злого бога белых людей. Оттого, мол, у него и глаза разного цвета.

Но тот, чье имя нельзя произносить, вступился за пса: «Это подарок богов. Один глаз сморит на день, другой на ночь. Он никогда не проспит беду, если она вдруг придет в стойбище»

Вот так все и поверили, что сам старик Амака, бог верхнего мира послал детеныша маламута для охраны эвенков.

Конечно, в стойбище никто и не слышал, о такой пароде собак. Ведь род этих псов живет за Большой водой, на Аляске.

Однажды Бусинка встала рано-рано, и не дав Норче вкусной рыбки, запрягла в нарты вместе с двумя другими псами. Путь предстоял неблизкий. Решила девочка проведать своих братьев живущих в северной бухте.

День был солнечный, и хоть и март, но лед крепок. И воздух так чист, что казалось можно увидеть даже саму Америку. О ней Бусинка знала от отца. Тот не раз продавал шкуры купцам «Русско-американской компании».

Очень далеко от берега Бусинка увидела тюленя.

Девочке захотелось поближе рассмотреть живого тюленя, ведь отец никогда не брал ее на охоту. И она развернула упряжку к ледяному покрову.

Норче чутьем угадывал кратчайшую дорогу к невиданному зверю.

Но когда нарты были уже близко, тюлень скользнул в полынью. Бусинка разочаровано вздохнула, но тут на льду, что-то зашевелилось белое и пушистое. Это был бельчонок, детеныш тюленихи. Девочка остановила упряжку и соскочила на лед.

У белька огромные черные глаза, в них отражалось, казалось все: и нарты, и пес, и сама Бусинка.

Смешно перебирая лапами - «ручками», малыш подполз к девочке, приняв ее за маму - тюлениху. И когда Бусинка взяла его на руки и, сняв рукавичку, погладила по мягкой шерстке, он, ухватив ее пальчик начал щекоотно его сосать. Шло время, а Мама - тюлениха не возвращалась.

Недалеко была еще одна полынья, вода в ней забурлила, и на лед выбрался белый медведь.

Отряхнулся после воды, расплескал кучу брызг, и затрусил прямо к девочке. Собаки, все кроме Норче,

завизжали от страха и легли на лед в знак поражения.

Бельки ведь плавать не умеют, и девочка положила малыша в нарты и крикнула: «Я-ра-ра-рай».

Вожак своими острыми клыками поднял упряжных на ноги, приказывая им везти нарты.

И началась погоня. Четыре мощных лапы медведя против собачьих лап.

Несколько раз Бусинка чувствовала у себя за спиной смрадное дыхание зверя. И даже лапой замахивался полярный властелин, но смелый Норче не ведая ни страха, ни усталости вез свою маленькую подружку к берегу.

На берег уже вышли Бусинкины братья-охотники, и теперь уже медведю пришлось уходить от погони. Но белый медведь, зверь не только быстрый, но и хитрый. Нырнул в ближайшую оставленную рыбаками полынью, и где теперь вынырнет, кто же знает.

Так храбрый Норче спас свою маленькую хозяйку.

А белька, пришлось оставить в стойбище. Его маму не нашли, а другие тюленихи никогда не примет чужого детеныша.

Потом он вырастет и уплывет к своим братьям тюленям, но это будет другая история.

Ламское море (от эвенкийского лам — море)-Охотское море.

Тот, чье имя нельзя произносить-шаман.

Маламут-Аляскинский маламут. Мощная ездовая собака Аляски, название получила от племени маламутов.

Сказка о том, как Бусинка касаток победила

Стояли последние теплые дни. Скоро закружат метели, море покроется толстой коркой льда. И наступит долгая полярная ночь.

Время было готовиться к охотничьему сезону, скоро песцы, лисы и соболя поменяют свои невзрачные летние шубы на шикарные зимние, очень ценимые китайскими и русскими купцами. Но отец Бусинки, лучший охотник стойбища, заболел.

Бусинка позвала шамана, отдала тому за лечение вышитый бисером нагрудник, но камлание шамана не помогло, отец, все так же кашал, и жаловался на боль в груди.

Братья девочки приехать не могли, еще не было крепкого снега, да и кочевали они со стадами оленей в тундре.

Отец всю ночь беспокойно метался на оленьих шкурах, а утром впервые за много дней попросил поест, но ни оленины, а рыбы. И чтобы не сушеной - вяленой, а уха, из свежей морской рыбки.

Из всех ценностей в яранге было только ружье, но его отдать за уху Бусинка не могла. Да и ехать на рыбалку за свежей рыбой в такую распутицу, никто в стойбище не решится.

Запрягла тогда девочка упряжку псов, жожаком, конечно, Норче поставила. И погрузив с помощью соседей лодочку - каяк, отправилась к морю.

Если бы взрослый ехал, то непременно бы застрял в рыхлом мокром снеге. А Бусинка, маленькая девочка, еще и часто бежала рядом с упряжкой, чтобы псы не очень устали.

Вот, наконец, приехала она к Ламскому морю.

В море уже солнце окунулось по самую макушку. Пришлось разжигать костер и варить похлебку из оленины себе и псам. Потом закутавшись в оленью одеяло и прижав к себе верного пса Норче спать до утра.

Но все когда-нибудь кончается, кончилась и эта бесконечная холодная ночь. Солнце еще сохранило немного

своего летнего тепла, и от того на душе девочки стало светло и радостно.

Собрав все силы, подтащила она лодочку к кромке воды, а тут как раз отлив начался. Море стало уходить от берега, запрыгнула девочка в лодку, а за ней и верный пес, никогда не оставлял он подругу.

Отплыла лодочка от берега, а Бусинка уже невод в воду забросила и уговаривает духов моря, помочь ей рыбку поймать.

Села Бусинка на пригорок и залюбовалась волнами, в которых плескались тюленихи с детенышами. Учили мамы их плавать. Это на берегу тюлени увальни неповоротливые, а в воде они стремительны и ловки.

Тут из-за мыса показались три черные тени. Это касатка - мама своих двух близнецов учить охоте собралась.

Касатки, брат сестрой, огромные черные, с белым брюхом, словно играясь, выбрасываются с приливом на берег, на мелководье, и охотятся на глупых тюленьных деток.

Схватит их огромной пастью и ну играть, как кот с мышью.

Кричит девочка от жалости, а спасти тюленят не может. Уже и верный пес Норче бегаёт по берегу, и бесстрашно лает на касаток, да все тщетно.

- Минг, Минг, властитель морской, наказал ты меня, неразумную, забрал у меня лодочку, невод, что еще тебе дать, чтобы ты помог бедным малышам?

Тут море забурило, и в волнах показался сам дух моря - получеловек, полуморж. Голова человечья, из-за рта острые моржовые клыки торчат, а как на берег выйдет, хвост в ноги превращается.

- Это кто тут такой храбрый меня зовет? А всего лишь маленькая девочка. Ничего у тебя нет, что мне

надобно. Ну, так и быть, если сможешь скуку мою развеять, то помогу.

- А может, просто подарить мне гарпун или ружье?

- Нечего детям оружием баловаться, рано еще. Да и девчонка ты. Вот держи зуб мой волшебный, - снял с груди золотой клык моржовый, и протянул девочке. - Три раза обернуться в кого захочешь, сможешь. А может, просто домой попросишься, зачем тебе чужих детенышей спасать, тебя дома отец больной ждет.

Обрадовалась девочка, как про дом услышала, да отцу и братья помогут, или соседи, а кто же тюленей спасет?

- Хочу ежом морским обернуться, - прокричала Бусинка, и тут же по берегу еж покатился, прямо под брюхо малышам касаткам.

Да мама-касатка, увидела, да и проглотила Бусинку-ежа, даже не поперхнулась. Тут уж пришлось Мингу помочь Бусинке снова на берегу оказаться.

Превратилась Бусинка опять в девочку, задумалась, как же победить ей касаток. Решила в ворона обратиться.

- Преврати меня волшебный клык в птицу ворона.

И тут же увидела Бусинка у себя не руки, а два черных крыла, полетела она к касаткам, и ну их клевать.

Да только подплыла мать-касатка, да хлопнула по воде хвостом, и словно водопад смыл ворону - Бусинку в волны.

Очнулась уже на берегу, руки болят, спина болит.

- Ну, потешила старика, рассмешила. - Смеется дух глубин морских Минг.

Надолго задумалась девочка. Кто самый сильный в море-окияне? Кто самый главный?

Вроде и нет никого страшнее касатки. Но тут вспомнила она сказку, что ей бабушка рассказывала. О плавучем острове - малтаре. Так называют прибреж-

ные люди - синего кита, самого большого морского зверя.

Только подумала, а уже плывет она к берегу, синим китом. Огромное туловище, голова облака задевает.

Только фыркнула Бусинка - кит на касаток, как тех волной далеко в море отбросило. Скоро подрастут детеныши тюленей, научиться плавать быстро и стремительно, и не будет им страшна никакая касатка.

Так смелая девочка спасла маленьких тюленей. Отдала она богу морских глубин зуб волшебный, а за себя попросить постеснялась.

- За сердце твое доброе, верну я тебе и лодку, и попутный ветер попрошу тебя к родному берегу домчать. А еще полный невод рыбы дам для твоего батюшки. А может ко мне во внучки поедешь? Я тебя хоть в нерпу, хоть в касатку превращу. Будем с тобой плавать по морям океанам. А то скучно мне одному.

- Спасибо тебе великий дух моря. Всегда буду помнить о тебе, и детям своим будущим о тебе расскажу. Только лучше, чем по земле родной ходить, ничего быть не может. В море плавать хорошо, но слаше всего в родной дом возвращаться, где тебя всегда ждут, и не гасят огонь очага. Море - это твой дом, а мой дом тундра.

Вернулась Бусинка, а яранга полная гостей, тут и братья с женами и детьми. Отец, от радостной встречи на поправку пошел, Снохи рыбу почистили, уха наварили, и первую самую большую чашку духу огня Энекенбуга, потом отцу, и так далее по старшинству.

Заснула Бусинка, усталая, но счастливая, а во сне, плавала она с богом Мингом в море, а на шее у нее, на шнурочке, зуб золотой моржовый сверкал.

Бусинка и гора Алауг

Когда в тундру приходит зима, солнце уезжает на оленях по другую сторону земли. Наступает на севере полярная ночь.

Светит на небе, помогая всем охотникам и пастухам, верная Полярная звезда. По ней любой путник найдет дорогу домой, кроме тех, кто ушел навсегда к духам нижних земель, как мама Бусинки, красавица Горюнав.

Осталась девочка с отцом, братья ее уже обзавелись своими семьями, и откочевали с оленями далеко к холодному Ламскому морю.

Тепло в яранге, и совсем не страшно, ведь охраняют дом добрые духи.

Отец ушел на охоту и забрал всех собак, даже верного друга, пса Норче.

Некогда скучать девочке, даже полярной ночью. Ждут выделанные шкуры песца, оленей, в мешочках разобранный по цветам бисер. Надо расшить рукавички и нагрудники, когда пройдет зима, и солнце вернется на небо, будет большая ярмарка. На ней будут соревноваться мастерицы своими работами.

Сидит девочка на теплых шкурах, вышивает узоры.

И вдруг послышался ей голос мамы: словно зовет та на помощь. Заболело у Бусинки сердце, быстро надел кухлянку, меховую рубашку с капюшоном и меховые сапожки - унты, вышла за порог.

А на улице не зги не видно, небожители устроили соревнование, кто больше и дальше снега кинет. Бросают они снежок на землю большими лопатами - бушует в тундре буран. В такую погоду, лучше дома сидеть, но голос матери вел Бусинку прочь от домашнего очага.

Взяла девочка аркан, привязала себя к колышку яранги, чтобы не потеряться, и шагнула во тьму.

Отошла недалеко и увидела лебедя, только по клюву с оранжевой каймой и разглядела белоснежную птицу в снегу. Очень удивилась девочка, лебедю зимой в тундре, откопала, и, прижав к груди, понесла в ярангу.

Отогрелась птица у огня и, попив воды, заговорила человеческим голосом.

- Живет во мне душа матери твоей Горюнав, так сильно тосковала она по тебе, что дух верхнего мира дал ей новую жизнь в лебедином теле.

Бусинка вспомнила свои сны, в которых пела ей песни белая лебедь, а когда болела девочка, лебедь, обмахивала ее крыльями, снимая жар.

Узнали о поступке добрых духов, злые властители нижних земель и, рассердившись, наложили заклятье: «Не будет лебеди - Горюнав покоя, пока не принесет она кусочек от сердца горы великана».

А гору ту, айны - жители юга Камчатки называют Уякужачь, то есть Высокий камень, а русские прозвали Алаид. Была гора так высока, что мешала всем, заслоня солнце. Из-за этого ссорились с ней и люди и звери. И вот в один из дней, так захотелось горе покоя, что зашагала она к Ламскому морю, подальше от всех.

А там, где она стояла, образовалось великое Курильское озеро с теплыми источниками, богатыми рыбой. На берегах поселились тюлени, медведи, лисы, зимуют там и лебеди.

Где шел великан-гора потекла река из озера, которую так и называли Озерная.

На память о себе оставил Алаид остров - свое сердце.

Тоскуя о своем сердце, плачет иногда Алаид, и тогда гора превращается в вулкан, текут огненные слезы - лава, по его склонам, причиняя много бед людям и животным.

И вот захотели злые духи завладеть камешком

с острова - сердца, чтобы колдовством управлять вулканом.

А камешек мог взять с острова только тот, чья душа наполнена любовью.

Ничего этого не знала птица-лебедь. Поверила злым духам, что помогая Алаиду, станет она прежней Горюнав, женой и матерью.

Полетела лебедь к морю Ламскому, да не утерпела, развернула птичье крыло к родному дому, взглянуть на дочь, и пусть не успокоилось материнское сердце, но легче бы ему стало.

Попав в буран, сломала лебедушка крыло, и могла погибнуть в тундре, если бы не дочка Бусинка.

Очень хотела Бусинка, чтобы мама была снова с ней в мире людей, но для этого надо вернуть сердце Алаиду-горе.

Преподнесла девочка в дар огню кусочек лепешки и чашу наваристой оленьей похлебки, и попросила бабушку Энэкэн Буга, духа домашнего очага, превратить ее в птицу. В сполохах пламени появилось лицо духа огня, дунула Энэкэн Буга, и полетели искорки и прямо на Бусинку, но не обожгли, а превратились в перья. И вот уже не девочка, а полярная сова, сияет белоснежным оперением.

Взяла сова-Бусинка камешек в клюв и выпорхнула за порог.

Ночь была ясной, светила Полярная звезда, указывая путь.

Долго или коротко, но прилетела сова к Ламскому морю, и, подлетев к горе, бросила в узкое отверстие камешек, кусочек сердца великана.

Очнулся Алаид, и услышала Бусинка его голос словно раскаты грома.

- Спасибо тебе, отважная девочка, теперь никто не

назовет меня бессердечным. И перестану я страшить огненными реками людей и зверей, а буду жить рядом с ними в мире и согласии.

Не отдыхая, летела Бусинка назад, домой, ведь была уверена, ждет ее дома мама.

Но вот вошла она в ярангу, и что же видит, лежит у очага все та же белая лебедь.

Заплакала девочка, а дух огня ее утешает.

- Не плачь, Бусинка, даже духи бессильны вернуть душу из мира вечного забвения. Своей помощью горе Алаид, сняла ты заклятье злых духов с матушки - лебедя. Я вылечила крыло птице, но не печалься, будет лебедь с вами ждать окончания полярной ночи. А весной полетит к Курильскому озеру строить гнездо и птенцов растить.

Сделала Бусинка ожерелье-оберег для матушки-лебедушки и одела ей на шею.

В заботах и трудах прошла зима.

А в первый же день, когда показало солнышко свой оранжевый диск, выпустили Бусинка и ее отец птицу на волю.

Прощаясь, прокурлыкала лебедь послание для дочери.

- Бусинка, где бы ты ни была, знай, всегда будет хранить тебя моя материнская любовь.

По верованиям северных народов есть три мира:

Верхний-небо, где человек рождается, средний - земля, где живет, и Нижний мир-подземный, куда уходят души после смерти человека.

Ламское море - Охотское море

Алаид - каменный остров в форме сердца на Курильском озере, названный так русскими казаками.

Бусинка и Снежная волчица

Бусинка была еще маленькой девочкой, и никто не доверял ей оленю упряжку. Да и просто так ездить по тундре без дела, считалось дразнить злых духов.

В тундре ленивый долго не проживет, замерзнет. У охотника дело на охоту ходить, у пастуха олешков пасти. А что может маленькая девочка? Может следить за огнем, чтобы не потух, подбрасывать в очаг сушеный мох или ветки.

Зимой в тундре солнце не светит, наступает холодная полярная ночь.

Однажды Бусинка вышла за порог яранги за хворостом для костра, и встретила с обыкновенным чудом - северным сиянием. Слово боги верхних земель рассыпали бисер, и не спешили его собирать. А бисер разноцветный сияет и переливается в небе, словно манит за собой, горит и красным, и фиолетовым, и зеленым цветом.

Девочке вспомнила легенду, в которой влюбленный рыбак, хотел поймать северное сияние, чтобы подарить его капризной девушке.

Невод рыбак до неба докинул, да унесло полярное чудо, рыбака к себе в верхние земли, на небо.

Норче верный пес остановился, и, подняв голову, приветствовал искрящееся небо громким воем.

А Бусинка вдруг услышала сказочную музыку, и повиновалась волшебному зову полярного сияния.

Решила Бусинка набрать такого небесного бисера, вышить им кухлянку-шубку, и стать такой же знатной мастерицей, как бабушка.

Запрягла девочка собачью упряжку и по твердому снегу, насту, понеслась по тундре. Все дальше от родного дома Бусинка, и ее верные псы, а сияние не становится ближе. И края у земли нет.

По загоревшейся Полярной звезде поняла Бусинка, что

наступила ночь, что надо отдохнуть и самой, и псам. В тундре зимой и днем, и ночью темно, но в этот раз северное сияние, полнеба освещало.

Устали собаки, притомилась девочка, не разжигая, костра, пожевали жирной рыбки, и легли спать.

Разбудил их волчий вой.

Проснулась девочка села в нартах и видит, окружила ее упряжку стая волков. Легли псы в знак покорности, только Норче гордо оскалился, и вдруг заговорил:

- В тундре много дорог, найдите свою и спешите по ней, там ждет вас добыча покрупнее, чем маленькая девочка и ее псы.

- Мы пришли за тобой храбрый Норче. Слава о тебе достигла чертога нашей повелительницы Снежной волчицы. Зовет она тебя к себе в снежные просторы. Дай силу нашему волчьему племени, и храбрость.

- Мне дана моя жизнь, чтобы служить моей маленькой подруге.

- Как только Снежная волчица родит от тебя волчат, ты вернешься к людям. - Если захочешь. Но поверь, никто еще не менял свободу на ошейник, даже такой красивый, как у тебя.

Бусинка с удивлением поняла, что понимает, о чем говорят волшебные волки.

- А сможет ли ваша царица, Снежная волчица, подарить мне бисер, из которого вышито Северное сияние?

- Наша повелительница может все.

- Тогда и я поеду к ней в гости.

Сверкает в небе зимняя радуга, скачут волки, указывая путь упряжке.

Чем ближе к логову Снежной волчицы, тем мороз все сильнее и сильнее.

И хоть Бусинка одета тепло, но тяжело дышать, воздух становится тягучим словно, молоко оленихи.

Преодолев огромную снежную пустыню, Бусинка и

Норче прибыли к ледяному двору Снежной волчицы.

На огромном сверкающем троне сидела крупная волчица, с белоснежной шерстью, и синими глазами.

- Здравствуй храбрый Норче, и ты, его маленькая подружка. Будьте моими гостями.

- Королева волков, повелительница снега, твои слуги-волки сказали, что ты владеешь бисером, из которого вышито Северное сияние.

- Это так маленькая мастерица. Но этот волшебный бисер нельзя взять собой, только в моем дворце, ты можешь вышивать, то, что захочешь. Вот тебе клубок с бесконечной нитью, И игла, которая сама вдевает нить. Мои слуги проводят тебя, в твои снежные покои. А тебя Норче, я приглашаю на пир.

Бусинка отдохнула в своей ледяной комнате, а проснувшись, взяла в руки иглу и села вышивать себе шубку-кухлянку. Ее вчера подарила ей Снежная волчица.

В ледяных шкатулках лежал, светясь и переливаясь, бисер разных цветов.

И голубой, как небо, и зеленый, как трава, и желтый, как солнце.

Вышивает Бусинка и не замечает, что ни о Норче уже не вспоминает, ни о доме.

А ножки ее уже стали из снега, и все реже вспоминает Бусинка, кто она и откуда.

А верный пес Норче резвится, бегаем по снегу с волчьей стаей. Шутливо борется с белоснежной волчицей. Та все старается сорвать с пса ошейник, но он сделан из крепкой оленьей кожи.

Сидит Бусинка и за ледяными стенами, покрытыми инеем, не видит что солнце уже яркими лучиками, радует тундру. До тепла еще далеко, но и сильные морозы прошли.

Все ярче горит вышивка на шубке, все больше пре-

вращается девочка в снегурочку. Снег почти до пояса дошел, и рука левая снежная, холодная.

Еще немного и замерзнет ее маленькое горячее сердце, превратиться в кусочек льда, и забудет Бусинка своих родных.

Так бы и замерзла Бусинка, но спас ее верный Норче. В один из дней стал он отцом пятерых белых волчат. Имена детям дала сама Снежная волчица-мать:

Смелый, Хитрый, Умный, Сильный, Неутомимый.

Волчата пищат в логове, Норче и волчица облизывают их светлую шерстку, радуются малышам.

Вспомнил пес о своей маленькой подружке, и нежно взяв одного из волчат, за заливку понес показать девочке. Глухо заворчала волчица, но смирилась, думала, что замерзла уже Бусинка.

Пришел Норче к девочке, с сынком в зубах, и видит верный пес, что уже почти готова шубка, да только Бусинку не узнать.

Вся почти из снега, только сердце еще бьется, и глаза о помощи просят.

Подбежал пес, и принялся облизывать горячим языком Бусинку, словно своего щенка. И долго он старался, пока Бусинка не оттаяла. Растаял снег от жаркой дружбы и верности.

Вспомнила девочка и бабушку, и отца, и отчий дом.

А как сбежать от Снежной волчицы не знает.

Тут заговорил волчонок, как оказалось, это был Умный.

- Я слышал, что есть у матушки волчицы, ледяные олени, бегут без усталости. Их ни волку, ни медведю не догнать. А если сойти с нартов, превращаются в ледяные валуны. И не тают они даже под самым жарким солнцем.

Норче нашел во дворце этих волшебных оленей, Бусинка запрягла нарты, и, забрав с собой волчонок,

понесли Бусинка и Норче домой.

А волчица уже послала за ними вдогонку волчью стаю. Да, Умный все знал: «Воткни Бусинка иглу в нарты».

Девочка так и сделала, и стала упряжка невидимой. Так и доскакали по тундре, до своего стойбища.

Иголку волшебную Бусинка в игольницу на поясе спрята-ла. А олени, превратились в три ледяные глыбы у яранги.

Зашла девочка и к очагу присела, никто не удивился, и виду не показал, как рад. Не принято у северных на-родов ни печаль, ни радость громко проявлять. Толь-ко обняла бабушка внучку, похвалила вышивку, а отец, одобрительно покачал головой.

Норче своего сына упряжным премудростям учить решил, но Умный больше интереса к охоте проявлял. И тогда отдали его старшему брату Бусинки, знамени-тому охотнику.

Вот и вся сказка о девочке Бусинке и Снежной вол-чице, и Северном сиянии.

ТОМИЛОВ
АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ

Годы среди угэгейцев
(Рассказ в сокращении)

Моей жене, искренне любившей
те дальние земли, покрытые
вечной зелёной печалью,
посвящается.

Хотелось подвига! Ах, как хотелось подвига!

Хотелось больших и красивых людей, хотелось возвышенных чувств, хотелось всё трогать своими руками, и не просто трогать, а творить, создавать этими руками чудеса, удивлять Мир. Ну, если не чудеса, то хоть просто творить. Хотелось, чтобы тебя узнавали, хотелось доказать быстро и дерзко, что ты умеешь и можешь, всё можешь, и знаешь! Решать любые проблемы, стать руководителем огромного хозяйства и тебя будут уважать, даже любить. Но, ... но сначала нужно научиться всё делать самому, с земли, с росточка малого чуть живого и трепетного, научиться доказывать и продвигать свое, с трудностями, с невзгодами, а все будут видеть, как тебе трудно, но ты сильный, ты сможешь, ты всё преодолеешь. Как хотелось подвига!..

... Но мне сразу предложили стать заместителем начальника Хабаровского Краевого Управления охотничьего хозяйства. Ого! Это не просто должность, для кого-то это могло составить смысл всей жизни.

- Квартиру, пока однокомнатную, хоть завтра занимай, а немного погодя подберём что-то по рангу, -

начальник Управления, Хронов смотрел на меня пристально, как привык смотреть на людей безраздельно подчинённых себе. Я не знал за собой робости и не считал себя карьеристом, но такое предложение, было, честно говоря, неожиданным. Возвышало в собственных глазах, даже льстило, дураку, но внутренне я не был готов к столь высокому предложению.

Я чуть вытянул шею и расправил плечи, приосанился. Документы после окончания института и правда были завидными, что уж скромничать. И характеристика, всё-таки был секретарём факультетской комсомольской организации, и отзывы, и ректорская записка, но чтобы сразу такое предложение - не ожидал.

Он, наконец, прекратил меня гипнотизировать, отошёл к окну, и стал раскачиваться с пяток на носки, повернувшись ко мне спиной. Я проморгался, набрал полную грудь воздуха, и, чуть поёрзав задом в кожаном кресле, начал путано объяснять, каким я видел своё будущее, к чему готовился:

- Понимаете, я не потомственный сибиряк, я тайгу и горы впервые увидел на учебных практиках, когда учился. Я не знаю тонкостей производства и хотел бы начать с низов, хотел всё сам потрогать руками..., - и молчал ещё что-то о долге, о людях, которых должен узнать и понять... Наконец смолк, всё высказав.

Начальник Управления отвернулся от окна, медленно прошёлся по кабинету, обогнул чучело тигра, который удивлённо пялился на меня, остановился прямо у моих ног. Мне пришлось смотреть на него снизу вверх, с самого низа, в самый верх.

- Ты, наверное, не понимаешь, что я предлагаю то, о чем абсолютное большинство ваших выпускников никогда в жизни не будут даже мечтать.

- Нет, я всё понял, и бесконечно благодарен за оказанное доверие, но тем не менее...

Когда я выходил из кабинета, то затылком видел, как тигр покрутил кривым когтем у виска и покачал головой, нервно дёрнув хвостом.

* * *

Приказа о моём назначении не было. Была крохотная записка, на которой нервным почерком плюнулись несколько слов: «Лобанову. Это тебе. Позвони». И подпись: Хрон. Местом работы был определён Лазовский госпромхоз с центральной усадьбой в посёлке Бичевая. Название посёлка что-то всколыхнуло у меня внутри, но я успокоил себя, что это всего лишь кишки, а им особо доверять нельзя - мало ли по какому поводу они начнут колыхаться, возбуждая во мне подозрительность. И правда, посёлок оказался ничего, даже очень ничего! Здесь базировался крупный леспромхоз, и потому кругом были тротуары, добротные, ещё не старые дома, вполне приличные дощатые заборы. На центральной улице, в самом начале посёлка, стояла крашеная тёмной зеленью, контора. Я, видя это, приободрился, устроился в гостиницу, а утром был первым посетителем у директора.

О, это был большой человек! В прямом смысле слова. Огромное брюхо, наполовину лежащее на столе, широченные плечи, приличный рост создавали впечатление тесноватого кабинета, хотя по обе стороны приставного стола было расставлено около двадцати стульев. Большое круглое лицо, которое начиналось где-то на груди, встретило меня улыбкой. Причём улыбка была от плеча до плеча.

- Я уже жду тебя, говорят ты там на уши поставил всё Управление, ха-ха-ха!!! Ну, рассказывай...

Он, не разворачивая, бросил на стол записку Хронова и продолжал чревно похохатывать. Мы познакомились и довольно быстро и легко разговорились. К нашей

беседе вскоре присоединился и главный охотовед, во все времена я его звал потом Иванычем, мы даже крепко подружились с ним.

В этой же беседе Хронов сообщил мне:

- Я не могу послушаться начальника, и поэтому, ты поедешь работать в Гвасюги, но думаю, что вскорости, мы тебя выдернем оттуда, - людей с юмором мы ценим, ха-ха-ха!

Напутствие прозвучало так, будто «самодержец» отправлял в ссылку своего сына, ну, в крайнем случае, племянника - и жалко, и наказать надо.

* * *

Гвасюги,- национальный удэгейский посёлок. Посёлок довольно большой, имеет свой садик, школу восьмилетку с интернатом, поселковый совет, а возле него установлен памятник удэгейскому писателю Джанси Кимонко, который написал книгу под названием «Там, где бежит Сукпай».

Основное производство в посёлке - это охотничье хозяйство, где работали, практически, все жители мужского пола, или почти все. Население-удэгейцы и они подразделялись на два рода: Кялундзюга и Кимонко, но были и русские, и украинцы, правда, немного.

Стоит посёлок на красивейшей реке Хор, что берёт своё начало в отрогах Сихотэ-Алиня. Широкая протока разрезает посёлок надвое, довольно бурная и стремительная в половодье, она совсем безобидная, едва журчащая по камешкам, в жаркие летние месяцы, когда воды в ней остаётся лишь на четверть. Вплотную к посёлку подступает тайга - величавые кедры, островерхие ели, могучие тополя гордо соседствуют с избами поселенцев. Упомянув тополя, хочу отметить, что это не те привычные для городского глаза, стройными рядами

стоящие деревья, нет, это дикие тополя, в основании которых можно порой легко спрятать трактор. Именно в таких деревьях, как правило, делают себе зимние убежища-берлоги, гималайские белогрудые медведи, обитающие только тут, на Дальнем Востоке. Никого в этих краях не удивляет, что за огородом растёт реликтовый амурский бархат, или ценнейший, лекарственный элеутерококк. А весной дурнинушкой цветут липы - вот где мёду-то! Недаром многие из русских поселенцев держат пчёл.

Зверя тоже было предостаточно - и изюбрь, и лось, и кабан, и медведь, и запретный красавец тигр, и многие другие. А река Хор и все её притоки были в то время удивительно полны рыбой.

Вот именно в это благодатное место я и попал в начале семидесятых в должности начальника отделения Лазовского государственного промыслово-охотничьего хозяйства.

Первую свою ночь по приезду в Гвасюги я провёл в бичевском домике, стоявшем на берегу протоки, сунувшись обшарпанным крыльцом к самой воде. Прибежище сие считалось местной гостиницей, но жили там, в основном, временные рабочие, а попросту бичи, прибывшие сюда на заготовку ореха, ягод, корня элеутерококка, или просто перекантоваться зиму за счёт дружков.

Были и «побегушники», прячущиеся от алиментов или других житейских невзгод.

Мне выделили койку, но и предлагали устроиться на ночь в конторе, стоявшей рядом. От конторы отказался, там я ещё успею побывать, а вот в такой интересной компании провести время, - заманчиво. И правда, до глубокой ночи мы проговорили на местные темы, - кто, где, кому и сколько я уже знал. Правда, лишь теоретически.

Обитателей домика было трое. Они наперебой рассказывали мне всё, что нужно и не нужно. Один из них, кстати, был интеллигентного вида мужичок, с суетливыми, бегающими глазами. Оказалось, он раньше работал бухгалтером крупного леспромхоза. Было уголовное дело: ... Конечно ни за что... Ну, было присвоение, да разве постольку присваивают?.. Это же смешно, честное слово.

Была у него отсидка в местах не столь отдалённых, а потом радостное, досрочное освобождение. А откуда жена, проматывающая то самое присвоение могла знать, что его так рано освободят?! Она бы конечно приняла соответствующие меры, чтобы не волновать мужа...

- Подумаешь, любовник, да разве это любовник? Только пожрать, да выпить. Любовник...

Вот и забичевал бухгалтер, хлопнув дверью и начисто забыв тот адрес, куда так рвался в мыслях все годы отсидки. Закаруселила жизнь, завихрилась, а теперь уж не выпрыгнуть из этого вихря, - не из поезда.

Двое других, просто потерялись в жизни, просто сбивались с тропы. А может, и не было её, тропы-то, а сразу родились сбитыми, на обочине жизни родились, и шагают с тех пор по той обочине, спотыкаясь и падая, и лишь изредка, вытянув шею до хруста в позвонках, видят совсем рядом, ровную и красивую дорогу, целую дорогу, не имея под ногами даже тропы.

В конце концов, всё было переговорено, и дежурный, расставив капканы по углам комнаты, - крысы одолевают, - задул лампу, так как электричество в посёлке гоняют своим дизелем и лишь до полуночи.

... Утром у конторы толпился народ - прознали за ночь, что новый начальник приехал, это шофер всем рассказал, который привёз меня по первопутку. На знаком-

ство с работягами, с представителями власти, с пенсионерами, учителями и всем поселковым людом ушли следующие несколько дней и два года. Начальник отделения был здесь всем: милицией, прокуратурой, судом, пожарным, нянькой, школьным учителем и даже родовым шаманом. Любые вопросы от родин до похорон решались с участием начальника, а вернее сказать, без него не решались. Сначала это казалось немного смешно, а потом уже и грустно.

Удэгейцы, - это большие дети, которым нужен любящий и оберегающий родитель, способный простить любые провинности. Наверное, я не смог стать им настоящим другом, хотя поводырём был добросовестным; по крайней мере, уважение местных жителей было безгранично и решения мои, и распоряжения обсуждению не подвергались, а исполнялись как в армии, - беспрекословно.

* * *

Наступившая зима принесла с собой как тревожные заботы, так и радостные. К тревожным можно отнести разлаженное производство и спившийся коллектив, что было далеко не редкость в таких отдалённых, забытых Богом, углах Империи. На мои плечи легло жизнеобеспечение посёлка, а это дрова во все учреждения, учителям, пенсионерам; электроснабжение, снабжение посёлка продуктами питания и другими товарами и прочее, и прочее, и прочее. Кроме этого в тайге работало более пятидесяти штатных охотников, о которых я тоже должен был думать и радеть, - не дай Бог с кем-то что-то случится.

К радостным заботам относились такие, как заселение в новенькую квартиру, приезд жены и маленького сына, хлопоты по перевозке вещей. И самое интересное - начал охотиться.

Охотиться можно было прямо за огородом! И пушные зверушки, такие как соболь, колонок, горноста́й, белка, выдра водились в ближайших лесах и, надо отметить, в не малых количествах, так и охота на крупного зверя, которая очень меня привлекала.

Удэгейцы, работающие в промхозе, в основном были штатными охотниками. На самом деле это дети природы, и вне её их трудно представить. Ведь и американский индеец гораздо естественнее и красивее смотрится на коне, чем у компьютера, хотя и этого я не отрицаю. Вот и удэгейцы, в большинстве своём, работали в лесу, там жили, там проводили основную часть своего времени. Они были хорошими охотниками, в том плане хорошими, что они знали как нужно, знали, как поймать любого зверька, как выделать шкуру, как убить рыбу, где ждать кабана. Они без труда могли ночевать в лесу в любую погоду, на любом морозе, не представляли, как в тайге можно заблудиться, - знали и умели. Но... Но такое грубое вторжение «цивилизации» в их правила, в их быт и жизнь в целом, губительно сказалось на судьбе нации.

За пушнину, за панты, за корень жизни женьшень, купцы и китайские спиртоносы, в первую очередь предлагали спирт и водку. А удэгейцы народ лёгкий, доверчивый, не думающий о завтрашнем дне, - спивались. Не только семьи, но и целые стойбища. Да что там водка, простой вирус гриппа, занесённый в удэгейское поселение, порой опустошал тайгу на сотни и сотни вёрст. Не было у них иммунитета от «большой земли», а от водки тем более.

Спивались целые поколения, становясь всё слабее как умом, так и телом, особенно телом, а по сему и охотники, - знать-то, они знали как надо, и делали даже, но уже соревноваться в силе или выносливости с русски-

ми мужиками не могли. Особенно если эти мужики были либо фанатиками тайги и жили этим, либо рвачи, которые специально год качались, чтобы потом в сезон так рвануть как двое и даже трое соседей не смогут. Были ведь и такие, - по месяцу и более пластались по тайге без пищи, поддерживая себя лишь пантамами, специально для этого сваренными, женьшень искали, и находили, по сорок километров в день нахаживали, и каждый день, и каждый день, - вылезали потом из тайги как привидения, но в большинстве своем с победой.

Но, тем не менее, удэгейцы охотились, не торопко, но охотились. И получалось у многих очень даже неплохо. Это ещё ведь зависело и от участков, а за ними были закреплены дедовские, прадедовские, родовые охотничьи угодья. А русакам, да ещё приезжим хватам, доставалось уж что придётся, - победней да подальше. Поэтому в посёлке русские, в основном, работали по хозяйству, - кто на тракторе, кто на пилораме, кто на заготовке дров, пекарь был русский, на дизельной свет гоняли тоже русские...

* * *

Закончился охотничий сезон, охотники сдавали добытую за зиму пушнину и результаты не радовали. Я же сам ходил по ближайшим лесам и видел, что там есть и сколько, знал и чувствовал, что добыто значительно больше, но в те времена свирепствовал чёрный рынок, где пушнина сбывалась во много раз дороже.

Пришлось проявить характер, не мог же я допустить, чтобы доверенный мне участок не выполнил план. По тем временам план - дело святое. Лозунг был: «План - закон, перевыполнение - честь». Пришлось побегать по дворам, поклоняться охотничкам, и результат не замедлил сказаться. Уже на следующий день приёмный пункт

был буквально завален пушниной, участок сделал тройное перевыполнение плана. По мясу тоже отличились, и вообще, как только мы с бухгалтером появлялись на центральной усадьбе, на нас смотрели как на волшебников, - Гвасюги и вдруг!

... Весенний ледоход - удивительное, захватывающее зрелище. Река темнеет, как будто хмурится, несколько дней, сердится, раздувается и вот уже откуда-то сверху, издалека, доносятся раскаты, - будто гром, но раскаты не прекращаются, а уже сильнее и ближе начинает гудеть, поднимается ветерок и, запутавшись в прибрежных тальниках, посвистывает, кидает в лица зрителей, столпившихся на берегу, мелкую ледяную пыль.

А гул приближается, уже заметно подрагивает земля под ногами и люди начинают нетерпеливо вытягивать шеи в ту сторону, откуда идёт гул, ждут, что сейчас придёт огромный вал, распорет и раскромсает мозглявый пропревший лёд, но гул стихает, прекращает свои шалости ветерок, остаётся лишь затаённая тревога, - будет, всё равно будет! И действительно, на широком плёсе перед посёлком, происходит шевеление, снова нарастает и приближается тревожный гул. Эти звуки, рокот, будто бы проникают в людей, переминающихся на берегу, наполняют их неудержимым восторгом и трепетом. А лёд на реке начинает шевелиться, вздыматься и снова присаживаться на своё место, как будто там, под этим огромным одеялом просыпается невиданный доселе зверь, просыпается и не может, лишь лениво потягивается в предупредительной неге, но уже все знают, что он проснётся, обязательно проснётся. Теперь уже можно услышать и понять природу устрашающего гула, - это треск рвущегося льда. И вот уже сдвинулась самая середина реки, пробороzdила десяток метров, прогрохотала и снова замерла огром-

ной, безвольной массой, а гул и треск теперь уже доносятся снизу. Подвинулась река, теперь пойдёт, будет помаленьку размывать и отламывать малые и большие кусочки льда, перенося их с одного места и прилепляя к другому, будет наливаться от этого же льда силой, пока не накопит её столько, чтобы приподнять свой подточенный и разломанный панцирь, и уж волочь его, не останавливаясь более. От этого всепобеждающего движения далеко на берег выталкиваются толстенные, многотонные льдины и потом долго, до зелёной травки, жалобно плачут, устаивают под весенним лучистым солнцем.

В гвасюгинской протоке ледохода не бывает, она спокойно пропревает, протаивает. Весенне-грязный лёд много дней портит местный пейзаж своей неопрятностью, выставляя напоказ скрытые зимой помойки, кучки ядовито-зелёных бутылок, и прочую дрянь, вплоть до дохлых собак. Но всё это, в конце концов, смывается половодьем,- приходит большая вода, - это в верховьях начали обильно таять болота. Эта вода уносит все безобразия, очищает галечные берега и даже сносит переходной расхлябанный мостик, и теперь долго через протоку все будут добираться на лодках да оморочках.

... Зря старая удэгейка, баба Уля, умерла именно в это время, в половодье, когда шалая вода наполнила деревянную протоку до краёв. Если бы она знала, как её будут хоронить, лучше бы потерпела немного. А теперь как её перетаскивать на ту сторону, на кладбище, - вода совсем дурная прикатила, надо, наверное, для храбрости угостить мужиков хорошо. Угостили. С трудом умостили гроб в оморочку,- это маленькая, очень вёрткая удэгейская лодочка, и один из молодых охотников повёз старушку в последний путь.

Течение действительно было сильное, тут уж без

прикрас, оно всегда здесь весной сильное, хорошо хоть рядом ещё одна оморочка поплыла, там двое ребят сидело, тоже смелые охотники, это они выловили гроб, когда тот вывалился на струе. Правда свою оморочку они спасти не успели, отпустили по течению, зато гроб к берегу притянули и за кусты привязали, - сил вытаскать на берег не было, - ладно хоть сами не утонули, пьяные же. Переправившись обратно, похоронщики решили, что теперь уж всё равно, торопиться некуда:

- Обсохнем хоть чуток, а там видно будет, может, и завтра закопаем, главное из дома вынесли.

Начался процесс поминок. Этот «праздник» может затянуться надолго, если есть на что поминать. В данном случае видимо было на что, и бабушка Уля полоскалась в воде до самых «девятин». Благо речка весной холодная и инцидента не произошло, - схоронили в конце концов культурненько, правда, без процессии. Быстро унесли и уж не поминали больше.

* * *

Так вот, оморочка - это малая лодочка, предназначенная лишь для рыбалки и охоты, она очень лёгкая и вёрткая. Нужно обладать немалой сноровкой, чтобы плавать на оморочке.

В противовес этому лёгкому флоту у удэгейцев были тяжёлые, огромные лодки - баты. Баты, это невероятно, на первый взгляд, длинные, долблёные лодки. Предназначены они лишь для грузовых перевозок, для дальних путешествий, когда барахла всякого набирается очень много. Изготавливаются баты - а вернее изготавливались в недалёкие времена, а теперь уж, поди, и мастера ни единого не сыскать - из цельного дерева, как правило, из тополя. Тополь выбирается весьма прямослойный и удивительно прогонистый. Конечно, и толщина

обязательна, она должна составлять не менее полутора обхватов. Выпиливается такой внушительный су-тунок длиной около пятнадцати шагов и перекачивается к месту работы. Обдирается кора, проводится тщательный осмотр и размечивание. Специальными топорами начинается выдалбливание внутренней части. На это уходит немало времени, в несколько дней не уложишься. После того как основная часть лишней древесины удалена будет, сверлятся мерные дырки по всему дну и бортам. Это для той цели, чтобы лишка не вырубить, не перетончить дно или борта. Впоследствии в дырки те забиваются добрые чёпики из сухой древесины, и, размокнув в воде, они не заметны вовсе и течи не дают.

Когда же бат по всем размерам вырублен и выструган, начинается очень серьёзная работа по разведению бортов. При неумении или торопливости можно всё испортить в один миг.

Лодка устанавливается на козлы и под ней разводятся костры, которые будут разогревать дерево, но не должны его жечь. Готовится горячая вода в больших количествах и внушительными квачами, чтобы не пожечь руки. Размачивается весь корпус лодки. Процесс длительный, необходимо прогреть и распарить корпус посуды до такой степени, чтобы борта можно было развести, не надломив и не надтреснув, и распереть заготовленными колышками - копыльями.

Затем много времени уходит на высушивание лодки, ведь при полном высыхании она может покоситься на ту или другую сторону. Необходимо укарауливать эти моменты и, прибегая к разным хитростям, удерживать лодку в правильной форме до полной просушки и закрепления.

Для долгого служения некоторые хозяева в конце ещё

огнём сглаживали все заступры, а некоторые просто затирали всё дно расплавленной смолой, и бат такой многие годы служил верой и правдой своим хозяевам.

При дальних кочёвках стойбища в бат можно было загрузить весь семейный нехитрый бутор. Это и разобранные жилая и хозяйственная юрты, и все спальные принадлежности, такие как одеяла, матрацы, шкуры. Загружалась вся одежда, посуда, провиант. Сверху усаживалось пять-семь детишек, да пара стариков. В нос лодки, как и в корму, вставали шестовики, они и толкали бат хоть против течения, хоть вниз, - по течению реки. Вниз конечно легче, но и против течения, а оно в тех местах весьма быстрое, лодка шла удивительно легко и споро.

Парни, управляющие ходом, шутили, что мол, один раз толкнись шестом и можно трубку выкурить, пока посудина потеряет ход.

Добрые были лодки. Теперь уж таких нет. Из досок делают. Да на них не больно-то на шестах походишь, так, разве что по течению, а вверх только на моторе.

* * *

Весна и начало лета привносят в жизнь людей замечательные изменения, - заботы огородные, пчеловодные, садоводческие, изменяют сам облик посёлка, расцветчивают. Растёт же в тех местах, всё дурнинушкой, влажный и тёплый климат способствуют этому. Любой овощ, семечком брошенный в землю, к осени заставляет удивляться и радоваться самых нерадивых хозяев. А уж если поухаживать, прополоть, да подрыхлить земельку, вообще напрёт, что и в подполье не уложишь. Отзывчивая на уход и дюже благодатная земля в тех краях.

Удэгейцы же, не обременяют себя огородными заботами, за малым исключением они с приходом тепла

выселяются из посёлка на речные, вольно обдуваемые всеми ветрами, песчаные косы. Привольно и весело жить на реке! А как радуются этому переселению малые ребяташки, - удочки, остроги, луки с настоящими стрелами, - их постоянные занятия. Постепенно коса обживает, на ней всё больше и больше вырастают временных построек, как жилых, так и хозяйственных. Потом появляются шесты на рогулинах, увешанные крупными рыбаками, - это начинается заготовка рыбы на зиму. Рыбу, а в основном это ленки, пластают по хребту и, развернув, вялят на солнышке. Когда повезёт, устанавливаются такие же шесты с пластинами мяса, - ох и вкусна вяленая изюбрятина! За лето стойбище несколько раз меняет свою стоянку - люди переезжают в рыбные, более кормные места.

Часто бывая в таких летних поселениях удэгейцев, я всегда видел лишь радушие с их стороны и непоказное гостеприимство:

- О-о, начальник приехал, проходи, пожалуйста, отдохай, сейчас ленка убьём, талой угостим.

И уже забегали женщины у костра, поторапливая вздувающих вялый огонь ребяташек, разогревают чай и стряпают свежие лепёшки, а кто-то из мужчин, берёт острогу и спешит на берег. Он действительно убивает там ленка, как будто тот специально стоял и ждал этого, приносит его, изгибающегося дугой то в одну, то в другую сторону, и делает замечательное угощение - талу.

Тала, - это освобождённая от кишок и костей тушка ленка, особым способом нарезается острым ножом на деревянном лодочном весле, заправляется солью и перцем покруче. Едят это угощение прямо руками. И готовить талу нужно непременно на лодочном весле, - вкуснее.

Привольно живут удэгейцы летом, да они вообще

привольно живут, и летом и зимой. Часто даже не знают, какое сегодня число месяца, какой день, да что там день, месяц могут не знать.

- А зачем нам это?

И действительно: зачем? Они веками жили так, и это им нравилось, и сейчас нравится, ну и пусть живут.

... Река Хор, в те годы была удивительно богата рыбой. В любой день, после работы, я садился в лодку, отскакивал на моторе вверх, против течения, километров на десять, и спускался самосплавом домой, бросая блесну спиннинга то под один берег, то под другой. И за этот час налавливал рыбы столько, что и за неделю не съесть, а рыба какая отменная, - ленок, да таймень.

Однажды в гости к нам приехал начальник управления, тот самый Хронов, и жена угощала его котлетами особого приготовления. Он был несказанно удивлён, когда узнал, что котлеты те не мясные, а приготовлены из тайменя:

- Такой вкуснятины ни в каком ресторане не отведаешь!

Наутро, прощаясь, он снова спросил меня:

- Ну, что, не надумал ещё в город перебраться?

- Пока поработаю, а там видно будет.

В сердцах сплунув, Хронов забрался в глассер, на котором приезжал в эту глухомань, и рокот мотора эхом разнёсся по ближним, дремлющим под летним солнцем, распадкам.

* * *

Летние хлопоты не дают разнежиться, распариться, окунуться в беззаботность и леньность ласковых и тёплых дней, не позволяют забыть, какое сегодня число и какой месяц, - не удэгеец ты, не имеешь такого права. Уже нужно готовиться к следующей зиме, закан-

чивать ремонт садика и пекарни, поторапливаться с реконструкцией пилорамы, а тут ещё заготовки лекарственного сырья, ягод, грибов, орехи на подходе. Охотников нужно в тайгу завозить для ремонта зимовий и строительства новых, да и к охотничьему сезону нужно начинать готовиться.

... Трактор в посёлке был единственный - С-100. Год выпуска определению не поддавался, но можно было смело предположить, что родом он из тех ударных-легендарных, лихих красных пятилеток, когда если что-то делали, то делали на совесть и на века, когда даже сомнения ни у кого не возникало, что трактор этот делается именно для воздвижения и утверждения развитого социализма.

И надо отметить, что с задачей своей трактор справился с честью, но теперь от него требовали, чтобы он ещё и коммунизм заодно уж построил.

Тот как бы даже постарел сразу от таких требований, закапризничал больше чем прежде, начал как-то погромыхивать ненормально, а когда ехал по деревне, то время от времени кидался в правую сторону, испуская при этом ужасные запахи в кабину, ладно хоть стёкол давно не было, и дух скоро выветривался. Всё это огорчало смиренного и вечно чёрного от мазута тракториста Николая.

Конечно, огорчало, а как:

- Ведь только летом всего до косточки перебрал, ну какого ляда ему не хватает? Опять что ли сцепление? Вот точно, въеду в пень, и тогда хай его, сразу новый дадут.

Николай более десяти лет грозится въехать в какой-то, одному, ему знакомый, уже ставший легендарным, пень, но все бывшие и нынешние начальники его не отговаривают, а наоборот дают добро:

- Конечно въедь! Сколько ты терпеть можешь, хоть новый трактор дадут..., правда тебе уж на нём не ездить, коль пеньки начнёшь собирать, кто же тебе новую технику доверит.

Плюнет в сердцах Николай и дальше мучается на своём выдавшем виды тракторе, наваживает на всю деревню дров, обеспечивает пилораму, по хозяйству, всю транспортную работу делает, особенно в распутицу. Неотказный мужик, но уж как загуляет... Это точно неделя из всех графиков выпадает! А жена его, вместе с семерыми ребятишками по всей деревне схоронки собирает, прячется от мужика крепко-накрепко...

И вот решил я добиться хоть какой-то техники для участка, не ждать же на самом деле, когда Николай «в пень въедет». Приехал в Бичевую, пришёл к директору и выложил ему желание иметь на участке новенький трактор, а лучше два. Он внимательно меня выслушал, поворожал хитрыми глазками, под густыми бровями, что-то сообразил, пожевал губами и согласился:

- Берц, два берц, только есть одно «но».

- «Но»? Какое?

- Ты же знаешь, в промхозе нет свободных, и тем более, новеньких тракторов, но я знаю, где их взять. Вот и возьми сам, если смелости хватит, ха-ха-ха.

И он поведал мне, что хорошо бы съездить в Хабаровск и прорваться в Крайисполком, в отдел по народам севера:

- Ведь ты начальник отделения в национальном посёлке, удэгейцы - это малая народность, они должны пользоваться определёнными поблажками - льготами со стороны государства. Вот и действуй.

- А что, идея заслуживает внимания.

На следующий день я был в Хабаровске. Что-то подтачивало меня, было какое-то чувство, видимо седьмое, подсказывающее:

- Не суйся без разрешения, не прыгай через голову.

И я решил согласовать свои намерения с Управлением, хоть и разрешил мне директор, но всё же Управление, - это всему голова.

Добравшись туда, я не застал на месте начальника, но времени терять не хотелось, и я зашёл к одному из начальников отдела. Это был далеко не старший ещё, но, на мой взгляд, «устаревший» типичный начальник отдела. К лицу его плотно приклеилось стандартное выражение важности и значимости, не стирающееся даже дома, поэтому и дети не лгнули к нему, а старались быть незаметными в его присутствии, - дабы не мешать папе.

Поговорив о том, о сём, сообщил, что собираюсь нанести визит в Крайисполком. Он удивился очень, но после моего более подробного рассказа, как будто согласился. Ещё о чём-то поболтали и я исчез.

В холле Крайисполкома стоял важный, крайисполкомовский майор милиции, который сразу меня тормознул, и я долго и сбивчиво объяснял ему, кто я и с какой целью пришёл. Он мне подробно рассказал, как попасть на приём к председателю комитета по народностям севера. Это всё очень просто, оказывается: нужно изложить в письменном виде свою просьбу или жалобу, сдать эти бумаги дежурному. Тот после рассмотрения, если посчитает нужным, передаст их в секретариат комитета. Там на очередном совещании вопрос рассмотрят, если посчитают нужным, то передадут одному из заместителей председателя комитета. А уж он (!) либо будет решать вопрос, либо закажет вам пропуск для личной встречи. Всё быстренько и счастливо разрешится в течение месяца-двух.

- Нет, это мне не подходит, я приехал с самого крайнего севера,- безбожно врал я во имя достижения бла-

гой цели, - да к нам самолёт только раз в месяце летает, и то лишь когда повезёт, когда погода позволяет, а так всё туманы и туманы. На самом же деле, самолёт к нам вообще не летал.

Майор почесал в затылке, что-то прикинул:

- Если туманы, то я даже не знаю, как быть. Пойдём к дежурному, посоветуемся.

В крайнем кабинете сидел молодой, белобрысый паренёк, с растянутой до ушей улыбкой. Я сначала даже подумал, что он меня узнал, и сейчас кинется обниматься. А сам лихорадочно пытался вспомнить, где мы с ним виделись, или даже дружили, но не мог. Не было этого.

Парень выслушал майора и отпустил его дальше нести службу. Не переставая улыбаться, попросил меня рассказать всё по порядку. Он чуть замялся, когда узнал, что я почти не согласовал свой вояж с начальством, но снова улыбнулся и начал кому-то звонить по одному из телефонов. Пересказывал мои проблемы, хмыкал, снова кому-то звонил, наконец, положил трубку и сказал:

- Не получается, в лучшем случае через пару дней.

- Нет, мне сегодня надо, я же завтра улетаю.

- Может «самому» позвонить, а?

- Так, а вы с кем говорили?

- Такие вопросы его замы решают.

- Давай, звони, я сам поговорю.

Улыбка у парня стала ещё шире, а глаза азартно заблестели:

- Вот это по-нашему, это я люблю, только не тужишься!

Он набрал номер, чуть послушал и передал трубку мне. Я не стал объяснять важному и усталому голосу, кто я такой и что мне нужно, а лишь уговорил его на личную встречу, на пять минут, мотивируя это полномочиями, данными мне людьми:

- Меня к вам люди послали, удэгейцы. О результатах своей поездки я буду отчитываться перед большим собранием. Расскажу, как встретили меня, как выслушали, как поняли.

Трубка телефона долго молчала, сопела, выражая недовольствие, потом буркнула:

- Подождите, - и раздались гудки.

Парень на протяжении всего разговора радостно улыбался, глядел на меня как на волшебника, а когда я опустил трубку, заодно махнув рукой, воскликнул:

- Вот так, знай наших!

Мне трудно было понять, чему он так радуется, но настроение у меня тоже повысилось. Вскоре в кабинет вошёл молодой милиционер с лейтенантскими погонами, проверил все документы, какие только у меня оказались с собой, извинившись, похлопал меня по бокам и штанинам и попросил следовать за ним.

Комитет по народам севера находился на четвёртом этаже. В приёмной председателя сидели секретарши и озабоченно стрекотали на машинках. При нашем появлении они прекратили трескотню и уставились на меня как на динозавра. По крайней мере, выражение их лиц было таковым. Я ласково, насколько позволяли мне сведённые напряжением скулы, улыбнулся им и шамкнул как селезень во время весенних брачных игр:

- Здрас-с-с-те.

Но, наверное, моя улыбка действительно была скорее похожа на оскал динозавра, так как женщины лишь чуть вздрогнули, а ответить и не догадались.

Лейтенант пропустил меня в кабинет и плотно прикрыл дверь.

Я снова поздоровался, но хозяин кабинета вряд ли меня слышал. Он был так далеко, что до него можно было смело ехать на мотоцикле - таким огромным пред-

стал передо мной кабинет «северного» начальника. Вдоль стола стояли стулья с вызывающе высокими мягкими сиденьями, а сам стол, разделяющий кабинет на две половины, был столь широк, что на него можно было сажать самолёты малой авиации, даже в плохую погоду.

За другим столом стоящим поперёк кабинета сидел скрюченной козявкой уткнувшийся в бумагу старичок. На приставном столике возле него под правой рукой были телефоны, штук десять, наверно. Я решил, что нужно подойти ближе и, сделав первый шаг, тут же остановился - нога утонула в непривычно мягком ковре. Пересилив себя, всё-таки прокрался поближе к старичку и уместился на краешке стула.

Хозяин кабинета оторвался от бумаг, расправил плечи и вперил в меня твёрдый и холодный как кусок льда взгляд. Нет, это был не старичок, и как только могло такое в голову прийти. Он и в старости вряд ли старичком будет, уж, в крайнем случае, стариком возле которого дети бегом не посмеют пробежать, только шагом и без улыбок.

- Ну? - выдавил он, и мой зад едва не соскользнул с краешка стула. Так вот почему так смотрели на меня женщины в приёмной! Они смотрели на меня как на сумасшедшего, потому как нормальные люди в неприёмные дни, да ещё без предварительной записи, в этот кабинет не ходят.

Я начал что-то торопливо, помня о пяти минутах, рассказывать и вдруг в голову пришла мысль о том, что дядьку этого я больше не увижу ни разу, и будь он хоть в каком гневе - дальше Гвасюгов меня не загонит. Страх, а вернее мандраж, сразу исчез и дальше разговор был деловой, правдивый и нужный обеим сторонам.

Давно уже прошли отпущенные мне минуты, а я всё рассказывал и рассказывал о жизни удэгейцев. Хозяин

кабинета с удовольствием слушал, что-то записывал, что-то переспрашивал. В конце беседы он встал, прошёлся по ковру:

- Конечно, тракторов у меня в гараже нет, и я не волшебник, но до начала зимы что-нибудь придумаем, - он пожал мне руку и продолжил с улыбкой - А Хронов говорит, что тебе никто полномочий не давал

- Хронов же не удэгеец, откуда он может знать.

... Осенью мы действительно получили пару тракторов, правда не новых, а с капитального ремонта, получили дизель для электростанции, получили две лодки новые и подвесные моторы к ним. Лишь через два года, когда я уже работал главным охотоведом в Бичевой, я узнал, что получили мы тогда малую часть выделенного. Так, например, две легковые машины, типа УАЗ, вообще остались в Управлении, а центральная усадьба присвоила себе ещё один наш трактор и грузовую машину, кроме этого лодки, моторы, снегоходы. Но так было всегда, и обижаться на это просто глупо.

* * *

Лето всегда короткое. День длинный, а всё лето целиком, - короткое.

Для завершения многих намеченных дел, для всего задуманного, лета катастрофически не хватало. На моей шее висело тяжелейшим грузом строительство гаража на пять боксов и мастерской. Опыта строительного не было никакого, как впрочем, не было вообще жизненного опыта. Всё подменяла молодость, кипящая выплёскивающаяся через край энергия. Только это спасало и поддерживало, а ещё уверенность в себе и в то, что мы действительно творим что-то невероятно нужное, великое, творим будущее.

Помогало желание подвига, верилось, искренне ве-

рилось, что мы его совершаем. Казалось, нет, не казалось, мы точно знали, что все наши усилия идут на пользу чему-то большому, огромному, и имя ему - ГОСУДАРСТВО.

Даже на центральной усадьбе, где и техника есть строительная и инженеры и вообще всякая приспособа имеется, такой гараж строили два года и лишь на третий ввели в эксплуатацию. Мы же сумели построить и запустить свой в одно лето, да ещё и оборудовали его по первому разряду.

Дело в том, что в двух десятках километрах от посёлка стоял леспромхоз и как раз в это время он закрылся, сворачивал свою деятельность. Пара визитов к директору, душевная беседа у костра, красивая рыбалка и, пожалуйста, - он подарил нашему новому гаражу токарный станок, а там прицепом пошёл и сверлильный и даже фрезерный, какого не было и на центральной усадьбе. Гараж получился отличный, практически любую деталь теперь можно было отремонтировать, а это давало огромные преимущества в отдалённом глухом посёлке.

... К осеннему периоду селяне готовятся очень серьёзно. Как и весной просушивают и смолят лодки, растягивают по берегам и чинят залежавшиеся, не нужные летом невода. Осенью, перед ледоставом, нужно успеть наготовить на зиму рыбы, и не просто рыбы, а кеты. Да, да, именно кета поднимается по Хору на икромёт.

Протока, на которой стоит посёлок, в хорошие годы забивалась икряной кетой втугую, добывать тогда рыбу не составляло большого труда. Но пришли в глухомань леспромхозы, начали молевой сплав леса по хрустальным таёжным рекам, начали драть берега и мелководные плёса гусеницами тракторов сплавные конторы, радужные пятна соляры на воде приводили в уныние не

только рыбу, но и самих людей. Поубавилось с тех пор рыбки, то ли тёрки кетовые нарушились, затянулись илом да хламом наносным, то ли воды меньше стало из-за вырубленного леса. Да причин можно много найти, но факт - рыбы не стало. И всё же, как бы там ни было, а жители посёлка обеспечивали себя и рыбой на зиму и зрелой крупнозернистой икрой.

Многие удэгейцы удивительно виртуозно владеют остройгой. Мне приходилось видеть, как во время охоты на кету, парни бросали это зубастое копьё на расстояние десять-пятнадцать метров и безошибочно поражали рыбу. Это достигается настойчивыми многолетними тренировками, начинающимися в раннем детстве. Они добывали таким способом рыбу для дела, не ради дикой страсти. Эта рыба обеспечивала их всю долгую зиму во время промысла, и для собак, и на приваду, да и семьи кормить надо, родители-старикаи их тоже жили в Гвасюгах.

* * *

Как-то весной подводились итоги соревнования между участками, между отделениями, между промхозами. Я знал, что этот год мы сработали неплохо, даже может быть лучше, чем неплохо, но что мы займём одно из первых мест в республиканском соревновании, честно говоря, не предполагал. Меня включили в состав делегации для участия в республиканском совещании передовиков, которое состоялось в красивейшем уголке Сибири, в городе Дивногорске близ Красноярска, рядом со знаменитым заповедником «Столбы».

Совещание было широкое, красиво и богато обставлено, мы получали призы и премии, знакомились друг с другом, хвастались, расхваливая каждый «своё болото». И вот там меня свёл случай с человеком, который

изменил мою судьбу, перекроив её на свой лад. До сих пор не могу определить для себя, - жалеть мне об этом, или радоваться.

Это был директор одного из Камчатских госпромхозов, он настойчиво начал меня обрабатывать, уговаривать поехать к нему на Камчатку главным охотоведом. Я отказывался, но сломил мое сопротивление, внушив, что и там, на самой краешке земли, нужны добровольцы и патриоты. У меня уже возникло чувство вины за то, что у них там на Камчатке так трудно и плохо, что они так далеки и брошены, ну почти брошены. Я ощутил на себе ответственность за тех далёких, ещё не знакомых, даже не встреченных ещё людей. В конце концов я согласился.

- А что, действительно, почему бы и не попробовать, не построить... И вообще, как хочется открывать новые земли. Нет, нет, не так, открывать новые Земли! А море, море такое большое, наверное, даже огромное. Я никогда не видел, как безмерно вздымаясь оно с рёвом летит навстречу и вдруг рассыпается у твоих ног ласковой волной...

Может и правда, именно там меня ждёт мой несовершенный подвиг.

Ах, как хотелось подвига! Ах, как хотелось...

ТОМИЛОВ АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ

Соленая степь

Вообще люди очень дорожат своей малой родиной. Не просто так же она называется родиной. Дорожат и сохраняют память о ней, память о природе, об окружении, о деталях, которые были рядом, когда человек только начал осознавать себя. На всю жизнь эти детали, видения, родные запахи становятся дорогими. Становятся именно той отметкой, от которой и началась жизнь...

И пусть это холодный, промороженный север, или дикая дальняя тайга, знойная пустыня, или вот как в данном случае степь. Если это родина, то милее этих мест и быть не может. Всю жизнь, до глубокой старости, человек будет помнить те места, будет уверен, что именно там, на родине, ему было очень хорошо. Лучше и комфортнее, чем где бы то ни было.

Рождённым в степи кажется, а может так оно и есть на самом деле, что лучшего места просто и придумать невозможно. Нет на земле лучшего места, чем степь! Они и не помышляют о жизни в каком-то другом месте, они фанатично влюблены в свои степи, верны им на всю жизнь и относятся к родным местам очень трепетно, даже нежно.

А как не любить степь? Возможно ли такое?

Весной, когда в оврагах ещё встречается грязный, пожухлый, ноздреватый снег, на прогретых солнцем буграх начинается буйноцвет. Зелень покрывает эти шапки, а сквозь эту яркую весеннюю зелень уже протискиваются, уже простреливают самые разные, но все одинаково нежные, ласковые цветы.

А проходит лишь несколько тёплых деньков и зелень уже заполонила всё видимое пространство, уже закрasila все самые потаённые, самые рыжие балки и овраги. Теперь уже вся степь покрылась нежной зеленью, в которую хочется повалиться, раскинув руки, и лежать так бездвижно, уставившись в глубину тёмно-синего неба, лишь изредка испачканного белёсыми облаками. Лежать не шевелясь и прислушиваться к звукам степи, пытаясь угадать их: это кричит гагара на соседнем болоте, это свистят суслики, вытянувшись столбиками возле своих нор, а это стрекочут кузнечики, затягивая свой круглосуточный концерт на всё лето. А там, в вышине, затянул свою трель жаворонок.

И вот уже цветёт, буйно и бескрайне цветёт вся степь. Какое это зрелище! Какой это дурманный аромат! Отдельные участки степи полностью покрываются цветущими маками. Даже глазам больно от такой красоты и красноты. Степь цветёт...

Жангир был коренным горожанином. И он, и его родители родились и жили здесь, в большом и красивом городе, где тысячи машин постоянно урчат моторами, шуршат шинами по асфальтированным дорогам и нескончаемый поток людей спешит в одну и другую стороны по тротуарам. А ночами город сияет всеми цветами неоновых раскрасок. Это красиво, но очень привычно и не удивительно.

Кайрат теперь тоже живёт в этом замечательном городе, хотя родиной его была степь. Там, в степи живут все его родные. И он будет жить в степи, вот выучится и уедет домой. Как же иначе? Он очень любит свою степь и скушает по её просторам, ароматам. Ждёт встречи с ней, как влюблённые ждут встречи друг с другом после разлуки.

Жангир и Кайрат прошлой осенью поступили учиться

в один институт и, так уж случилось, что судьба свела и сдружила их.

Жангир с удовольствием рассказывал о своём городе, показывал его достопримечательности. И с не меньшим удовольствием слушал рассказы друга о степных просторах. Кайрат рассказывал, что его отец занимается овцеводством. Что любой степной казах имеет не по одному коню, что они очень дружны со своими конями и преданны друг другу.

Когда ему, Кайрату, исполнилось 8 лет, отец подарил ему жеребёнка, молодого, длинноногого жеребчика с яркой белой звездой во лбу. Кайрат сразу хотел назвать его Другом, но отец сказал, что настоящий конь должен называться так, чтобы в его имени звучали имена предков. Взял прутик и долго что-то писал и чертил на песке перед юртой. Потом встал и объявил, что жеребчика зовут Раафат. Кайрат был очень счастлив. Они крепко сдружились, а когда Раафата обучили ходить под седлом, Кайрат по-настоящему познал ветер. Они целыми днями скакали по степи, поглощая её просторы. Как им это нравилось! В четырнадцать-пятнадцать лет Кайрат был ещё очень худосочен, практически не имел веса и Раафат носил его без усталости.

Кайрат не сидел в седле, он почти всегда стоял в стременах, особенно уходя в лихой, азартный галоп. Когда не только конь закусывает удила и уже не слушает команды, несёт туда, куда ему самому хочется, но и сам наездник до боли сжимает зубы, а глаза уже не успевают смаргивать выбитые встречным ветром слёзы и они просто разлетаются по сторонам. В эти мгновения из горла начинается вырываться не то протяжный стон, не то старинная, тягучая песня степных кочевников.

В такие минуты Кайрат выпускал поводья, отдавая

себя на волю коня, раскидывал по сторонам руки, представляя, что это крылья и летел.

Едва касаясь копытами земли, они летели, летели... Стремительно неслись над пожухлой травой, над мелким, зеленеющим камышом, над заполонившим всю степь ковылём.

Ковыль переливался из одной волны в другую и полёт будто замедлялся, когда они настигали эту волну. Потом снова приходило ускорение, желание догнать другую волну, более глубокую, более стремительную. И они снова и снова мчались, летели, летели, летели...

Летом, жарким летом начинается буйство ковыля степного. Это удивительно нежное, пластичное растение, повторяющее своими шелковистыми стеблями самое незаметное дуновение ветерка. А когда ветер чуть более упруг, более настойчив, ковыль создаёт настоящие волны. И тогда нужно лишь чуть-чуть включить фантазию, чтобы увидеть себя посреди моря-океана.

В ясный и жаркий день на горизонте, или чуть дальше, можно увидеть горы... Красивые, с острыми пиками вершин, покрытых белым-белым снегом. Горы чуть шевелятся в дрожащем воздухе, словно плавают из стороны в сторону, будто танцуют какой-то неведомый, колдовской танец.

Степь... Как она красива, как величественна!

Кайрату исполнилось шестнадцать лет, а Раафат к этому времени был и вовсе взрослым, состоявшимся конём, очень подвижным, красивым, ловким. Их понимание друг друга, их тяга друг к другу даже с трудом могла бы называться дружбой. У них была какая-то болезненная связь. Сказать «душевная», будет не правильно, но что-то подобное было. Иногда можно было заметить, как они о чём-то шептались... Да, именно шептались.

Уж Кайрат-то точно что-то нашёптывал на ухо своему коню, а тот, снисходительно улыбался и легонько покачивал головой.

Отец даже боялся этой дружбы и часто повторял себе под нос:

- Добром это не кончится, не могут так дружить конь и человек. Не могут.

Сам себя одёргивал, не позволял себе не то что говорить, но и думать так, однако через день, другой забывался и снова бубнил:

- Добром это не кончится.

... Полёт был как волшебство! Как будто Кайрат оказался в другом, зазеркальном мире! Он потерял себя, потерял реальность, потерял даже малейший контроль над ситуацией, над полётом. Он всецело положился на друга, который нёс его навстречу ветру, отчего скорость полёта была ещё выше. Он уже не стоял в стременах, он просто плыл в струях встречного ветра, восторженно наблюдая, как под ним, играя всеми мышцами, старается не отстать от своего хозяина конь, - его друг. А степь, насколько можно было видеть, волновалась, вздымая и опуская ковыльные волны. И трудно было понять, где дно этого моря, где берега, где реальность.

Обе ноги Раафата, неожиданно, провалились в сурчину. Это норы сурка, жителя степей. А может это были норы сусликов. Кони видят такие места ещё издалека и старательно обходят их, но молодые норы, только начинающиеся, трудно приметить. Сурки еще не подняли на поверхность большие кучи глинистого грунта, ещё не успели, а ковыль удачно замаскировал молодые сурчины.

Раафат провалился передними ногами и с диким стоном, вырвавшимся из могучей груди, с оглушительным треском лопнувших сухожилий и переломанных костей, перевернувшись через голову, завалился на бок и пока-

тился так, высоко поднимая голову, на вывернутой в обратную сторону шее, оглядываясь на молодого хозяина.

Кайрат и не понял случившегося, не успел понять. Он просто оказался на земле и сидел, скривившись в груде, потирая ушибленное плечо.

Раафат резко вскочил на ноги и здесь же упал, повторив болезненный, утробный стон. Опять вскакивал и снова валился. Наконец, после очередной неудачной попытки подняться, он замер и, круто выгнув красивую, упругую шею, устался на свои переломанные ноги.

Они были не просто переломаны, пытаясь снова и снова подняться, вскочить, Раафат изрезал острыми обломками костей свою кожу и теперь кости, оголившись, ослепительно белели, уперевшись в серую, пересохшую землю. Копыта, неловко завернувшись в обратную сторону, лежали рядом, ядовито отсвечивая отшлифованными подковами.

Из под обвисшего обрывка кожи упруго била струя крови, ведь сердце до сих пор было в стремительном полёте, стараясь сильнее и сильнее гнать эту живительную жидкость по венам. Стараясь наполнить мышцы драгоценным кислородом.

Струя крови была тёмной, даже чёрной и, долетая до земли, лишь чуть разбрызгивалась, даже не образуя лужицы, жадно впитывалась, исчезала в корнях ковыля.

Раафат смотрел на всё это, выкатив свой огромный, лиловый глаз. Смотрел, не мигая, и в глазу отражались и белые кости, и копыта, и струя крови, и молодой хозяин, подползший к своему другу, и вся, вся степь.

Кайрат, ещё не поборов страх от всего случившегося, ещё не ощутив глубину беды, обнимал коня за шею и не мог найти слов, чтобы как-то успокоить его. Вот из глаза выкатилась слеза и проложила влажную, чуть изогнутую полоску к губам, всё ещё сжимающим удила.

Раафат вдруг обмяк, шумно выдохнул горячий воздух и повалился на бок, повалился в ковыли...

- Нем! Нем! Я спасу тебя!

Кайрат ещё что-то выкрикивал, тряс коня за шею, но тот лежал смиренно, прикрыв глаза. Может он понял всю безысходность своего положения, а может просто окунулся в болевой дурман. Кайрат вскочил и бегом пустился в обратную сторону, зная, что отец непременно поможет, отец обязательно что-то сделает и Раафат вновь будет весел и здоров. Вновь будет летать над степью, легко нося в седле своего молодого хозяина. Летать...

Нашли Раафата лишь на третий день, когда над степью устроили хоровод птицы стервятники. Они, отогнанные от добычи волками, кружили в вышине и ждали, когда те насытятся, ждали своей очереди.

Кайрат в первый день поиска увёл людей совсем в другую сторону. Искали до самой ночи, но так и не нашли. Степь. В ней так легко заблудиться.

Потеря друга не прошла для парня даром. Он так переживал всё случившееся, что через неделю отец увёз его в больницу, где Кайрата продержали почти месяц. Вернулся домой совсем бледным и осунувшимся. Молчал. Потребовалось больше года, чтобы он хоть изредка начал взглядывать в сторону летящего по степи табуна коней, поднимать глаза на степь.

Парни так сдружились, что Кайрат уже часто и даже запросто заходил в дом Жангира, а Жангир собирался летом в гости к родителям Кайрата. В степь, которой он никогда в жизни ещё не видел. Не видел, но уже заочно полюбил те просторы, тот воздух, те запахи свободы. Из восторженных рассказов друга он уже знал, что степь, это очень красивое, не обычное природное явление. Это место, где хочется прожить всю жизнь и

никогда не сожалеть об этом. Но это были пока что слова, слова друга. А хотелось, очень хотелось всё увидеть самому, увидеть своими глазами. Хотелось захлебнуться восторгом от увиденного.

И вот настал тот долгожданный день, когда парни добрались до посёлка, в котором вырос Каїрат. Задерживаться в посёлке не планировали, не такие уж длинные были каникулы перед производственной практикой, чтобы терять день-другой. Уже на завтра решили поехать в степь, где всё лето жил со своими овцами отец Каїрата. Как раз и водовоз туда поедет, подбросит. А путь не ближний, более пятидесяти километров по степи.

Дело в том, что степь в этих краях была несколько необычной. Она была солёной. Да, местные так и называли эти края: солёная степь.

Все озёра, болотца имели солёную воду. Даже не солёную, а приторно солёную, горькую. Только после обильного дождя, когда в ложбинках образовывались лужи, овцы и кони могли там напиться. В озёрах же вода была не пригодна для питья даже для скота. А дождь в тех местах бывал очень редко, а то и вовсе не собиралось ни одной тучки за всё лето.

Правда кони, да и овцы, тянулись в большую жару к озеру, на берегу которого стояли высокие, красивые юрты. Заходили в воду по брюхо и стояли там, пережидая полуденную жару. Может и пили немного. Но основной водопой был организован вечером, когда вся живность собиралась у металлических корыт, а хозяин начинал наполнять эти корыта, открывая кран большой цистерны. Иногда скотина, не дождавшись вечера, приходила на водопой днём и начинала базланить, выпрашивая внеплановую попойку. Но хозяин стойко выдерживал натиск и днём овец не поил. Дело в том, что

днём металлические корыта нагревались на солнце, и вода из них быстро испарялась. Этого старый пастух допустить не мог.

И кони и овцы, приходили все в белёсых штанах. Это соль, от озёрной воды, оседающая на шерсти создавала эффект штанов. И казалось, что все животные форсят друг перед другом, хвастаясь своим нарядом.

Было смешно смотреть, как кони в штанах, а овцы в штанишках, отталкивали друг друга от корыт, торпливо пили тёплую, но пресную воду. Вода в цистерне прогревалась от палящего солнца, оттого и была тёплой. По этой же причине уже через неделю она начинала чем-то припахивать, а потом и вовсе вонять. И уже хоть сколько её кипятят и как угодно крепко заваривай чай, запах не исчезал. Пить такой чай было неприятно. Начиналось томительное ожидание водовоза, который привозил свежую воду один раз в десять, двенадцать дней.

Но даже задохшуюся, душную воду старый пастух очень берёт и понапрасну разливать не позволял. Когда парни купались в озере, звонко оглашая окрестности криками и смехом, отец Кайрата готовил для них «душ». Так он называл старую, обрезанную наполовину пластмассовую канистру, привязанную к столбу. Он наливал туда ведро воды, а внизу ставил широкий таз, чтобы пресная вода не пропадала просто так, без пользы.

Парни прибегали с озера, успев по дороге обсохнуть, и снова смеялись, показывая друг на друга пальцами. И на лицах и на теле выступали соляные узоры, разводы, крепко стягивающие кожу. Они сразу бежали в душ и плескались там, смывая с себя соль. А отец топтался где-то рядом, переживая, что ребята много тратят воды, да ещё умудряются расплёскивать её мимо таза. По окончании процедуры он аккуратно сливал воду в

ведро и ставил в холодильник. А вечером выпаивал скоту, радуясь, что сумел дважды использовать драгоценную влагу.

Отец Кайрата год назад купил квадроцикл. Хотел ездить на нём по степи за отарой. Думал, что на технике будет легче и ловчее, чем на коне. Но отказаться от коня так и не смог. Кряхтел, забираясь в седло, ворчал что-то неразборчивое, даже кривился, будто от боли, но отказаться от коня не смог.

Ребята быстро освоили технику и гоняли вокруг озера, распугивая диких и домашних обитателей степи, поднимая с зеркальной глади на крыло уток и лебедей. Правда, Кайрат всё больше тянулся к молодому, но очень спокойному жеребчику, будто ненароком привязанному за юртой.

Это отец старался залечить старую рану молодого казаха, понимая, что сын не сможет без коня, помня, как тот преданно любил своего погибшего Раафата, подсовывал ему нового, очень выносливого, пусть и не такого резвого коня. Кайрат ходил возле него кругами, потом едва трогал его круп кончиками пальцев. Потом легонько гладил по морде, по мягким, шелковистым губам. Что-то шептал ему, придерживая и оттягивая ухо двумя пальцами. Наконец, отвязал и увёл в степь. Пешком увёл, в поводу.

Отцу, тайком наблюдавшему всю эту процедуру, казалось, что Кайрат нарочно идёт медленно, затягивая шаги, словно проверяет: наступит ли молодой, неопытный жеребчик на пятку человеку. Но конь шёл спокойно и достойно выдержал испытание. Так и скрылись они в степи, обогнув озеро и прикрывшись от посторонних глаз широкопёрыми камышами.

К юртам Кайрат вернулся верши. Неспешно, шагом, но верши. Похлопал по шее коня, голову погладил и рас-

седлал. На завтра они уже уходили в степь с самого утра.

Жангир тоже попробовал себя в седле, прокатившись на старой пастушьей кобылке, рядом с которой постоянно крутился рыжий жеребёнок. У жеребёнка была кудрявая чёлка, словно специально завитая, и чёрные, удивительно глубокие глаза. Он то и дело норовил поднырнуть под брюхо матери, но та не позволяла, беспрестанно перебирая задними ногами и уворачиваясь, отходя в сторону.

В седле, конечно, здорово! Чувствуешь себя настоящим мужчиной, даже пытаешься заглянуть за горизонт, и ветер в лицо, и всё такое. Но на квадроцикле Жангир чувствовал себя спокойнее, увереннее. Так же ощущал себя мужчиной, так же ветер в лицо, так же горизонт, но здесь ты управляешь железным конём. Да и колёса как-то привычнее.

Так и стали парни гонять по степи наперегонки, один в седле, и другой в седле. Только кони были совершенно разные.

Они всё дальше и дальше мчались в степь, открывая для себя новые просторы, новые красоты. Любовались открывающимися пейзажами, подолгу беседовали, развалившись в ковылях, и снова скакали, ехали, летели.

Как прекрасна жизнь! Как прекрасна!

Когда солнце замирало в зените и становилось нестерпимо ярким, что казалось, будто оно заполнило собой весь небосвод, а горы, вырастающие из горизонта, начинали раскачиваться и танцевать, путешественники поворачивали в сторону стойбища.

Кайрат выпускал поводья и командовал:

- Домой!

Конь сам выбирал направление, переходил на рысь, а потом и на лёгкий, неумотительный галоп. Словно по

компасу, словно по натянутой невидимой нити он выводил друзей прямо к стойбищу. Здесь их уже ждал крепкий, горячий чай и душистые, свежие лепёшки.

Как хорошо, что они решили провести свои каникулы именно здесь, в степи. Как хорошо!

Утро. Прохладное, золотистое утро. Сегодня парни решили выехать пораньше, чтобы как можно ближе подобраться к тем дальним, заманчивым горам. Какие они величественные, какие далёкие, недостижимые.

Когда к ним приближаешься, кажется, что они убегают, отдаляются. Может и правда убегают? А может, и нет там никаких гор, может это и правда мираж? Вот и проверим.

Степь... Утренняя степь обладает своей, совсем другой красотой, несравнимой ни с дневной, ни с вечерней степью. Утром прохладно. А в седле, или на квадроцикле, так и совсем холодно, просто прошибает до трясушки. Хорошо, что отец дал им ватники, так бы замёрзли.

Отъехав несколько километров, остановились погреться и залюбовались окружающими красотами. Тишину степи нарушал только конь, лениво перекатывающий по зубам удила, да какой-то сумасшедший, ранний жаворонок, уже очень высоко забравшийся в своём воздушном танце, сопровождаемом невысказанными переливами и трелями только ему известной песни.

Низины и лога, совсем неприметные днём, теперь были раскрашены, заштрихованы густыми отметинами тумана. Там же, в низинах, трава была пропитана росой. От колёс оставались чёткие следы. Росистая трава плотно прилегала к земле. Вот от коня следа не оставалось.

Далеко, далеко, где-то за горизонтом, появился краешек солнца.

- Скорее бы. Хоть погреться.
- Давай во весь опор, согреемся!
- Вперёд!

Взошедшее солнце очень быстро слизало с низин лохматый туман, очень быстро исчезла роса. Колёса уже не оставляли следа, пригнутая, придавленная трава здесь же распрямлялась, не оставляя и намёка на недавнее насилие. Каират ускакал вперёд, огибая едва заметное болото, покрытое чахлым, бледно-зелёным камышом. Жангир запустил мотор и устремился в погоню.

Солёная степь... Это подразумевает не только неудобства, связанные с отсутствием пресной воды. В солёной степи часто, или не очень часто, встречаются солонцы. Их ещё называют солончаками, а местные называют такие места окнами, ямами, скоками. Названий много, а суть одна. Суть таких мест заключается в том, что если в такое окно попадает какое-то животное, очень мало шансов, что оно сможет выбраться оттуда самостоятельно. Это грязевая ванна без дна, от которого хочется оттолкнуться. Грязь так плотно удерживает, даже, кажется, затягивает, что животное, ещё не утонув, теряет волю и желание сопротивляться. Просто медленно, или не очень медленно, погружается в жижу, а через несколько часов на этом месте вновь образуется довольно крепкая грязевая корка. Эта корка, так же как и на соседних участках, лопается не ровными квадратиками, кубиками, ровными трещинами. И никто даже и не подумает, что не так давно именно здесь произошла трагедия, погибло животное.

К счастью, животные легко распознают такие опасные места, и попадают в такие ловушки очень редко.

А распознать их можно легко. На таком грязевом окне не растёт ни единая травинка. С берегов клонится, тот

же ковыль, стараясь прикрыть ловушку, а на самом окне ничего не растёт. Может, животные по этому признаку и распознают их. И не попадают в беду. Окна такие бывают совсем маленькие, а бывают и внушительных размеров.

Жангир, влетев в такое гиблое место, даже не понял, что случилось. Просто мотоцикл стал буксовать, и он сбавил обороты двигателя, остановился, чтобы понять, что происходит. Этого было достаточно, чтобы техника, завалившись на бок, начала быстро погружаться в пучину, выдавливая из под себя серую, вонючую грязь.

Жангир, уже погрузившись в жижу по колени, тщетно пытался запустить двигатель. Потом он просто пытался удержать мотоцикл за выступающий пока ещё руль. Потом кричал и отчаянно разгребал жидкую грязь по сторонам. Снова кричал. Потом понял, что уже сам погрузился по грудь в холодную, липкую жижу и с трудом, с трудом выбрался на край ямы. Повалился в траву в полнейшем смятении.

Показался Кайрат. Он скакал, стоя в стремях и смотрел куда-то вдаль. Жангир обречённо опустил голову, собираясь выслушивать много неприятных слов. Но всадник проскакал мимо. Жангир, не понимая происходящего, проводил глазами друга, и, только когда тот совсем далеко ускакал, понял, что тот его не увидел.

И действительно, Кайрат искал взглядом квадроцикл, он просто не заметил сидящего в камышах товарища. Просто не заметил.

Жангир начал кричать, но уже проснувшийся ветерок легко относил звуки в сторону.

Оставив на месте, где случилось такое несчастье, пропитанный грязью ватник, Жангир тронулся в путь.

Одежда, особенно брюки, успели подсохнуть и теперь коробились и хрустели. Рубашка, словно скафандр малого

размера, плотно стягивала тело, не давая вздохнуть полной грудью. Идти было трудно, да и направление движения стало вызывать серьёзные сомнения. Солнышко, резво приподнявшись над горизонтом, не только обогрело всю округу и осушило росу в самых укромных балках, оно уже выдавило испарину на испачканном лице Жангира, предвещая трудный, очень жаркий день.

И главное, это то, что оно, солнце, было не в той стороне! Ведь они ехали в сторону гор... Солнце было слева... Теперь и горы сместились... И солнце...

Растерянность вселила первые признаки испуга. Сразу всё тело прошила какая-то слабость. Жангир присел и стал озираться по сторонам. Ни одного движения, ни птицы, ни суслики. Только кузнечики, словно обрадовавшись наступившей жаре, затянули свои многоголосые песенки, застрекотали на всю степь.

Сидеть было неудобно, рубашка жёстким корсетом стягивала тело.

- Нужно найти озеро или болото, найти воду и отмыть, отмочить всю одежду.

Двинулся дальше. Шёл по убеждению, что идти нужно именно туда, ни как не согласуясь с тем, что солнце висит совсем в другой стороне. Да и кто его учил, городского жителя, как нужно себя вести, если ты заблудился. Заблудился в лесу, в степи, в городе. Кстати, многие жители деревни, оказавшись в городской среде, очень трудно, психологически, переживают этот факт. И очень серьёзно начинают блудить по городу, доводя себя до иступления, до стресса. А что уж говорить о городском человеке, попавшем в беду, заблудившись в дикой степи.

Далеко впереди и чуть в стороне Жангир заметил какой-то зелёный массив. Поняв, что это или озеро, скрытое камышами, или болото, направился туда.

Голову нестерпимо пекло, всё тело шипало от грязи и соли. Болото оказалось гораздо дальше, чем показалось сначала. Пришлось ещё раз остановиться и полежать, прикрывая голову руками. Но и лежать становилось не в мочь. Снова поднимался и торопливо шёл, предвкушая, как будет купаться в прохладной воде озера.

Поднялась и окутала обида на друга, который так легко оставил его в степи, усакавав домой.

- Наверное, пьёт сладкий чай со свежими лепёшками.

«Пьёт»... «Пьёт чай»... Понял, что уже давно хочет пить. Там, в мотоцикле, была пластиковая бутылка с водой. Он каждый раз хотел вылить старую воду из бутылки и налить свежей, но всегда забывал. Да и не пользовался он той водой. А вот теперь можно бы и попить. Даже такую, старую воду.

Мысли о воде придали сил, и путник быстрее двинулся в сторону камышей, местами даже делал несколько шагов бегом.

Стены камыша, как это ему представлялось, не получилось. Его обступили мелкие, чахлые растения, едва достающие до груди. Ноги начали проваливаться в жижу, наподобие той, в которой утонул мотоцикл. Но Жангир всё пробирался и пробирался вперёд, в надежде выйти к какому-то озеру, или хоть небольшому плёсу, где можно будет искупаться и отмыть одежду.

Ни плёса, ни озера, так и не встретилось. Лишь затянутые ряской, мутные оконца среди камыша, размером с тарелку. Зачерпнув ладонью такой жидкости, попробовал её на язык. Это был насыщенный солевой раствор. Вконец измученный, Жангир выбрался на сухой берег и повалился на землю. Долго лежал так, не шевелясь. Солнце остановилось в зените и жарило во всю свою мощь, словно наслаждаясь этой мощью, наслаждаясь своим величием, своей неотвратимостью и сокрушительностью. Плавился полдень.

Даже кузнечики сбавили громкость своего оркестра. А воздух разогрелся так, что дышать стало совсем трудно, казалось, что лёгкие обжигаются таким воздухом.

Ещё раз попытался избавиться от заскорузлой рубашки. Наконец, это удалось. Ткань вместе с засохшей грязевой коркой лопнула и Жангир разорвал её, снял с себя как какой-то панцирь. Отбросил в сторону.

Снова шёл, уже не разбирая куда, в какую сторону. Лежал, обжигаясь горячей землёй. Опять шёл. Глаза, утомлённые солнцем, сплпались, но он и не раскрывал их, просто шагал, шагал, приминая бесконечные ковыли, улавливая хруст ломающейся сухой травы под ногами. Шагал, шагал...

Очнулся, пришёл в себя Жангир уже глубокой ночью. Очнулся от бешеного озноба, которым колотило всё тело. Он сел, осмотрелся кругом, но ничего кроме россыпей звёзд не увидел. Но звёзд было столько много, столько, что другого ничего и не нужно было. Казалось, что весь мир только и состоит из этих звёзд. И что сам он сидит на одной из них, такой же маленькой и блестящей.

Дрожь била всё тело, сильнее и сильнее. Он даже встал на ноги и попытался сделать несколько шагов, чтобы согреться, но быстро отказался от этой затеи. Ноги совсем не слушались.

Мучения продолжались долго. В голове, как в кастрюле с пригоревшей кашей, рождались и тут же пропадали какие-то мысли. Кипела обида на Каїрата. Он даже не хотел уже думать о нём, как о друге. Как он мог бросить его, как мог? Разве друзья так поступают?

Жангир и подумать не мог, что Каїрат, вместе с отцом, провели эту ночь в сёдлах. До хрипоты изодрали глотки, расстреляли все до единого патрона, стараясь обнаружить пропавшего гостя. Но искали они его

совсем в другой стороне. Степь . Она такая огромная.

- Вот если бы заблудиться в лесу. Вот было бы хорошо. Можно развести костёр и греться возле него. Греться... Греться.

Возможно ли, что Жангир заснул? Видимо, возможно. Пробуждение было таким же болезненным, как и возвращение из небытия. Болело всё тело, ныли и не разгибались суставы, голова звенела и разламывалась. А далеко, далеко за горизонтом набухало, всплывало улыбочливое солнышко. Правда, одинокого человека, сидящего на голой земле, среди бескрайней степи, солнце больше не радовало. Он как-то искоса, неприветливо смотрел в сторону восхода, с трудом разлепляя спёкшиеся, воспалённые губы. Очень хотелось пить.

Нужно было идти, пока не наступила враждебная жара. А куда? Куда идти? Встал, сделал несколько шагов, повернулся в другую сторону, снова шагнул. Ноги слушались плохо. Хотелось лечь в траву и забыться.

В голову пришла какая-то шальная мысль, что не может быть, чтобы все болота и озёра в степи были с солёной водой. Не может такого быть. Просто нужно поискать, болото с пресной водой непременно найдётся. Снова вскочил и стал искать глазами зелёные пятна в степи, камыши.

Кинулся туда, запинаясь и падая. Здесь же поднимался и шёл, шёл, с трудом удерживая голову, клонящуюся на грудь. Такая тяжёлая голова.

Даже не заметил, как солнце поднялось высоко, высоко. Или оно всегда там висело?

На коленях полз в сторону камышей... Там, там вода... Вода...

На празднование Нового года мама сделала ему костюм ангела. Длинная, до самого пола, белоснежная рубашка и крылья... Какие это замечательные были крылья!

Такие же белые, мягкие и совсем настоящие. Настоящие! Жангир надевал их на себя каждый день и крутился перед большим зеркалом. Настоящие крылья!

Отец отчего-то сердился, когда ребёнок прыгал по квартире с крыльями за спиной. Мама уговаривала снять их и занимала сына чем-то другим, отвлекала. А крылья клала на верхнюю полку, чтобы он не мог их достать.

На другой день Жангир снова бегал и прыгал с крыльями за спиной. А отец снова ворчал, что-то выговаривая жене. Крылья снова забирали, не обращая внимания на слёзы.

Однажды, уже засыпая, Жангир увидел, как отец снял с полки крылья и вышел из квартиры. Он выбрался из под одеяла и прильнул к окну. Отец вышел из подъезда, приблизился к мусорным бакам и, грубо сломав крылья, бросил их в мусорку. Невероятная боль пронзила всё тело мальчика. Упав со стула, он корчился в судорогах, пока приступ не прошёл.

Жангиру тогда по-настоящему было плохо. Он даже плакать не мог, просто молчал, целыми днями молчал. Мать носилась с ним по клиникам, по врачам, но те лишь пожимали плечами:

- Мальчик перенёс какой-то стресс, но если не хотите рассказать, тогда сами лечите.

Время вылечило. Но вот теперь, когда снова стало очень плохо, почему-то вспомнились те крылья.

- Как бы они теперь пригодились. Как бы пригодились...

Плавился очередной полдень. Земля раскалилась так, что до неё нельзя было дотронуться. Воздух стоял стеной, без малейшего движения, лишь струился, словно пар из кипящего чайника. Ни ветерка.

Обжигая руки о раскалённую, потрескавшуюся землю, Жангир полз на коленях, падал и снова поднимался. Снова полз, полз.

- Воды... Только глоток воды. Только глоток.

Наконец, камыши придвинулись и за них можно было ухватиться, чтобы встать на ноги. За них можно держаться, чтобы не упасть.

- Воды...

Болото вновь оказалось с чахлой растительностью, а первые камыши были лишь обманом, лишь желанием. Под ногами опять чвакала противная, вонючая жижа. Дышать стало совсем нечем, не хватало кислорода, голова кружилась.

- Только глоток... Один глоток воды...

Отсутствие достаточного количества жидкости в организме человека делает его совершенно безвольным и беспомощным. А разум отказывается воспринимать и правильно анализировать реальную действительность. Человек начинает покорно подчиняться обстоятельствам.

Да и гибель всего организма наступает значительно раньше из-за отсутствия воды, нежели при отсутствии пищи.

А в данной ситуации решающую роль играли внешние факторы. Так, жара очень быстро высушивает плоть человека, превращая его в какую-то мелкую, природную субстанцию, превращая его просто в сухой лист растения, или корку засохшей степной глины.

- Пить... Пить...

Ноги стали проваливаться глубже, а грязь превратилась в воду, смешанную с растительным мусором. Да и не вода это вовсе, а так, выжимки грязевые.

Жангир трогал жижу руками и шагал, шагал дальше. Камыш уже скрывал его с головой. Наконец, он наткнулся на небольшое оконце воды. Может это окно было размером с тазик, а может и того меньше, но это была вода. Настоящая вода!

Размахнув, раздвинув руками ряску, он торопливо склонился и набрал полный рот тёплой, болотной воды.

- Тьфу... Тьфу, какая гадость!

Вода была приторно горькая.

- Какая гадость!..

Ещё постоял, с трудом удерживая равновесие, удерживая себя от падения, перебарывая дикую слабость во всём теле. Ноги уже увязли почти по колени. Ещё и ещё отплёвывался.

- Гадость!.. А если просто помочить лицо, голову. Может, станет легче?

Он снова наклонился и, словно прячась от бешеного солнца, опустил лицо в воду.

Глубже вода не была такой противно тёплой. Он снова распрямился, посмотрел вверх, в небо, где не было солнца, а было лишь сплошное пекло, способное изжарить всё живое, неосторожно оказавшееся на этой огромной, раскалённой сковороде, под названием степь.

Осторожно втянул в себя порцию раскалённого воздуха и опять погрузил лицо в воду. Глубже. Ещё глубже. Почти до самого дна.

- Кто бы мог подумать?!

Вода в глубине была прохладной! Эта прохлада приятно шекотала лицо, освежая его, просветляя мысли.

- Откуда она, эта прохлада? А вдруг именно здесь из земли струится живительный родник? Это родник!

Жангир представил, как ломит зубы от холодной, родниковой воды

Он раскрыл губы и торопливо начал пить. Мог бы ещё долго пить, как ему представилось, холодную, родниковую воду, но закончился воздух и человек шумно, радостно вынырнул.

Конечно, ни какого родника там и в помине не было, да и не могло быть. Просто уставшее, больное вообра-

жение нарисовало такую благостную картину и заставило себя же этому поверить. В этой степи не было и не могло быть пресной воды.

- Родник! Вот ведь как повезло! Повезло!

Руки и ноги совсем ослабли, обсохшее лицо покрылось белой коркой соли, крепко стягивающей кожу.

Он с трудом вытащил, выдрал из грязи ноги и, развернувшись, потащился в обратную сторону. Накатывало обморочное состояние, очень хотелось лечь.

Едва выбравшись из камыша, Жангир упал на четвереньки и тут же изрыгнул из себя большую часть выпитой воды. Почувствовал и понял, что ни какой это ни родник. Просто помутившееся сознание не смогло проконтролировать ситуацию, и человек напился горькой воды.

Точно так случается с людьми, потерпевшими кораблекрушение и чудесным образом спасшимися. Несколько дней они терпят. Хотят пить, но терпят. А потом начинают пить морскую воду. Им кажется, что они попали в такое место, где вода почти пресная. Находят для себя какие-то оправдания, наподобие того, что в этом месте прошёл сильный дождь, или, что именно в этом месте несёт свои воды какая-то подводная река, обязательно пресная, ещё что-то. И начинают пить морскую воду.

А вскоре погибают. Ни почки, ни печень, не могут справиться с такой нагрузкой. Человек убивает сам себя.

Жангир катался по земле и корчился от боли, слабел с каждой минутой. Отплёвываться сил уже не было, лишь изредка смахивал с губ обильную пену и слизь, чтобы не мешали дышать.

Ползти уже не мог, да и шевелиться не хотелось. Живот вздулся синим, неровным бугром и стал твёрдым, как камень.

- Это печень. Я умираю?

Глаза не хотели открываться, всё тело покрывалось липким потом, руки и ноги дрожали. Время остановилось, или наоборот, неслось вскачь? Одно было ясно: время потеряно.

Страшные рези в животе заставили открыть глаза. Рядом с лицом, совсем рядом, обнаружилась чужая голова, с маленьким, чёрным глазом и огромным, крючковатым клювом. Птица, заметив приоткрывшийся глаз человека, придвинулась ближе, явно намереваясь клюнуть именно в этот, приоткрывшийся глаз.

Страх пронзил всё бездвижное тело, заставил хоть как-то встрепенуться, проявить жизнь. Показать эту жизнь, собирающимся на пир стервятникам.

С другой стороны ещё сидела такая же птица, безучастно поглядывая по сторонам. В ногах, чуть поодаль, зевая во всю пасть, сидел волк. Нет, это была волчица. Жангир понял это, разглядев длинные, замусоленные соски, свисающие чуть не до земли. Волчица снова и снова зевала, показывая свои огромные, желтоватые клыки.

Глаза волчицы смотрели на него жадно, но спокойно. Они, словно успокаивали, словно хотели сказать:

- Ничего, не беспокойся. Я подожду, когда ты окончательно ослабнешь.

- Нет! Нет! Я не хочу!.. Не хочу...

Казалось, что он громко, во весь голос кричит, на всю степь. На самом же деле он лишь чуть шевелил вздувшимися губами и едва слышно шептал эти слова.

Но и этого было достаточно, чтобы птицы отпрыгнули, а волчица насторожилась, приподняв разорванное надвое ухо.

Переживая все эти события, Жангир с удивлением отметил, что солнце уже висит над самым горизонтом, а воздух совсем не горячий. И что он снова

начинает замерзать и его бьёт сильная дрожь, сотрясая всё тело. Попытался сесть, но не смог. Только шептал и шептал:

- Нет, я не должен... Я не должен умереть. Нет...

Волчица, словно поняв слова, пригнула голову, слилась с травой и бесшумно исчезла в камышах. А птицы, теперь их уже было три, как по команде, подпрыгнули и стали торопливо отталкиваться крыльями об остывающий, вечерний воздух. Шеи их были неуклюже вытянуты в одну сторону.

С противоположной стороны, верхом на взмыленном коне, подъехал усталый всадник. Спешившись, он снял с седла ружьё и дважды выстрелил в темнеющее небо.

Жангира спасли. Успели. Довезли его до больницы, где промыли желудок и ещё месяц держали под капельницами. С Кайратом они остались хорошими, большими друзьями, но больше Жангир в степь не ездил. А если вдруг разговор касался этой темы, он всегда говорил:

- Солёная степь, это самое гиблое место на нашей планете. Я смог выжить только потому, что моё имя обозначает: покоритель мира.

Степь... Какая это красота! Какая ширь, простор! Степь!..

Литературно-художественное издание

ПОД ТЕНЬЮ ВЕКОВОГО КЕДРА

сборник работ победителей и участников
Международного литературного конкурса малой прозы
«ЭтноПеро»

Составитель: Ю. Б. Феденева
Верстка и оформление: С.О. Кузина

Подписано в печать 14.11.2017. Усл.-печ. л. 12,6 п.л.;
Формат 60х84 1/16.

Государственное бюджетное учреждение культуры
Свердловской области
«Свердловская областная межнациональная
библиотека»
620146, г. Екатеринбург, ул. Академика Бардина 28
Тел.: (343) 243-17-05, 240-44-55

Отпечатано в типографии
ООО «Издательство УМЦ УПИ»
г. Екатеринбург, ул. Гагарина, 35а, оф. 2
Тел.: (343) 362-91-16, 362-91-17

